



*романтическая
комедия*

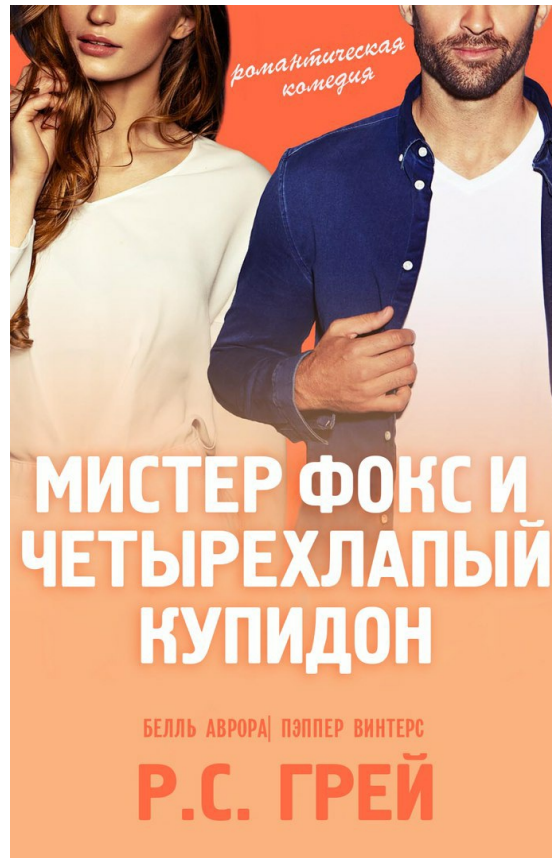
МИСТЕР ФОКС И ЧЕТЫРЕХЛАПЫЙ КУПИДОН

БЕЛЛЬ АВРОРА | ПЭППЕР ВИНТЕРС

Р.С. ГРЕЙ

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Р.С.Грей
«Мистер Фокс и четырехлапый купидон»
Вне серии



Название: «Мистер Фокс и четырехлапый купидон»

Автор: Р.С.Грей

Серия: Вне серии

Переводчик: Ирина

Редактор: Марина

Вычитка: Matreshka

Обложка: Катя

Переведено для группы: https://vk.com/bellaurora_pepperwinters

18+

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Когда твоя жизнь в полной неразберихе в двадцать лет — это миленько. В двадцать семь... не особо. Мои возвышенные мечты: стать настоящим агентом по недвижимости, платить аренду вовремя, ежедневный горячий душ — остались просто мечтами. Ох, а любовь? Я решила, что в этот момент любовь может быть для меня немного сложной. Вместо этого довольствуюсь двумя парнями, которые никогда не подводили: Ben & Jerry (прим. марка мороженого). Так длится, пока в нашем городе не обосновывается новый ветеринар - доктор Адам Фокс. Благодаря его сильной линии челюсти, самоуверенности и идеально облегающей тело форме, каждая домохозяйка Гамильтона начала водить безнадзорных кошек на еженедельные осмотры. Как и все остальные, я заинтригована. Даже после того, как я испоганила свой шанс на хорошее первое впечатление, он все еще делает мне предложение, от которого я не могу отказаться: сыграть его девушку на семейном барбекю, и в таком случае он наймет меня как своего агента по недвижимости. Добро пожаловать в мир любви XXI века. Очень жаль, что я недооценила неопровержимое очарование Адама и неоспоримое притяжение, разгоревшееся между нами. В день, когда он прижимает меня к стене и затыкает поцелуем, граница между реальностью и нашей маленькой хитростью размывается. Каждое дразнящее прикосновение ставит меня на колени. Каждый поцелуй обещает большее. Кажется, моя неразбериха в жизни стала немного горячее.

Глава 1

Мэделин

Любовь между ним и мной не нормальная. Кто-то назовет ее неестественной. *Неправильной*. Все, что видят другие, — его размеры, и это их пугает. Он массивный, слишком большой даже для его собственного блага, правда, но он также красивый — *такой красивый* — с шоколадного цвета глазами, которым я не могу сказать «нет». Хотя, не буду приукрашивать — он не без изъяна. Он ужасный слушатель, и

честно говоря, независим до мозга костей. Целуется слюняво, и повсюду разбрасывает свои вещи. Но каждый раз, когда я прихожу домой и запускаю свои пальцы в роскошные пряди, я забываю обо всех его недостатках. И когда нахожу его волосины повсюду на диване, и в кровати, и на своей одежде, и на коврике — я не выхожу из себя. Я всегда знаю, что от вечной любви меня отделяет всего лишь одно движение валика для сбора шерсти.

Потому что он любовь всей моей жизни.

И он — мой пес.

Ну, технически, он — мой щенок.

Ему едва исполнилось пара месяцев, а он уже достиг размеров маленького пони. Очевидно, он вырастет весьма большим, но я не знала этого, когда брала его в приюте. Тогда, когда я проходила мимо черно-коричневого комочка шерсти, одиноко сидящего в клетке, ему было около двух недель. Он сидел там тихонько, не умолял, чтобы его приласкали, и не скулил о своем жилье. Он молча уставился на меня, изучая глазами глубокого темного карего оттенка, и я безумно влюбилась.

Как и все остальные зануды, что заполняли бумаги на передачу животного из приюта, я вошла, с намерениями уехать без собаки, как и ехала сюда. Я даже написала своей подруге, Дейзи, для подтверждения.

Мэделин: Я просто посмотрю. И все.

Дейзи: Ага, конечно... Пришли мне фотку собаки, которую возьмешь домой, потому что ты НЕ уйдешь оттуда с пустым поводком.

Я хотела доказать ей, что она не права, но затем наткнулась на этот маленький комочек.

— Он очень-очень милый, — сказала я волонтеру в приюте.

— Согласна. К сожалению, он чрезмерно энергичный, — залепетала она. — Его сдал сам хозяин. Мужчина, который оставил его вчера — кажется, он был пожарным — не смог больше его выносить, — я рассмеялась, и попросила ее принести мне манеж, чтобы я сама смогла оценить. Мы играли в «поймай и принеси», и он вел себя как обычный щенок — энергичный и радостный вниманию, — но через десять минут он залез ко мне на колени, свернулся клубочком, и тут же уснул. Я пропала.

— Что это за собака? — спросила я, уже представляя, как он будет спать в моей квартире. Куплю ему маленькую кроватку, уложу подушками и поставлю прямо у изножья моей кровати. Поначалу буду удерживать его подальше от мебели, но знаю, что мне не избежать того момента, когда я дам ему диванную привилегию — кто вообще может сказать «нет» этим щенячьим глазкам?

Волонтер, которая — как я думаю — работает по совместительству продавцом подержанных машин, пожала плечами и сказала мне, что у него *смешение пород*.

— То есть, он дворняга? Так как думаете, насколько большим он вырастет?

Она притворилась, что изучает его лапу, на которую малыш опустил свою милейшую маленькую мордашку.

— О, с этим крохотными маленькими лапками? Вероятнее всего, не вырастет больше, чем обычный золотистый ретривер.

Теперь я хохочу, вспоминая тот момент. Его лапы — те «крохотные маленькие лапки» — кажется, увеличиваются в два раза за ночь. Теперь они выросли достаточно, чтобы нести нас обоих по тротуару на стремительной скорости, даже если я тяну его за поводок, пытаюсь замедлить.

— К ноге, Мышонок! К ноге!

Да, его зовут Мышонок, и когда люди слышат кличку, им кажется, что это смешно. *Огромная собака по имени Мышонок?! Очень разумно.* Я улыбаюсь и киваю, и уж точно не говорю им, что назвала его Мышонком, когда он *был* размером с полевую мышку.

— Мышонок, у меня есть органическое лакомство из лосося! — снова пытаюсь я, и, кажется, мой голос, наконец, пробивается через его толстую черепушку. Он замедляет ход, пока не оказывается прямо рядом со мной на тротуаре, пялясь на меня щенячьими глазками. Язык свисает на бок, и, если собаки умеют улыбаться, то сейчас Мышонок лыбится от уха до уха. Он, правда, не от мира сего.

Я даю ему лакомство, а затем протягиваю еще одно в закрытой ладони, чтобы он знал, что его ждет. Я поняла, что я, может, и не лучший тренер, но в собачьих взятках — я как рыба в воде. И пока этого хватит, учитывая, что я уже в рабочей одежде.

Сейчас утро понедельника, и мы на пути в ветеринарную клинику. Мы побывали там множество раз за последние несколько месяцев —

еще одна деталь, которую волонтер так удобно забыла упомянуть. Щенкам, очевидно, нужно больше прививок, чем младенцам. Я серьезно подумываю о том, что его медицинский уход лучше моего.

Сегодня утром я составила сомнительный план, который заключался в том, чтобы выгулять Мышонка перед работой. Будучи оптимисткой, я всегда мечтала о милой ленивой прогулке, во время которой он, наконец, подчинится командам, которые я ему даю время от времени. Мышонок, с другой стороны, по большей части реалист. Он хочет нюхать и дергать поводок. Хочет бежать и испытать себя в качестве охотника на белок. Подумываю бросить миссию и вернуться назад, но знаю, что в этот момент не могу этого сделать. У меня есть скудное понятие об анатомии человека, и я задаюсь вопросом, сможет ли моя рука вывернуться из суставной ямки, как рука у куклы Барби.

Он снова начинает тянуть, заметив какое-то лесное животное впереди. Я паникую и сую лакомство из лосося прямо ему под нос.

— Пойманный в дикой природе атлантический лосось, Мышонок! *Помнишь?*

Нет, не помнит. Ему насрать на мое вонючее лакомство, потому что бы там ни было впереди, оно *дикое и непойманное*. Вероятно, в его глазах, белки превращаются в филе, обернутое в бекон, как герои мультфильмов. Он начинает тянуть вперед, и я трусцой бегу за ним, отчаянно пытаюсь удержаться за его поводок. Соппротивление подстегивает его, и он начинает набирать скорость. Внезапно, я пускаюсь в полноправный бег, и уверена, что из-под моих каблучков уже летят искры.

— Нет! Мышонок! НЕТ! К НОГЕ! — я кричу со всей мощи, но он не слушает.

Он бежит, и я спотыкаюсь, пытаюсь удержать нас обоих.

— СЯДЬ! НЕТ! ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ УГОЩЕНИЕ?! — по его мнению, я выкрикиваю несусазицу. Он набирает скорость, и я теряю землю из-под ног. Я почти лечу вниз, но вовремя беру себя в руки.

Понимаю, что выгляжу и звучу, как истеричка в данный момент, но у меня нет выбора. Вспоминаю, как видела новости о подростках весом в сорок килограмм, которые обретали силу супермена, чтобы поднять целые машины с их отцами внутри, поэтому закрываю глаза и сильно тяну за поводок. Невероятно, сообщение получено, и на мгновение он останавливается, поворачивается и смотрит на меня.

— Хороший...мальчик... Мышонок, — шепчу я, боясь развеять чары, которые мне каким-то образом удалось наложить. Хотя он и редко признает мои команды, его глаза светятся от похвалы. Он, наконец, замечает сделанное вручную лакомство в моей левой руке.

— Вот так, Мышонок, — пыхчу я, пытаюсь перевести дыхание. — Все это может быть твоим, и больше, если ты только... нет, нет, не смотри на ту белку!

Мышонок возвращается к своему курсу, подпрыгивая и выдергивая поводок из моей руки. Я лечу вниз, взбрасывая руки в воздухе, и меня встречает острая боль, причиной чему оказывается асфальт, в который я врезаюсь левым коленом и ладонью. Я морщусь и с силой закрываю глаза, понимая, что слезы вот-вот побегут по щекам. *Я не стану плакать. Я не стану плакать из-за собаки.*

— МЫШОНОК!

Я кричу, как резанная, и свирепо, потому что я раздражена. Как только доберусь до него, то с помощью хирургического вмешательства внедрю его поводок в свою руку, потому что дни лососевых лакомств закончились. Больше никаких вкусов — пусть ест купленное в супермаркете дерьмо, как всякая дворняга.

— Господи! Какого... — мужской голос произносит из-за угла.

Я поднимаю голову и кровь сходит с моего лица. Туда побежал Мышонок. Он вырвался из моей хватки и ринулся за угол. Я встаю на ноги и спешу за ним, в ужасе от того, что найду по ту сторону. Он — дружелюбная собака, но его немного заносит. Типа сбежавшего из психушки пациента, движимого желанием облизать все лица в мире.

— Мышонок! — снова пытаюсь позвать я, когда огибаю угол и нахожу самую ужасающую сцену из всех, что можно придумать.

Очень легко сложить все кусочки воедино. На тротуаре сидит мужчина. Мышонок сидит на нем, облизывает его лицо, и, может, все было бы не так плохо, если бы не грязь. Я морщусь, когда пялюсь на большую лужу у меня под ногами. Теперь я могу представить полную картину: Мышонок огибает угол, летя прямо в лужу, а затем запрыгивает на незнакомца с такой силой, что это сбивает того с ног. Его костюм полностью покрыт грязью — его *дизайнерский* костюм, судя по покрою.

Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Я не могу позволить себе купить этому незнакомцу новый костюм, поэтому у меня есть только один вариант. Я убью Мышонка. Я убью его,

как Круэлла де Вилль, и сделаю из него новый костюм.

— Мне *так* жаль, — произношу я, но затем понимаю, что мужчина не слышит, потому что я до сих пор прикрываю рот рукой, и я в полном шоке от наглости своего щенка.

— *Вы издеваетесь надо мной?*

Это слова незнакомца.

Хоть они и не ужасны, что-то в его тоне явно внушает страх.

Я начинаю действовать, понимая, что проходит почти минута, и Мышонок все еще на нем, облизывает его лицо. Я хватаю собаку за ошейник и оттаскиваю.

— Плохой пес! — упрекаю я, надеясь передать свою злость на собачий язык.

Мышонок пялится на меня, довольный, не обращая внимания. Для него это потрясающее утро. Еще не полдень, а он уже погулял, прыгнул в грязь, и выкупал незнакомца в своих слюнях.

Незнакомец.

Вспоминаю, что он все еще там, когда он встает на ноги, обтряхивает костюм, впустую пытаюсь отчистить большую часть грязи. Без толку. На нем массивные отпечатки грязных лап, покрывающие весь перед его отглаженной белой рубашки и синего пиджака.

— Вам больн...

Я намереваюсь спросить, не больно ли ему, правда, но затем я впервые, наконец, смотрю на его лицо, и полностью лишаюсь дара речи. Мышонок сбил не какого-то там незнакомца, а такого, которых мы с Дейзи называем *образчик идеального мужчины*. Если бы Мышонок убил его, я бы вставила в парня иголки и отправила его по почте в Смитсоновский институт с пометкой Homo sapien perfectus.

Даже покрытый грязью, его вид говорит мне о больших деньгах, которые водятся у голливудских звезд. И если бы он в данную секунду не хмурился на меня, я бы упала в обморок. Черт, даже с его недовольством, я немного близка к обмороку. Передо мной идеальная комбинация пронизательных зеленых глаз и сильной челюсти. Он чисто выбрит, и его темные волосы аккуратно взлохмачены руками. Он высокий, и хоть даже на нем костюм, могу сказать, что тело у него внушительное. Мне нужно только три секунды, чтобы подтвердить, что он самый привлекательный мужчина, которого я видела в реальной жизни, и он в данный момент говорит мне держать свою собаку под

контролем. Говорит, что я не должна иметь такую собаку, если она не дрессированная надлежащим образом. Он — проповедник, а я — хор.

Я не могу ничего сделать, кроме как тупо молчать и кивнуть.

— Он щенок, — отвечаю я. Можно подумать, это все объясняет.

— У щенков нет иммунитета к дрессировке, — говорит он, прищуривая глаза на меня, словно это я проблема — я, а не адская псина, которая теперь довольно сидит у моих ног.

Думаю, он собирается продолжать поносить меня, но качает головой и разворачивается в противоположном направлении вниз по тротуару.

Нем! Он не может уйти. В последний раз, когда такой красивый мужчина останавливался в этом городке, было в 1957 году, когда у Марлона Брандо сломалась машина на междугородней трассе. Администрация даже сделала табличку по этому поводу, и все такое.

— Эй, подождите! Могла бы я... эм... позвольте оплатить счет в химчистке! — выкрикиваю я ему вслед. — Или сеанс к хиропрактику? Вы не ушиблись?

Он отмахивается от предложения и направляется обратно по улице, явно спеша убраться от меня подальше. Я стою там, замерев на месте, восторгаясь его удаляющейся спиной. Это невероятно подавляет. Я годами не сталкивалась с мужчиной, — если вообще сталкивалась — от которого так скручивает желудок, руки бросает в дрожь и кровь приливает к мозгу. Но этот незнакомец вызвал во мне именно такую реакцию — *он явно это сделал*, и теперь он уходит, все удаляясь и удаляясь, и я знаю, что, скорее всего, никогда не увижу его снова.

Я вздыхаю и смотрю вниз на Мышонка. Он ждет меня, склонив голову на бок.

— Ты мелкий монстр. Мог поддержать его чуток подольше? Может, у меня появился бы шанс заполучить его своей ослепительной личностью.

Мышонок гавкает в ответ.

Я вспоминаю, что в данный момент у меня идет кровь, и я опаздываю на прием в ветеринарную клинику. Вздыхая, сожалею о последнем эпизоде «Жизнь Мэделин Тэтчер» — том, в котором незнакомец в синем костюме станет ничем большим, чем коротким ярким эпизодом.

Глава 2

Адам

Ненавижу Техас. В душе я северянин. В Чикаго я мог бы пройти по заполненной народом улице, и не встретиться взглядом ни с одним из толпы. Очевидно, в ковбойском Техасе я даже на работу не могу сходить, чтобы меня не завалила собака какой-то незнакомки.

До сих пор поверить в это не могу.

Я в ярости.

И я опаздываю на работу.

Я оставил ошарашенную брюнетку на тротуаре, которая кричала что-то о химчистке, словно смелостью она могла избавиться от своих проблем. Лучше бы она с пользой потратила время на дрессировку того щенка, который будет становиться лишь больше. А если бы я оказался пожилым дедком? Раненым? Не в настроении разбираться с грязью на своем костюме?

Я срываю его с себя и отбрасываю. В моем шкафу висит с десяток таких же, но я убеждаю себя в том, что то, был мой самый любимый. *Она уничтожила мой любимый костюм* звучит более драматично, нежели *она уничтожила мой костюм*.

Я прекрасно таю обиду.

Это тоже прибыло со мной из Чикаго. Тот город знает, как по-настоящему зависнуть на чем-то. Взять хотя бы погоду — восемь месяцев зимы против оставшихся четырех. Здесь, в Техасе, сейчас поздняя весна, солнце всю сияет, и я хотел насладиться прекрасной

прогулкой на работу, но она и это уничтожила.

Добавляю это к своей затаенной обиде, когда заканчиваю переодеваться и спешу назад к двери. Я уже уведомил персонал о своем опоздании, но весь день все равно можно пустить коту под хвост. Жалею, что не сказал этого той брюнетке, но вместо этого я упрекнул ее в отсутствии дрессировки у ее пса — не самый мой благородный поступок, но тяжело оставаться собранным, когда собака пытается сыграть в хоккей с вашими гландами. Мне удалось подавить ругань, что формировалась у меня в голове. Только потому, что я из Чикаго не означает, что я должен быть стереотипом.

Снаружи меня ждет моя машинка, такая черная и лоснящаяся. Прошу прощения за то, что подумывал оставить ее в Чикаго. Этот урок я усвоил тяжело и надолго.

Парковка на работе заполнена, когда я прибываю, что означает, я опаздываю даже больше, чем думал. Паркуюсь на своем зарезервированном месте и бегу к черному входу. Ненавижу опоздания, и ненавижу отставать от графика. Придется работать быстро, чтобы догнать.

Мой белый халат висит на спинке стула у моего стола. Хватаю его, кивая некоторым из персонала, нелепо извиняясь за опоздание. Это всего лишь моя третья неделя на работе, так что я еще не пробыл здесь достаточно долго, чтобы доказать, насколько я пунктуален. За это тоже мне стоит благодарить брюнетку. Клянусь, если я еще, хоть раз ее увижу, я на ней отыграюсь.

— Доктор Фокс, этим утром пациентов у вас собралось порядком, — говорит одна из ассистенток, когда я выхожу в коридор. Как раз поправляю воротник своего белого халата, когда она передает мне первую карточку.

Я киваю.

— Точно, ну, не хочется задерживать их еще дольше. Кто у нас первый?

— Кажется, мисс Тэтчер и ее собака, — она морщится на караули, — Медвежонок, похоже.

Спустившись по лестнице, я огибаю угол, видя пресловутую брюнетку, которая стоит у приемного стола, «угощая» половину офиса историей.

Обо мне.

Она рассказывает им об инциденте, и они все смеются, захваченные ее словами. Ее собака — та, с которой я теперь уже знаком — упирается передними лапами в столешницу, выпрашивая угощение.

— Девушки, видели бы вы ту грязь. То есть, мне, правда, было жаль парня, но он просто сорвался — *нуф!* — и теперь, клянусь Богом, где-то в Гамильтоне разгуливает парень с отпечатками лап моей собаки на его красивом костюме.

Все взрываются смехом.

— Ты узнала, кто это был? — спрашивает секретарь, передавая брюнетке пластырь. Очевидно, мой костюм — не единственная катастрофа сегодняшнего утра.

Она качает головой, все еще стоя ко мне спиной.

— Он явно не отсюда. Я бы узнала его.

— Может, он приехал по делам? — предполагает секретарь.

— Ага, похоже на это.

— Так, наверное, и есть. Я не слышала о новеньких в городе. Ну, кроме...

Я прочищаю горло.

— Мэделин Тэтчер и... *Мышонок*.

Что за имя такое для собаки — Мышонок? Медвежонок ему бы пошло больше. Не удивительно, что он не слушался ее ранее, когда она пыталась его усмирить.

Девушка поворачивается на звук своего имени, и когда ее взгляд фокусируется на мне, челюсть отвисает до пола, а глаза расширяются от шока.

— *Вы*.

Мышонок скулит и тянет за поводок, отчаянно пытаюсь добраться до меня. Еще пара секунд — и да здравствует раунд два. Я подхожу к Мэделин и забираю поводок у нее из руки, пока она все еще пытается отойти от шока. Она, наверное, думала, что больше никогда меня не увидит. Я ожидал того же, но это даже к лучшему. Последнее слово будет за мной, как раз, как мне нравится.

Я придерживаю Мышонка за ошейник поближе к себе и веду его в первую смотровую. Он пытается сдерживаться, но я чувствую, как его энергия струится у него под кожей. На него воздействует весна, и, если Мэделин не будет осторожна, он еще больше отобьется от рук.

— Вы мой ветеринар? — спрашивает Мэделин, семена за мною.

— Куда делась Кэтрин?

— Переехала.

— Вы, наверное, шутите, — шепчет она почти бездыханно.

— Я так понимаю, вам нравилась Кэтрин?

— Она училась в моей школе, старше на пару лет. Я знала ее всю свою жизнь, — она пожимает плечами и продолжает: — И она предоставляла мне скидку.

Я закрываю за нами двери смотровой, но не отпускаю поводок Мышонка. Он утратил свою привилегию разгуливать.

— Он — хороший пес, когда успокоится и узнает вас поближе, — произносит Мэделин, пытаюсь заступиться за него.

— Я бы сказал, что мы весьма близко познакомились сегодня туром.

Девушка скрещивает руки и опирается спиной на стену, нервно покусывая губу.

— Как долго у вас Мышонок? — спрашиваю я, меняя тему. Я, конечно же, мог с легкость найти информацию в карте, но я хочу услышать это от нее.

— Несколько недель.

Киваю и заставляю себя отвернуться к карте.

— Я взяла его щенком из приюта. Ну, тогда он был меньше, чем есть сейчас.

Она говорит так, словно это вызовет к ней сожаление.

— Какой, вам сказали, он породы?

— Кажется, слово, которое они использовали, было *смешение пород*.

Я улыбаюсь.

— Это Бернский зенненхунд.

— *Нет*. Они упоминали о небольшой помеси с лабрадором.

— И вы поверили, — отвечаю я равнодушно. — Теперь вы гордый владелец не тренированной собаки, которая будет весить больше, чем вы. Ваша *небольшая помесь с лабрадором* с легкостью будет весить почти пятьдесят пять килограмм в следующем месяце.

— Во-первых, спасибо за комплимент. Во-вторых, мне все равно, сколько он весит, я просто не хотела, чтобы его *убили*, — она отталкивается от стены и выдергивает у меня поводок Мышонка. — Простите, вы всех своих пациентов допрашиваете? Или это особое

отношение?

Я смотрю вниз на Мышонка, который радостно пялится на меня в ответ. Пес мне нравится больше, чем его хозяйка.

— Не вы мой пациент, а *он*.

— Ну да, точно, если вы закончили, ему нужны только его следующие прививки, — она проверяет время на наручных часах. — А мне очень нужно на работу.

Ассистентка входит в комнату со шприцами для Мышонка, и через пару секунд уже все готово. Вставив иглу, держу перед ним лакомство, Мышонок ведет себя смирно и послушно.

— Вот. Все готово.

Мэделин смотрит на телефон и качает головой.

— Нет. Нет. Нет.

— Что?

— Вы на сто процентов уверены в его породе?

Кажется, кто-то порылся в Гугле.

Теперь я не могу удержать смех.

— Да. Уверен. Мы можем отправить образец ДНК, если хотите.

Она разворачивает телефон и показывает мне фото взрослого Бернского зенненхунда.

— Он станет... ну... размером с горку!

Хоть я и не должен искать возмездия, шок на ее лице немного компенсирует ужас сегодняшнего утра. Я чувствую себя гораздо лучше, когда выхожу из смотровой. Просматривая следующую карту, на секунду позволяю себе задержаться взглядом на девушке. Даже с первым впечатлением раздражающей особы, она красива, и это очевидно. Я исподтишка изучал ее во время осмотра собаки — хотел убедиться, что она не делала ничего гнусного. И все же не тратя времени, всматриваюсь в детали. Она одета для работы в кремовое приталенное платье-футляр, что обтягивает ее длинные ноги. Каштановые волосы — густые, длинные и слегка вьющиеся на концах. Тот факт, что она была в прекрасной форме, наверное, имеет какое-то отношение к Мышонку, с которым она возится весь день. Может, в иной день, я бы не смог ей сопротивляться, но здесь, сегодня, слишком много причин, чтобы оттолкнуть ее подальше в своих мыслях и перейти к следующему пациенту.

Что я и делаю. Я забываю о ней.

Пока вечером не прихожу домой, и не спотыкаюсь о свой скомканный, запачканный костюм.

Глава 3

Мэделин

Кажется, сегодня я наконец-то понимаю, почему мама любя называет меня «гиблым делом». Годами я сражалась против этого прозвища, споря о том, что мое поколение на самом деле усердно старается придать человеческий вид захудалой картине жизни в одиночку, а не с кем-то. Но моя уловка рассыпается на кусочки, когда меня сравнивают с моим старшим братом. Он врач. Женат. У него хорошая прическа. Вы знаете таких. Тот факт, что он замечательный старший брат, делает все только хуже. Он никогда не пропустил ни одного дня рождения. Всегда напоминает мне звонить хотя бы раз в неделю, даже теперь, когда он вернулся в Гамильтон, хоть я по большей части игнорирую его звонки, потому что он женат на моей лучшей подруге Дейзи. У меня нет времени разговаривать с ними двумя, и все, что я рассказываю ей, она может передать напрямую ему.

Не говоря уже о том, что у меня такое чувство, будто он шпионит за мной для нашей мамы на протяжении этих еженедельных бесед. Он не может не спросить о моей работе, моем будущем, моих сбережениях, любви моей жизни — разве мы не можем просто обсудить политику или религию, как обычная ненормальная семья?

Даже сейчас на моем телефоне меня ждет голосовое сообщение от него, в котором говорится о вечеринке в честь новоселья, но у меня нет времени перезванивать, потому что я в данную минуту верчусь возле туалетного бочка. Я *опять* опаздываю на работу, и на скаку надевая туфлю, спешу к двери. Кофе в одной руке. Ключи и телефон, предусмотрительно для баланса, в другой. Во рту торчит банан, а в

лифчик засунут батончик мюсли. Выбегаю из своей квартиры, запираю дверь, и поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы обнаружить своего арендодателя, мистера Холла, подрезающим свой травяной сад. Он выглядит таким невинным с маленькими ножничками, но я-то лучше знаю. Те долбанные травы уже подрезаны до состояния совершенства. Он на улице, притворяется, что работает в саду, по другой причине.

— А, Мэделин, вот ты где, — произносит он, снимая свои защитные очки. Можно подумать, веточка розмарина — наиболее утаенная причина смертей в саду в Америке.

Я спешу мимо него, помахав на ходу. В конец концов, с бананом там, где он сейчас, я не смогу поддержать беседу.

— Мне нужно поговорить с тобой об аренде! — кричит он мне вслед.

Снова машу, а затем поднимаю большие пальцы вверх для ровного счета. Я надеюсь на то, что он говорит о мюзикле «Аренда», но здравый смысл подсказывает, что о деньгах. Не уверена, почему он переживает. У нас с мистером Холлом имеется очень здоровое соглашение, когда он просит оплатить аренду первого числа, а я выплачиваю ему по частям в последующие дни месяца. Но если я не успеваю выплатить вовремя, я компенсирую это выпечкой. Все три года, что я здесь живу, мистер Холл ни разу не нуждался в банановом хлебе. Маффины, печенье и пироги сыпались на него, как какая-то сахарная чума из «Книги Откровений».

Хотя, на самом деле я понимаю, что в этом месяце затягиваю как никогда долго. Я по-крупному запоздала с оплатой, но у меня имеются все намерения заплатить ему — как только доберусь до работы и заработаю комиссионные.

Это я и намереваюсь сделать, если только моя машина заведется. Ей нравится притворяться, что она не слушается меня, раз или два в месяц. Скольжу на выцветшее сидение и поворачиваю ключ, но она угрюмо мурчит.

— Давааай же, — стону я, снова поворачивая ключ.

Слышится низкий щелчок, словно она хочет завестись так же отчаянно, как и я этого хочу.

Я пародирую людей из фильмов в телевидении, вдавливая педаль газа, прежде чем еще раз повернуть ключ настолько сильно, что чуть не ломаю его пополам. Стартер жалко щелкает, а затем каким-то чудом, моя машинка оживает.

— ДА! СПАСИБО ТЕБЕ! — кричу я сама себе, ударяя руками по рулю.

Сегодня утром времени на проблемы с машиной у меня нет. Смотрю на ярко-красные цифры на панели управления: я уже на пять минут опоздала на наше штатное совещание. К тому времени, когда я паркуюсь на последнем свободном месте у агентства, я почти достигла десятиминутной отметки в опоздании. С таким же успехом можно развернуться и пойти домой, притворившись больной. Но сейчас я проскальзываю в комнату, еле-еле успеваю, и полдюжины глаз взмывают вверх, чтобы посмотреть на меня.

Моя начальница, Хелен, сидит во главе конференц-стола, одетая в неподходящее по фигуре кислотно-зеленое платье. Люди на планете Земля согласились прекратить изготавливать платья такого кислотно-зеленого цвета, но Хелен еще не готова сдаться. В платье такого цвета она выглядит болезненно, но я никогда ей этого не скажу. По обеим сторонам от нее сидят мои коллеги по риэлтерскому агентству, все женщины, все словно копии друг друга. Конечно же, имеется и лидер — *Лори Глиленд*. Она считается правой рукой Хелен и наблюдает за мной, пока я вхожу в комнату, осторожно приподняв тонкую бровь.

— Это твое третье опоздание за этот квартал? — спрашивает Лори, изображая беспокойство. — Я, правда, надеюсь, что у тебя дома все в порядке.

Мне хочется использовать ножнички мистера Холла на лице Лори, но вместо этого я изображаю стойкий профессионализм, пока вытаскиваю последний стул за конференц-столом: мое зарезервированное место. Ну и что, что это место оказалось местом для риелтора самого низшего ранга.

— Проблема с машиной, — запинаясь, отвечаю я, когда становится понятно, что Хелен не собирается продолжать, пока я не объяснюсь.

Сотрудница рядом со мной, Сандра, наклоняется ближе и шепчет так, чтобы все в комнате могли слышать:

— Кажется, у тебя из лифчика что-то торчит, милая. Выглядит... комковатым.

— А, конечно.

С грацией и достоинством изымаю забытый батончик мюсли из лифчика, а затем разрываю упаковку. В конец концов, я все еще голодная.

Сандра закатывает глаза, а я тепло улыбаюсь. Сандра — помощница Лори. Что делает Лори, то копирует Сандра, вплоть до коричнево-белых

прядей в короткой стрижке.

— Хорошо, хватит отвлекаться, — отрезает Хелен. — Мэделин, я бы хотела, чтобы ты осталась после собрания для разговора.

Комната могла с таким же успехом взорваться хором *эм-эм-эм-эм-эм*, потому что Хелен никогда не просила меня остаться после собрания. К счастью, спустя мгновение Хелен отводит внимание от меня, напевая, что «Лори стала риелтором с самым большим количеством продаж в прошлом месяце!».

Сандра взрывается в коротких аплодисментах, но они медленно затихают, так как к ней больше никто не присоединяется.

— Это который, пятый месяц подряд?

Лори отмахивается от комплимента Сандры.

— Шестой, вообще-то, но кто считает?

Все хихикают от ее ужасной шутки, а затем Хелен играет просто для ее эго, прося Лори рассказать о своей технике продаж остальным нам. Если и есть что-то, в чем Лори не нуждается, это слушатели. Могу предугадать, что ее техника продаж имеет что-то общее с показыванием как можно больше декольте, учитывая, что мы в миллиметре от того, чтобы увидеть ореол ее соска в такой майке, которая сейчас на ней. Вместо этого, она раскрывает нам то, что она называет «Пять Пэ».

— Поулыбайся. Подойди. Продай! Продай! Продай!

Здесь это имеет большое значение.

— Копируйте Лори Глилэнд, все права защищены, — добавляет она со смешком. — Нет, но правда, — добавляет она, ее тон становится смертельно серьезным. — Я подумываю о том, чтобы оформить товарный знак на эту фразу.

— Ты получишь авторское право.

Все взгляды направлены на меня. Я редко говорю на собраниях.

— Что? — спрашивает Лори.

Я сажусь немного ровнее, почти жалея, что встряла в разговор.

— Товарный знак на фразу не получают. Оформляют авторское право, и это наихудшая фраза, которую я когда-либо слышала, поэтому нет смысла оформлять на нее авторское право.

Я не произношу вторую часть своего совета, поскольку планирую покинуть конференц-зал с невыщарапанными глазами.

Лори странно смеется.

— Точно, ну, *смысл* в том, что продажа имущества заключается в нечто

большем, чем в милой мордашке, *Мэделин*.

Так и хочется спросить у нее, почему она потратила целый час, чтобы нанести весь этот макияж, и не меньше про ярко-голубые тени. Каков соблазн.

— Думаю, эти «пэшки» звучат отлично! — добавляет Сандра, пытаясь вернуть фокус разговора на «ее величество» начальницу.

— «Пять Пэ», — поправляет Лори, в этот раз, добавляя кавычки в воздухе. Она на самом деле собирается оформить для них авторское право.

Собрание заканчивается вскоре после этого, и я остаюсь после всех, как и было указано. Болезненно осознавать, что пять других риелторов пялятся на меня, покидая зал, но я притворяюсь поглощенной своими записями с собрания, и веду себя, словно не вижу их взглядов на себе.

Мои записи гласят следующее:

— *Выгулять Мышонка.*

— ~~*Отпустить его, чтобы он стал проблемой кого-то другого.*~~

— *Может быть, скормить ему двойной обед, и он не станет будить меня в половину пятого утра скулением?*

— *Купить акваланг, украсть монетки из фонтана в торговом центре, чтобы оплатить аренду.*

— *Избегать мистера Холла, но исподтишка оставлять выпечку у его двери.*

— Мэделин, — я подпрыгиваю, когда Хелен произносит мое имя. — Почерпнула что-нибудь информативное из собрания?

Я сдвигаюсь, чтобы прикрыть записи, хоть она до сих пор сидит во главе стола, и не может их увидеть. Улыбаюсь и киваю, даже готовя комплимент о том, как хорошо она ведет собрания. Я знаю, что она не верит мне, потому что, когда она улыбается, улыбка ее глаз не касается. Она встает со стула и подходит ко мне. Убираю записи на колени, а она присаживается на стол прямо рядом со мной. С такого расстояния от ее кислотно-зеленого платья у меня начинают слезиться глаза, поэтому я фокусируюсь на ее лице — ее грустном, сожаляющем лице.

— Тебе *нравится* работать в агентстве недвижимости, Мэделин?

— Конечно! — быстро отвечаю я.

— Ты можешь быть со мной честна. Если это не та работа, которую ты себе проставляла, тебе лучше сказать мне сейчас...

— Хелен, я, правда, наслаждаюсь своей работой, — и это

действительно так. — Дни, когда я встречаюсь с клиентами и показываю им списки — мои самые любимые. Я наслаждаюсь восторгом от погони, но еще не пришла к своему успеху.

— В этом месяце будет год, как ты здесь работаешь, Мэделин, и ты заключила лишь одну сделку.

Она проявляет милосердие, опуская тот факт, что эту самую сделку я заключила с моим братом и Дейзи, продав им дом. Это было полгода назад, и с тех пор у меня не появилось ни одного надежного клиента.

— Поэтому, я думаю, что следующие два месяца станут для тебя испытательным сроком.

— *Что?*

Она поднимает руку, чтобы я помолчала.

— Ничего серьезного. Я не стану дышать тебе в спину каждую секунду, но думаю, что тебе нужно больше мотивации.

— А вы не думаете, что проблема в Гамильтоне? Этот город растет, но *не так* быстро. Не так много людей хотят *купить* дом!

Она отклоняется назад и качает головой.

— Видишь, вот где ты ошибаешься. Гамильтон расцветает, и, если ты по-настоящему заставишь себя работать, не покладая рук, я знаю, что ты можешь стать одним из моих топовых риелторов.

Она действительно думает, что я могу изменить мое смущающее количество продаж (или полное их отсутствие в данном случае). И когда я покидаю конференц-зал с легким головокружением, я не уверена, расстроена ли я тем, что меня поставили на испытательный срок, или вдохновлена ее напутственной речью в конце. Задерживаюсь где-то посередине, оглядываясь вокруг. Все риелтора уже в своих кабинках, звонят по телефонам и отвечают на электронные письма. Лори в наушниках, когда я прохожу мимо нее, она сжимает синий мячик-антистресс в левой руке. Ее лицо напоминает трейдера на рынке акций, пока она делает записи свободной рукой.

— Этот дом быстро уйдет с продажи, Барни. Участок слишком большой и находится всего лишь в квартале от Мейн-стрит. Все клиенты, с которыми я переговорила, захотели посмотреть этот дом... — ее голос затихает, когда я продолжаю идти, а затем взрывается из неоткуда.

— Да! — кричит она на весь офис. — Я только что продала Уолнат-стрит! — затем тянется позвонить в маленький колокольчик, который висит на углу каждой из наших кабинок. Хелен хочет, чтобы мы звонили

в него каждый раз, когда наши клиенты покупают или продают недвижимость. Если она это продолжит, в офисе будет слышен звон как дверной звонок в Пасхальное Воскресенье.

Мой колокольчик звенел только раз, хотя я *случайно* задевала его несколько раз. Это Лори ненавидит больше всех. Клянусь, я слышала, как в последний раз она шептала «краденая слава».

— Ооо! Вот так-то!

— Взлетай до небес, Лори!

— ТАК ДЕРЖАТЬ, ДЕВОЧКА!

Остальные риелторы спешат поздравить ее известной фразой, и я бурчу вместе с ними. Не очень весело ходить с кислой миной. Я не привыкла к этой роли, и от нее горчит во рту. В итоге, мне придется уйти из агентства или научиться мириться с Лори более разумным поведением... типа убить ее добротой, или прикончить улыбками, или выпустить кишки комплиментами. Типа такого.

Ставлю кофе и кладу блокнот на стол, делая глубокий вдох. Пора приниматься за работу. Моя кабинка чистая, входящих писем нет, но на рабочем телефоне мигает красная лампочка, сообщая, что меня ждет голосовое сообщение. Я улыбаюсь, занимаю свое место, уверенная, что это ответ мистера Боггса по поводу одного или больше домов, которые я показывала ему вчера. Мистер Боггс является моим клиентом столько, сколько я работаю в Гамильтоне. Хоть мне и передали его, поскольку никто из риелторов не смог с ним сработаться, я чувствую, словно мы с ним похожи. Он пожилой и сварливый, и циничный — все качества, которые я стремлюсь обрести в один прекрасный день. Также Хелен заставляет нас встречаться на еженедельной основе для просмотра домов, и я всегда могу надеяться, что мистер Боггс заполнит мой самый угрюмый день прогулками по рынку недвижимости Гамильтона.

Как жаль, что голосовое сообщение не от него.

Оно от Дейзи.

— *Эй, просто хотела напомнить тебе о вечеринке в честь новоселья сегодня вечером. Лукас полностью из ума выжил с приглашением людей. Я даже половины из приглашенных не знаю, поэтому если ты не появишься, я тебя убью. До того, как это сделает мистер Боггс, — Дейзи с самого начала говорила, что старик Боггси попросту тратит мое время, и что самое худшее, он планирует меня похитить. Я не согласна.— Так или иначе, приезжай пораньше и возьми Мышонка, если*

хочешь. На прошлой неделе он сожрал кусок нашего коврика в гостиной, а если он сожрет еще чуть-чуть, Лукас позволит мне заказать новый. Ладно, Бет зовет меня к пациенту, так что я лучше пойду. Не скучай там с Лори-занудой на работе, и увидимся сегодня вечером.

Как раз, когда голосовое сообщение заканчивается, звенит колокольчик Лори, провозглашая об очередной продаже.

— Кажется, я сегодня в огне!

— Так и есть, осталось лишь подлить масла в огонь!

Хоть соблазн и велик, я не протыкаю себе глаз ближайшей ручкой. Вместо этого берусь за работу.

Глава 4

Мэделин

Я не планировала иметь столько проблем в свои двадцать семь, но это расстройство и само может к вам подкрасться. В одну секунду вам двадцать два, вы вертитесь вокруг студенческой степени в топовой бизнес-школе, а затем внезапно вы сидите в одиночестве в своей машине и вам двадцать семь, и задаетесь вопросом, как пять лет успели проскользнуть сквозь пальцы, а вы и глазом не моргнули.

Определенные неприятности есть — счета продолжают накапливаться, с арендой запаздываю, а моя машина — рухлядь, но есть другие, более личные аспекты моей жизни, которые не дают мне спать по ночам. Тот факт, что я в данный момент (и скорее всего, навсегда) без пары, намного тяжелее проглотить, чем мою запоздалую аренду. Проблемы с машиной не так уж и страшны, если у вас есть кто-то, кто вам посочувствует.

Хуже то, что причиной моего статуса незамужней является не отсутствие попыток его исправить. Я подписана и активно пользуюсь не менее, чем четырьмя брачными приложениями. Я посетила множественные встречи «Одиночек Гамильтона», и я никогда не боялась свиданий вслепую.

Моя мать также не опускает рук. Как раз неделю назад по телефону она бурчала о том, что, когда она была в моем возрасте, у нее уже было двое детей. Я сказала ей, что у меня есть Мышонок, который сойдет на пятерых детей, но она не думает, что это можно сравнить. Какая разница. Я больше ничего не могу сделать. Я хочу безумно влюбиться так же сильно, как она желает этого, но она не может взмахнуть волшебной палочкой и магическим образом воспроизвести на свет мистера Высокого и Красивого для меня, что означает — я в заднице.

Видите ли, недостаток интимной жизни на самом деле ничего не имеет общего со мной. То есть, конечно, я *не всем* прихожусь по душе. Я вроде как саркастичная и грубая временами, но Дейзи уверяет, что парням все равно из-за моих более *выдающихся* черт. Думаю, точные ее слова были: «Ты горячая, в форме, и у тебя крутые сиськи. Я не вижу проблемы».

Может, она лжет мне, чтобы уберечь от броска с ближайшей

скалы, но я живу в своем теле достаточно долго, чтобы знать, что проблема не в нем.

Проблема в Гамильтоне.

Это город — маленький.

Большинство брачных приложений показывают вам мужчин на расстоянии определенного количества миль. Я расширила свои параметры, чтобы охватить всю страну, но перспективы до сих пор полный крах. Сейчас я листаю «Тиндер», пока сижу возле дома Дейзи. Задаюсь вопросом, увижу ли я новое лицо. Не знаю, почему я переживаю: новых лиц никогда нет. Пролистываю Джимми, который был моим парнем в начальной школе полторы недели. Затем Мартина, который на фут ниже меня, и Кэйла-ковбоя, который живет на окраине города и не так уж и плох, если выпить три или четыре пива. И смотрите, есть Джаред, парень, который владеет единственным спортзалом в Гамильтоне и каждый день обновляет свой профиль селфи слишком загорелого и слишком перекаченного тела перед зеркалом в ванной. Клянусь, если провести пальцем по его бицепсу, на вашем пальце может остаться след от спрея для загара.

У меня ноль пар на всех пяти моих брачных приложениях, и хоть я испытываю соблазн позволить этому забраться мне под кожу, я не делаю этого. Нет ничего нового. Гамильтон остается Гамильтоном, и, если я не собираюсь упаковать вещи и переехать в город побольше, мне приходится искать лучшее из этого — что я и делаю. Прямо перед тем, как направиться в дом, я отвечаю на приглашение на встречу «Одиночек Гамильтона» через две недели. Я не была на них месяц, и оптимистично настроена на то, что эта будет стоить моего времени. *Видишь мама?! В противоположность тому, что ты думаешь, я не сижу дома, утопая в жалости к самой себе. Я выбираюсь.*

Дейзи открывает входную дверь, а я даже четверть тропинки не миновала. Она, наверное, стояла у окна и ждала меня.

— Эй, сталкер.

Она игнорирует меня, спешит вперед и хватает меня за руку.

— Я не хочу, чтобы ты переживала, но есть некто, с кем тебе на самом деле стоит встретиться. Подожди... — она сканирует местность вокруг меня. — Где Мышонок?

— Дома. Он очень сильно испачкался после парка, и я не хотела, чтобы он испортил твои вещи.

Дейзи стонет.

— Это *именно* то, что я хотела, чтобы он сделал. Твой брат очень упрямый и трудно расстается с вещами. Тот коврик в гостиной — ужасен, но он, кажется, не думает, что нам нужен новый, пока этот не будет испорчен.

Я смеюсь.

— Приложу все усилия, чтобы разлить на него вино сегодня.

— Спасибо. Теперь, торопись, есть новый парень, с которым я никогда раньше не виделась, и я *думаю*, он холост.

Хоть она и выглядит возбужденной, я — нет. Дейзи переехала в Гамильтон только два года назад, и она постоянно путает, кто вновь прибывший, а кто решил отрастить бороду.

— Если это снова Кайл Паркер, я тебя стукну. Он живет здесь всю свою жизнь, Дейзи. У него просто теперь мужской хвостик, и клянусь, это сбивает тебя с толку каждый раз.

Она закатывает глаза и продолжает тащить меня за собой, что не очень-то и легко, учитывая ее обувь на сегодняшний вечер. Весь ее наряд правильный и модный: простое красное платье с бежевыми туфлями-лодочками. Ее белокурые волосы, заплетенные в свободную косу, что спускается по спине — наверное, осталась после работы — а ее макияжа достаточно, чтобы подчеркнуть и без того красивые черты еще больше. Теперь я жалею, что переделалась с джинсы, даже если надела ту пару, в которой, по словам Дейзи, моя задница выглядит «убийственно» горячо.

— Мне стоит переодеться во что-то из твоего? — спрашиваю я, пока мы проходим фойе. — Ты намного наряднее меня.

Она поворачивается и окидывает меня взглядом, расплываясь в широкой улыбке.

— Нет, ты горячо выглядишь. Эта рубашка достаточно узкая, чтобы показать твою фигуру без непристойности, и мне нравится, когда твои волосы вот в таком виде. Это сводит парней с ума.

Я пожимаю плечами, вспоминая ноль пар, ожидающих меня в приложениях. Думаю, стоит поверить ей на слово.

Мы останавливается в кухне для вина, и я могу увидеть, что большинство их гостей собрались на заднем дворике. На удивление, сегодня в Техасе приятный вечер — не слишком жаркий, и комары еще не вторглись в лето. Все попивают вино или пиво, и вроде как

слоняются группками. Что касается вечеринок, эта чрезвычайно скучная.

— Нет пиво-понга? Ни бочонков? — спрашиваю я, пока Дейзи наливает мне бокал охлажденного белого вина, моего любимого.

Она оценивает меня взглядом.

— Твой брат захотел тихую вечеринку в честь новоселья.

— Ага, об этом... а она все еще считается вечеринкой на новоселье, если вы, ребята, живете здесь уже шесть месяцев?

Она пожимает плечами, пока заканчивает с розливом вина в бокалы.

Я киваю, и осматриваюсь вокруг. Дом прекрасен, один из старых домов в викторианском стиле, которые в рядок выстроились по улицам Гамильтона. Его недавно реставрировали, но подлинные деревянные полы остались нетронутыми. Их темная морилка создает контраст с белыми мраморными столешницами и современными светильниками, от которых в доме создается впечатление новизны и свежести. Короче говоря, я бы отрезала свою правую руку, лишь бы владеть таким домом.

Если честно, не могу поверить, что прошло шесть месяцев с тех пор, как я продала его им. Морщусь от мысли, как мало осталось от тех комиссионных. Я использовала большую часть чека на оплату своих последних студенческих займов, а часть отложила на сберегательный счет. Остальное утекло, как песок, сыграв для меня большую роль. Пара месяцев аренды, и я там, откуда и начинала — в отчаянной нужде найти нового клиента, но не такого, как мистер Боггс.

— Готова выйти на улицу? — спрашивает меня Дейзи тоном немного нежнее обычного. Наверное, она может почувствовать, что у меня был тяжелый день на работе. Нет надобности ворчать о Лори и остальных ее миньонах — Дейзи уже слышала о них прежде, и она сочувствует так сильно, как может. У них с Лукасом своя семейная практика и роскошь возможности быть боссом самому себе. Я мечтала уволиться из агентства и работать на них, но работа офисным координатором в маленьком кабинете врачей не очень-то и интересует меня. Кроме того, мне нравится недвижимость, даже если я не слишком хороша в этом.

Мы направляемся наружу, и Дейзи держится поближе ко мне, пока я киваю гостям, которых знаю, а их немало. Большинство из них мои одноклассники, с которыми я не утратила связь за года. В маленьком

городе это вроде как невероятно сделать, особенно учитывая помощь «Фейсбука». Сьюзи Мейсерз сидит на кресле-качалке в нескольких футах от меня, положив ноги на кулер как на оттоманку — она на девятом месяце беременности и вот-вот лопнет. Ее муж, Дэйл, стоит слева от нее и болтает с друзьями, и все это время его рука покоится на ее плече. Милейшее зрелище, и из-за него я выпиваю свое вино быстрее, чем следовало.

Я собираюсь восполнить свой бокал, когда Дейзи дергает меня за руку.

— Вон тот парень! — шепчет она. — Вон там, разговаривает с твоим братом.

Лукаса найти не тяжело. Он висит на крыльце с небольшой группой ребят, и я узнаю всех из них, кроме того, что стоит ко мне спиной. На нем джинсы и черная футболка. Я киваю в его сторону, и Дейзи кивает в подтверждении.

Прищуриваю глаза, пытаюсь рассмотреть его получше издалека. Его темные волосы взъерошены и выглядят мило. Руки загорелые, и хоть я не думаю, что когда-либо была тем, кто замечает, но у него потрясная задница. Но все равно, я очень сомневаюсь, что он новенький в городе. Дейзи слишком много раз путала меня в прошлом.

Лукас видит нас, стоящих в проходе, и машет рукой. Незнакомец поворачивается, прослеживает за его взглядом, и я получаю ответ на свой вопрос.

Мои глаза расширятся от шока.

О, я прекрасно его знаю.

— Нет. *Нет*. Я знаю его, — шиплю я Дейзи, но уже слишком поздно. Она не слышит меня — слишком занята, играя Купидона и толкая меня к группе. У меня нет выбора, кроме как последовать ее плану. Если я упрусь пятками в пол и начну ей сопротивляться, я споткнусь и упаду на лицо, а это единственная вещь, хуже той, что сейчас происходит.

Парни смотрят, как мы приближаемся. Я обнимаю Лукаса и киваю его друзьям, затем неохотно заставляю себя взглянуть вперед на последнего мужчину в группе.

Адама.

Конченого ветеринара.

— Мэделин, — произносит тот, приветствуя меня маленьким

КИВКОМ.

— *Адам.*

Все в группе замолкают, глядя между нами двумя и пытаюсь понять наше холодное приветствие.

— Едва узнал тебя без Мышонка, — с сарказмом подмечает он.

Я улыбаюсь, фальшиво, и он это знает.

— А я едва узнала тебя без оскала на лице.

Ответный оскал как раз захватывает его красивые черты лица. Вот, теперь это Адам, которого я знаю.

Дейзи начинает первой:

— Подождите, вы двое уже знаете друг друга?

— Он ветеринар Мышонка, — быстро отвечаю я.

Адам улыбается, но улыбка не касается его зеленых глаз.

— Хотя мы и прежде встречались. У меня есть следы лап на костюме, чтобы это доказать.

Я пялюсь вниз на свое вино, радуясь тому, что задняя часть крыльца не подсвечивается фонарями, учитывая, насколько покраснели сейчас мои щеки.

— О, ага. Правда. Думаю, Мышонок свалил его утром. Не велика беда.

У Лукаса не хватает благородства не открывать свой рот.

— Что значит, Мышонок *свалил его*?

И вдруг я ненавижу своего брата.

Особенно потому, что теперь у меня нет выбора, кроме как посвятить всю группу в историю о том, что я самый худший владелец собаки в мире. Все это время Адам стоит напротив меня, засунув одну руку в карман, а во второй держит бутылку пива. На его губах пляшет маленькая улыбочка, и хоть мне бы хотелось, чтобы он смотрел в другую сторону, он наблюдает за мной с любопытством — наверное, с нетерпением жажда откусить от меня кусок и закончить историю своими словами.

— Я извинилась и предложила оплатить сухую чистку. Он не принял это предложение, и вот где мы. Принести кому-нибудь выпить?

Все пялятся на меня, как олени, застигнутые в свете фар. Словно никогда не слышали, как *собака девушки нападает на парня*.

— Ладно, приму это как «нет», — отвечаю я, поворачиваясь, чтобы направиться назад на кухню и налить себе бокал вина.

Дейзи следует за мной, и едва сдерживает себя, когда дверь за нами закрывается.

— Он тот парень, о котором ты писала мне в тот день?!

Это было утром после «нападения», и мне нужно было выговориться кому-нибудь. Теперь я жалею, что вдалась в подробности о том, какой милый он был. Она знает, что я заинтересована.

— Да, — просто киваю я. — Это он.

— Он и правда милый, и очень хорошо выглядит, Мэделин. И у него прекрасная карьера. Ветеринар? До чего же это благородно! Он заботится о животных.

Я наливаю почти через края, и у меня нет другого выбора, кроме как отпить вино с бокала, чтобы оно не вылилось сверху, когда я его подниму. Упс.

— Не понимаю, почему это важно.

— Потому что ты одинока, — подмечает она.

— А, точно, я и забыла.

— А Адам точно мог бы исправить эту ситуацию.

Я снова смеюсь. Очевидно, Дейзи не внимательно читала e-мэйл или не слушала мою историю на крыльце. Колесики в ее голове, наверное, уже заржавели, там, под ее сверкающими волосами.

— В любом случае, почему ты его сюда пригласила? — спрашиваю я, меняя тему разговора. — Откуда *ты* его знаешь?

— Его Лукас пригласил. Он арендует дом через улицу. Очевидно, он в городе пару недель.

Я прекращаю посасывать вино с края бокала и резко поворачиваюсь.

— Что прости, ты только что сказала, что он *арендует* дом?

Она пожимает плечами, словно это плевое дело.

— Ага. Звучало так, словно ему нужно было что-то временное прежде, чем он остепенится.

Так, наверное, он будет искать дом.

Что означает, ему может понадобится риелтор.

Ему могу понадобится я.

— Если ты простишь меня, мне нужно увидеть мужчину, которому нужен дом.

— Что? Нет! Ты должна встречаться с ним, а не воспринимать его как *работу*.

Я перестала слушать ее долгое время назад, и уже на полпути к двери. «Пять Пэ» Лори бегает у меня в голове. *Поплыбайся. Подойди. Продай. Продай. Продай.* Точно. Легче сказать, чем сделать с мужчиной вроде Адама. К счастью, я предвидела и схватила холодное пиво из ведра со льдом на заднем крыльце прежде, чем вернуться к группе на ступеньках.

«Улыбайся», — напоминаю я себе.

Я сверкаю своими белоснежными зубками и уверена, что мои очаровательные ямочки видны. Он оценивает меня, когда я приближаюсь. Пытаюсь растянуть улыбку шире, но затем его зеленые глаза сужаются, и он хмурится. ХМУРИТСЯ. Кто хмурится в наши дни? Стоит прятать свои эмоции за маской вежливого равнодушия — вот чему меня всегда учила мама.

— Вот, держи, Адам. Свежее пиво.

Рука протянута, конденсат стекает по бутылке, а он не берет ее. Оставляет меня стоять на добрых десять секунд, а все в группе заражаются молчанием. Кажется, сегодня вечером я весьма преуспеваю в разрушении разговора.

— Я только что начал это, — отвечает он, поднимая свое почти полное пиво.

Вмешивается Лукас.

— Я возьму его, Мэдди.

Забираю его из хватки брата.

— Ты должен оставаться трезвым, Лукас. Что, если возникнет острая надобность медицинской помощи?

— Что, Мышонок позже явится? — насмехается Адам.

Все раздражаются смехом.

Я сопротивляюсь порыву испепелить его взглядом, и думаю, он понимает, потому что разряжает обстановку слабой улыбочкой.

— Спасибо за пиво, — он забирает бутылку из моей руки, осторожно, чтобы наши пальцы не соприкоснулись, и ставит ее на поручень рядом с собой. — Поставлю ее здесь, а когда закончу с этой, выпью и ее.

Я усмехаюсь.

— Звучит хорошо. Так что, Адам, ты в городе новенький?

Он смотрит на Лукаса, а затем на меня, явно сбитый с толку изменением моего отношения.

— Переехал около месяца назад.

— Он арендует дом через...

Я обрываю Лукаса прежде, чем он может продолжить, мое внимание пуще лазера сосредоточено на Адаме.

— Откуда ты переехал?

— Чикаго.

Кажется, ему некомфортно от ряда моих вопросов, поэтому я пытаюсь разрядить обстановку и быть немного более естественной.

— Ааа, Чикаго. Так тебе по душе хот-доги, глубокая посуда и огромные блестящие фасолы, это? Я всегда хотела съездить туда.

Дейзи смеется.

— Чушь собачья, ты ненавидишь холод. Я пыталась затащить тебя туда два года назад, а ты ответила «через мой труп».

Если бы мы сидели за обеденным столом, я бы пнула ее по лодыжке. Поскольку мы все держимся в кружке, у меня не остается выбора, кроме как улыбнуться и отмахнуться о ее застарелой информации.

— О, Дейзи. Теперь я люблю холодную погоду, особенно в Чикаго.

Адам кивает.

— Ага, я и сам не фанат. Это было частью причины, почему я переехал сюда.

Я ретируюсь.

— А, точно, да я тоже. Я бы лично не назвала себя фанатом холода...

Понимаю, что другие члены нашей группы начинают исчезать, как мухи. Двое из друзей Лукаса уже ушли, а сам Лукас отходит дюйм за дюймом. Клянусь, Адам продолжает бросать взгляды через мое плечо, пытаюсь найти выход. Хотя это не может быть правдой. Обычно я *прекрасный* собеседник.

— У тебя есть собственность в Чикаго? Дом? Может, кондо?

— Мэдди, ты странно себя ведешь. Прекрати забрасывать парня вопросами, — произносит Лукас, хлопая Адама по плечу. — Давай, мужик, хочешь увидеть гараж? Там есть столик для пинг-понга.

Адам даже не колеблется, уходя с Лукасом, даже не удостоив меня взгляда через плечо.

Я неслышно матерюсь.

— Какого черта это было? — спрашивает Дейзи, забирая мой бокал и с подозрением принохиваясь к вину. — Все так плохо? У тебя сейчас был какой-то мини-приступ?

Я топаю ногой.

— Нет! Черт возьми. Я пыталась заполучить его в качестве моего будущего клиента.

— Изображая себя так, словно у тебя половина мозгов?

— Я не знаю! Обычно у меня нет проблем в разговорах с клиентами. Адам заставляет меня нервничать.

— Потом что он горячий?

— Потому что он смотрит на меня, как на грязь между пальцами на его ногах!

— Аа... я тоже это заметила. Хотя ты видела его глаза? Они зеленые — это супер мило с его темными волосами.

— Ты не помогаешь.

— А, точно, прости.

Я придвигаюсь ближе к ней, чтобы суметь заглянуть в гараж. Лукас с Адамом смеются, пока устанавливают столик для пинг-понга, и, кажется, Адаму гораздо комфортнее сейчас, когда меня больше нет с ним поблизости. Все равно, мне нужно убедить его стать моим клиентом.

— Думаешь, мне стоит пойти туда и поговорить с ним еще? Может, взять ему еще одно пиво?

Дейзи указывает на первое, которое я принесла ему, на поручне, одинокое и забытое.

— Думаю, тебе стоит взять перерыв, чемпион.

Ощущаю резкий порыв заплакать. Настоящие крупные слезы в секундах от того, чтобы скатиться по щекам.

— Мне очень нужен новый клиент, Дейзи.

— Хочешь, я что-нибудь куплю? Можно, кондо в центре, как тебе?

Я смеюсь, и из меня вырывается наполовину рыдание.

— Ты не можешь появиться и решить все мои проблемы. Сегодня Хелен поставила меня на испытательный срок.

— Что?! Ты лучший риелтор, который у нее есть. Дело не в том, кто может продать больше всех домов.

— Я ценю твою поддержку, но именно это моя работа.

— Ага, ну, все остальные, кто там работает, выглядят, как

странные клоны. Мама видела Сандру вживую в парикмахерской на прошлой неделе, которая просила постричь ее «как Лори». Насколько это странно?!

Обычно, такая толика слухов заставила бы меня улыбнуться. Сегодня не этот день.

— Думаю, поеду домой.

Дейзи встревожилась.

— Хочешь, чтобы я поехала с тобой?

— Нет. Оставайся здесь. Повеселись со своими гостями.

Она обнимает меня, и я не отстраняюсь. Я не любитель объятий, но опять-таки, как и Дейзи.

— Если смогу, замолвлю за тебя хорошее словечко перед Адамом.

Я кривлюсь.

— Не парься. Найду другого клиента где-нибудь еще. И, эй, я показываю дома мистеру Боггсу на следующей неделе. Может, он на самом деле купит какой-нибудь.

— Эй! Может, и купит.

Вот тогда я понимаю, что Дейзи на самом деле жалеет меня, потому что мы обе знаем, что мистер Боггс не купит ни черта.

Глава 5

Адам

Я в Гамильтоне, штат Техас, ради моей семьи. Мой брат и его жена живут здесь с моими двумя племянницами. Мама переехала сюда несколько лет назад, а когда в Чикаго моя перевернулась вверх дном, появился смысл собрать вещички и присоединиться к ним. У меня были другие варианты: Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Гавайи — *в тропических кусочках рая тоже нужны ветеринары*. Хотя, семья выиграла, и я переехал в штат Одинокой Звезды. На данный момент я здесь уже почти месяц, и каждый день жалею о своем решении. Сейчас вечер субботы. Вчера я был на вечеринке в честь новоселья моих соседей, но сейчас я в бакалейной лавке, потому что это грустный поворот, в который вошла моя жизнь. Там в Чикаго мои друзья находятся на открытии пятизвездочного ресторана, попивают саке — я знаю, потому что они случайно включили меня в онлайн-беседу по поводу события. Пришлось напомнить им — в десятый раз — что я переехал в Техас. Они пофукали и удалили меня из беседы.

Но я не злопамятный.

Я здесь ради семьи.

Виляю между отделами замороженной пищи и снова напоминаю себе, что я *не злопамятный*.

У меня могли бы быть планы, если я их захотел, но я не хочу. Я не ищу свиданий в данный момент, а счастливо наслаждаюсь местом на лавке запасных. Было несколько женщин, которые проявили интерес

пару раз прошлым вечером на вечеринке, и мое грустное, холодное сердце ничего к ним не почувствовало. Ну, это не совсем правда. Я на самом деле почувствовал что-то к Мэделин, но думаю, это больше относилось к раздражению, чем к чему-то еще. У нее поразительное умение играть у меня на нервах, и тот факт, что она просто появляется из ниоткуда, вызывает смех. Становится интересно, не фишка ли это маленького города, я к такому не привык. Я мог бы прожить год в Чикаго и не натолкнуться ни на одного из моих друзей просто так. Для сравнения, за последние несколько дней я имел «удовольствие» пересечься с Мэделин три раза.

Я прыскаю со смеху.

Считайте, уже четыре.

Вот она, стоит возле ряда медицинских товаров в бакалейной лавке, в коротких, с цветочным принтом, шортах и белой майке. На ногах коричневые кожаные вьетнамки, и даже с моего места в проходе я вижу, что все ее ногти на ногах покрашены разными цветами.

Кто эта женщина?

И почему я до этого момента не оттолкнул свою тележку подальше?

Она тянется вперед и изучает коробку с пластырями, а ее движение дает возможность оценить ее безумно сексуальными ноги... и одинаково содранные колени, которые она, без сомнений, собирается лечить. Уверен, это подарок от Мышонка.

Часть меня думает, что она заслужила право получить такую непрактичную собаку, а вторая половина (которая до сих пор способна ощущать человеческие эмоции) чувствует себя немного плохо из-за того, что ей больно.

Я отворачиваюсь к кассе. Очереди нет. Я мог бы заплатить за свои покупки и уйти в течение десяти минут, или...

— Адам?

Стреляю взглядом назад и вижу, как она смотрит на меня с подозрением. Понимаю, что выгляжу странно, зависая здесь в конце прохода, так что толкаю тележку вперед, пока не становлюсь прямо перед ней. Она бросает короткий взгляд на мои покупки. Тонна фруктов и овощей, пара фунтов мясного протеина. Для сравнения, ее корзинка полна яблок, китайской пшеничной лапши, и того, что похоже на запыленную коробку конфет на день Святого Валентина, судя по

очищенному от пыли месте. Есть смысл, учитывая, что сейчас середина мая.

— О... я всего лишь собиралась сказать менеджеру, что у них, скорее всего, истек срок годности, — говорит она, защищая свои конфеты Reese's в форме сердца.

Я отворачиваюсь, поэтому она не видит мою улыбку.

— Тебе не стоит оправдываться за свои покупки передо мной.

Она бурчит себе под нос, и это застаёт меня врасплох. Каждый раз, когда я нахожусь рядом с этой женщиной, у нее новая личность. В одну секунду — она горячая, в следующую — холодная. Вчера вечером она принесла мне то пиво, и почти казалось, что она пытается расположить меня к себе. Теперь она снова превратилась в холодную, отрешенную.

Мне стоит развернуться и пройти на кассу. В конце концов, я не на рынке в поисках женской компании, друзей или прочего. Да, я осведомлен в том факте, что, если бы я *искал* женщину, Мэделин была бы истинно моим типом. У меня всегда была тяга к брюнеткам, а у нее длинные, распущенные, свободно свисающие и закрученные снизу волосы, почти дикие. Тон ее кожи теплый и привлекательный, и на ее переносице и щеках явно есть веснушки. Ее голые ноги продолжают привлекать мое внимание, и по какой-то абсурдной причине я не могу придаться к разным цветам на ее ногтях. Это, вроде как, привлекательно.

Хотя, больше всего она создает впечатление невозмутимой уверенности, словно ни разу не почувствовала дискомфорт в своем теле. Это чертовски сексуально.

— Ты странный.

Отвожу взгляд от ее ног и смотрю на пластыри.

— Что?

— Сначала я вижу тебя в конце прохода, примерзшего к месту, теперь ты здесь, абсолютно онемевший. У тебя упадок сил, или как?

Я хмурюсь.

— Нет. Я просто... думал.

Она кладет коробку пластыря назад на полку и вместо него тянется к коробочке рядом с ней.

— Полагаю, мой костюм — не единственная жертва Мышонка?

Смотрю вверх и вижу, как она смотрит на меня, едва ли сдерживая презрение.

— Послушай, ты можешь, пожалуйста, убережь меня от лекции о том, какой огромной ошибкой было взять его? Я бы сделала это снова, не задумываясь.

Я морщусь. Предполагаю, что был с ней немного груб, особенно учитывая, что ее намерения шли от чистого сердца.

— Ты права, никаких лекций, — начинаю я, предлагая оливковую ветвь. — Ты явно его любишь, так что нет смысла пытаться убедить тебя сдать его. — Ее глаза расширяются от абсурдности идеи, так что я продолжаю: — Он — твоя собака.

Девушка кивает.

— Да. Именно, — затем смотрит вниз на колени и вздыхает. — И да, я пыталась приучить его «сидеть», но как только появляется белка или...

— Хорошо одетый незнакомец, — поддерживаю я, и приятно удивляюсь, когда она стреляет в меня широкой улыбкой.

— Да, именно. Как только он замечает что-то, что ему *нравится*, он просто срывается, не обращая внимания на человека, который тащится за ним.

Я киваю.

— В этом нет ничего странного. Все щенки так делают. Это не было такой проблемой, если бы не его размеры.

Она хмурится, и бросает пластыри в корзинку.

— Клянусь, он увеличивается вдвое каждую ночь.

— Не все так безнадежно. Есть курс дрессуры молодых щенков, который открывается в здании ХАМЛ завтра вечером (*прим. перев. — Христианская Ассоциация Молодых Людей*).

Слова слетают с языка прежде, чем мне удастся обдумать их. Хочу ли я, чтобы она присутствовала на уроках? До сегодняшнего дня я бы сказал «нет», но что-то в ее грустных содранных коленках играет на струнах моего сердца — на том малом их количестве, которое осталось.

Ее брови взмывают вверх от удивления.

— Правда? Думаешь, у них есть дополнительное место?

Скажи ей «нет».

Ничего хорошего из этого не выйдет.

Ты думаешь, она сексуальная, вот почему ты заботишься о ее содранных коленках.

— Ага, — я киваю, начиная отходить. — Все должно быть в

порядке.

Очевидно, мой рот больше не подчиняется мозгу.

Девушка кивает, ее улыбка делает что-то с моими внутренностями.

— Ну, спасибо. Я, правда, ценю это. Знаю, что мы начали не с той ноты...

Мне становится страшно, что она собирается пойти по пути, по которому я не хочу, чтобы она шла, так что я киваю и прерываю ее:

— Вот почему у нас их семь. Увидимся.

Со всех ног выношусь из бакалейной лавки прежде, чем она сможет сказать еще хоть слово. Ненавижу Техас. Отныне я буду ездить за покупками в соседний город. Больше никаких случайных встреч с Мэделин Тэтчер — хотя, полагаю, случайные встречи больше не имеют значения, потому что я только что убедился, что буду видеть ее каждую неделю на уроках дрессуры щенков. *Браво, Адам.*

Интересно, не поздно ли переехать на Гавайи.

Глава 6

Мэделин

— Мистер Боггс, я вас уверяю, этот дом подходит по вашему запросу, — я роюсь в своих бумагах всего лишь убеждения ради. — Вот, посмотрите здесь. Его проверяли в прошлом месяце.

Он качает головой.

— Проверки ничего не значат. Инспектора — новички, большинство из них. Если начать доверять инспекторам, можете с таким же успехом начинать показывать мне открытые гробы вместо открытых домов.

Мне едва ли удастся подавить стон. *У Боггса своеобразный выбор словечек.*

Он стучит по стене, пытаюсь найти косяк, и когда находит, кажется весьма недовольным этим.

— Не похоже, чтобы между ними было сорок сантиметров. Низкопробная конструкция, если вы меня спросите.

Оценка дома мистером Боггсом меня не удивляет. За последний год я показала ему не менее пятидесяти домов, и он нашел изъян в каждом из них.

— Возможно, если бы вы назвали свой бюджет, мы могли бы сузить наш...

Он отмахивается от моего вопроса, как делает каждый раз, когда я задаю его. Мистера Боггса не беспокоит бюджет, он всегда говорит, что деньги как крабы в нашем желудке. Я так и не поняла, что это значит.

— Я говорил вам, если это подходящий дом, я куплю его, — повторяет он уже, наверное, в сотый раз с нашей первой встречи. Называйте меня пессимисткой, но ему тяжело поверить. Он не тот опрятно одетый джентльмен, живущий в хорошем районе Гамильтона. У него поношенные джинсы. Рукоять трости, которую он использует, жалея левую ногу, начинает облупляться, и я, может, и не уверена, но клянусь, запах овсянки для завтрака под названием Creamof Wheat тянется за ним, как злая тень.

Но сужу я его не только по внешнему виду. Мы с мистером Боггсом так много раз встречались за ланчем, чтобы обсудить варианты

домов, что я даже напоминаю ему принимать таблетки. У меня также есть подозрения, что он либо одинок, либо просто использует меня, чтобы получить бесплатные бекон и яйца в забегаловке «У Пэм». Но я отказываюсь сдаваться. Без мистера Боггса у меня не будет клиентов, а это слишком плохо в первую очередь для меня.

— Вы дважды проверили, что этот дом не построен на месте захоронения племени Команчи? Никаких наконечников стрел или могильных насыпей?

Это он серьезно.

Я качаю головой.

— Я искала среди старых городских записей в библиотеке, — повторяю я в сотый раз. В этот момент фраза уже чувствуется, как личная мантра. — Единственная вещь, стоящая внимания в этом сооружении, это огромный дуб, который им пришлось спилить, чтобы построить дом.

— Хммм, видимо, это плохое предзнаменование, — бурчит он про себя. — Деревья как...

— ...как шляпы Земли, — произношу я, заканчивая странное выражение, которое я слышала уже раз пять. Он кивает в одобрении прежде, чем пройти дальше по коридору. Пользуясь моментом, я осматриваю маленькое бунгало, которое показываю ему сегодня. Оно прекрасно, впервые построено в 1920, но полностью перестроено в последние годы. Предыдущие владельцы получили на это разрешение у Исторического совета Гамильтона перед реконструкцией, что означает костяк дома все еще здесь, сохранен в деталях. Хотя мистеру Боггсу он не подходит.

— Не подходит, — заключает он, стуча тростью по деревянному полу. — В этот раз и близко.

Не хочу показаться драматичной, но клянусь, я вижу, как мои сбережения только что *чуть-чуть* скукожились. У меня долгое время не хватало смелости проверить баланс. Думаю, у меня случится сердечный приступ, если я это сделаю. Но в том, что я так ограничена в деньгах нет вины мистера Боггса. Если он хочет посмотреть миллион домов и тратить мое время, — это его прерогатива. Хотя я должна найти нового клиента, того, что на самом деле что-то купит.

* * *

Я почти забываю об уроке дрессуры. Засиделась в офисе допоздна, впустую обзванивая и ища потенциальных клиентов по городу. Это моя наименее любимая часть работы, но иногда она может дать хороший результат. Итог — я организовываю три встречи на этой неделе. Лоретта Рае хочет продать свой скромный домик, Грег Вэн хочет переехать на более обширную территорию, а Камерон Карр думает, что готов «уйти от арендной ловушки и найти недвижимость, которая справедливо окупит себя».

Сначала я изо всех сил буду лелеять надежды на всех троих клиентов, но я-то знаю лучше. Лоретта Рае найдет какую-то причину, чтобы внезапно вспылать любовью к своему дому, и она не захочет продавать его даже за весь чай в Китае. Грег Вэн увидит, насколько дорога сейчас земля и внезапно поймет, что он не против того маленького кусочка земли, которым владеет в данный момент, а Камерон Карр просто любит хвастаться тем словарным запасом, который он изучил в «Уолл-стрит джорнэл» за последние несколько недель.

И все равно это что-то, и мне не придется пока что лопать свой розовый пузырь. Смотрю на маленькие оранжевые часики на своей кабинке и морщусь, когда вижу время. Уже почти половина шестого, а согласно сайту ХАМЛ, урок по дрессуре щенков начинается в шесть. У меня хватит времени только на то, чтобы съездить домой, переодеться, схватить Мышонка и батончик мюсли по пути на урок. Ужин придется отложить.

Я принимаю за хороший знак то, что моя машина оживает после первого оборота ключа. Улыбаюсь Мышонку, который в данный момент сидит на пассажирском сидении, мордашкой высунувшись из окна. Он любит поездки, а я уже выучила, что лучше мне опускать окно для него, иначе позже придется оттирать слюнявый хаос от стекла.

Здание ХАМЛ находится в противоположном конце города, но все равно нужно лишь десять минут, чтобы добраться туда. Меня удивляет количество машин, которые я вижу на парковке, и я удивляюсь еще больше, когда вхожу в маленький спортзал, где будет проходить урок дрессуры. Там полукругом стоит двенадцать металлических стульев, и все заняты. Комната в основном набита женщинами моего возраста. Я узнаю большинство из них, но есть несколько, кто, наверное, новенький

в городе. Я киваю Джессике и Валери, когда прохожу, хотя основное мое внимание сосредоточено на том, чтобы удержать Мышонка. С таким количеством собак вокруг он тянет поводок и прыгает, пытаясь добраться до них, приложив к этому максимум своих усилий.

— Не время для игр, Мышонок, — шиплю я под нос. Он самая большая собака в комнате. Большинство посетивших урок принесли маленьких пудельков или что-то в этом роде, и хоть я не решаюсь признать это, но им намного легче удерживать их, чем мне Мышонка.

Нахожу хорошее место на полу рядом с последним стулом и сажу Мышонка слева от себя, подальше от чихуахуа, который в данную секунду прячется под стулом хозяйки. В его глазах можно прочесть мольбу за жизнь, но Мышонок лежит на боку, пытаясь казаться таким маленьким, каким только возможно, так что щенку, кажется, он нравится. Бедный Мышонок, тяжело быть размером с медведя.

Владелица чихуахуа отодвигает от нас стул.

— О, он на самом деле очень дружелюбный, — обещаю я с улыбкой.

И он такой и есть. Со всеми его недостатками, Мышонок и муху не обидит. Только свою хозяйку.

— Не сомневаюсь, — надменно отвечает она, возвращая свое внимание к женщине справа.

Ну ладно.

На несколько минут я сосредотачиваюсь на Мышонке, и пытаюсь усадить его. Как только он понимает, что останется со всеми этим щенками на определенное время, ему, наверное, кажется, что *«О, боже мой! Я должен познакомиться с ними всеми сразу и сейчас!»*. Я практически чувствую, как он умоляет меня отпустить его погулять. Его большие глаза уставились на меня, а затем он издает невероятно драматический стон. Чешу ему пузико в качестве утешительного приза.

— Ага, как только я увидела флаер в центре города, я знала, что мне нужно прийти на этот урок, — говорит владелица чихуахуа.

— Тот, где было его фото?

— Да! — отвечает первая. — Оно было там, внизу, но я увидела все, что мне нужно было увидеть.

Они обе смеются, а я притворюсь, что не подслушиваю.

— Я слышала от Кэсси, которая слышала от Мэри, что он только что переехал в город. Кажется, он наш новый ветеринар.

— Правда? — спрашивает ее подруга. — Кажется, я буду приводить Мокси на ежемесячные... *нет*, еженедельные проверки.

Следует очередной раунд смешков, и по какой-то причине меня шокирует то, что все они говорят об Адаме. Когда он упомянул урок вчера, то не сказал, что именно он будет его вести.

Это все меняет. Честно сказать, я не уверена, что показалась бы здесь, если бы знала, но теперь поздно, потому что Адам входит через дверь спортзала с дрессировочным инвентарем в сумке через плечо.

— Попомни мое слово, в жизни он лучше, чем на фото, — шепчет владелица чихуахуа себе под нос.

Решаю, что как только станет не слишком заметно, то пересяду в другой конец полукруга. Я больше не могу выносить их комментариев.

Адам замечает меня сразу, наверное, потому что я единственная сижу на полу. Я наполовину ожидаю, что он проигнорирует мое присутствие, но он идет прямо ко мне. Мышонок замечает его и подпрыгивает на ноги. Все мои попытки успокоить его улетучиваются в окно, когда он видит объект своего обожания. Мышонок подпрыгивает и скулит, отчаянно тянясь к Адаму, но поводок позволяет отойти от меня всего на метр. Пытаюсь посадить его, но толку нет.

Понимаю, что вся комната смотрит на меня и мое фиаско приструнить свою собаку, а вот Адаму удастся посадить его всего лишь одной командой «Мышонок, *сидеть*», и тот его слушается. Только затем Адам вознаграждает его похлопыванием.

— Это часть урока? — смеюсь я. — Научиться, как настраивать наш голос, чтобы он звучал более командным?

Это должна была быть шутка, но Адам поднимает на меня взгляд со странным выражением на лице.

— О, я просто пошутила...

Он улыбается.

— Я знаю. Держи.

Парень бросает мне что-то, и мне приходится быстро соображать, чтобы поймать это прежде, чем оно упало на пол. Я вытягиваю это перед собой, и понимаю, что это *не один предмет*: два черных наколенника, типа тех, что я использовала, когда каталась на роликах в детстве.

— О, ха-ха, кажется, все здесь с юморком, — произношу я, искренне забавляясь.

Когда я поднимаю взгляд, на лице Адама появляется умопомрачительная улыбка.

— Увидел их в магазине ранее, и подумал о тебе.

Ого.

Я замираю, слегка выбитая из колеи его признанием. Думаю, он видит шок на моем лице, поэтому качает головой.

— Ну там, знаешь, только из-за твоих содранных коленей. Очевидно, тебе они не нужны.

Этот обмен репликами становится в тысячи раз более странным, потому что мы все еще посреди вселенной урока дрессуры. Мне даже не нужно смотреть на женщин рядом со мной, чтобы почувствовать смертоносные взгляды, которые они посылают в мою сторону. Адам вошел в класс и заговорил со мной первой, *и* подарил мне подарок, *и* сказал, что думал обо мне.

Я почти готова надеть эти проклятые наколенники, чтобы доказать это.

— Тогда спасибо, — произношу я, поднимая их. — Может, покатаюсь на роликах с Мышонком.

— Позвоню в Национальную Гвардию.

Как только Адам отходит, Мышонок подпрыгивает в воздухе, и вырывает один из наколенников из моей руки.

— Нет! — реагирую я. — Плохая собака!

Он тут же его бросает, покрывая мою обувь обильным количеством слюней.

— Кажется, *некоторым* урок важнее, чем другим, — произносит женщина рядом со мной. Ее подруга смеется, а Адам притворяется, что не слышит их. За это я благодарна.

Кивнув в моем направлении, он идет в центр спортзала и приветствует всех, слегка махнув рукой.

— Думаю, хорошее время, чтобы начать. К нам вскоре присоединится еще один участник, но мы начнем без нее.

О, хорошо. Плюс одна в сражении за внимание Адама.

Мысль появляется в моем мозгу раньше, чем я могу остановить ее. С каких это пор я начала соревноваться за внимание Адама? Если на то пошло, я хочу делать противоположное. Я столько разставляла себя душой рядом с ним за последние несколько наших встреч, но ничему другому, кроме как милой, странной дружбы между нами места нет, и

даже этого будет много. Но все же, это он пригласил меня на урок, и он протянул оливковую ветвь в виде наколенников, так ведь?

— Простите! Я здесь! Я здесь!

Мурашки ползут у меня по спине от знакомого голоса, владелица которого врывается в спортзал, и я поднимаю голову как раз, чтобы увидеть, как Лори тащит за собой карликового померанского шпица.

Адам отмахивается от ее извинений.

— Нет, ты как раз вовремя. Садись... — он вспоминает, что все места заняты, и исправляется: — Или становись, не важно. Мы все равно будем заниматься через секунду.

Лори видит меня, прищуривает глаза и быстро двигается к противоположному концу полукруга из стульев. Я редко вижу ее вне работы, и то, что она здесь, означает, что мне не удастся насладиться этим уроком так, как надеялась. Хотя есть один бонус: Лори в гражданской одежде. Я уже имела удовольствие лицезреть ее спортивную, в какой-то мере по-настоящему отравительную, тренировочную одежду, но сегодня она продефилировала в насыщенно-розовом спортивном костюме а-ля 2000-ые, цвет которого использовали для бренда Juicy Couture. Ее собака, несмотря на то, что напоминала белый мохнатый шарик, была одета в такой же по цвету розовый воротник.

— Разве твоя собака не слишком старая для этого урока? — спрашивает кто-то, пытаясь урезать конкуренцию.

— Да, это же урок для щенков? — вмешивается другая.

К сожалению, Адам пресекает восстание прежде, чем оно начнет шириться.

— По опыту могу сказать, что вся эта история под названием «нельзя научить старых собак новым трюкам» всего лишь сказка из старых фильмов. Думаю, здесь должны быть рады всем.

Как же вежливо с его стороны. Особенно с учетом того, что он обращается к женщинам в возрасте.

Смотрю на Лори, которая светится перед ним, как перед вторым пришествием Христа. Она, наверное, представляет, как он сам будет выглядеть в розовом тренировочном костюме — маленькая велюровая семейка.

После того, как Адам раздает нам форму инструктажа, которую нам всем сначала нужно заполнить, он начинает урок. Я не была уверена,

чего ожидать, но он на самом деле профессионал своего дела. Нам всем выдали пакетик с лакомствами для собак и инвентарь для дрессуры, который Адам называет «кликер». Это маленький инструмент, который он говорит нам надеть на запястье, и когда наша собака исполнит требуемую команду, мы кликаем по нему и вознаграждаем питомца лакомством. Очень легкая концепция.

Я говорю Мышонку сидеть.

Он сидит.

Я кликаю и вознаграждаю его. К сожалению, не всем удастся это так легко — или так, или они стоят, притворяясь сбитыми с толку, в обмен на минуту или две внимания от Адама. Девушка с чихуахуа, которую, я узнала, зовут Бет, кажется, ни разу в своей жизни не слышала о концепции «положительного поощрения».

— Так мне кликать до или после того, как она выполнит команду?
— спрашивает она в десятый раз.

Адам терпеливо кивает.

— Всегда после. Мы пытаемся связать поведение со звуком клика, поэтому кликать нужно, чтобы вознаградить.

— Аааааа. Думаю, теперь я понимаю.

Она не понимает.

Адаму приходится помогать ей еще на протяжении десяти минут. Тем временем, мы с Мышонком учим команду «сидеть» — ну, он сидит, а я прошу его сидеть, и у него это *изумительно* получается. Кликер, кажется, привлекает его внимание, и ему нравится получать вкусняшку за послушание. Что самое лучшее, он не пытается тянуть за поводок и обгонять других собак. Кажется, он доволен тренировкой, и Адам это замечает.

— Вы очень хорошо справляетесь, — произносит он, когда у него появляется время подойти в мой угол спортзала. Я улыбаюсь, и говорю Мышонку сидеть.

Впервые он слушается сразу же, когда мне надо.

Я кликаю и даю ему вкусняшку.

— Можешь брать кликер с собой на прогулки с ним, — подсказывает Адам. — Каждый раз, когда он посмотрит вверх на тебя, пока будет рядом, кликни и дай ему лакомство. Это поощрит его сосредоточить свое внимание на тебе вместо белок или прохожих, которые попадутся ему на глаза.

Я сияю.

— Гениально! Я точно это попробую.

Он кивает и поворачивает голову к другому ученику, но я вступаю в разговор раньше.

— Знаешь, это интересно. Я бы не назвала тебя парнем, который разбирается в дрессуре щенков.

Он проводит руками по волосам и улыбается.

— Честно, я и не разбираюсь. Кажется, моя предшественница в клинике организовывала такие уроки, и поскольку уже было несколько записавшихся, я не захотел отменять их. Думаю, это хороший способ поднять бизнес.

Я киваю.

— Ну, ты проделываешь прекрасную работу.

Его брови взлетают вверх от моего комплимента.

— Спасибо.

И поскольку я решаю, что мы будем друзьями, то могу сказать ему правду.

— Кстати, половина класса записалась только потому, что увидела твое лицо на флаере.

Клянусь, теперь он краснеет. Его зеленый взгляд упирается в пол, и он качает головой, розоватый цвет окрашивает его щеки. Ветеринар Адам спасает щенков и краснеет? Дейзи будет над чем подумать.

— Я так и понял, что что-то не так. У меня уже четыре раза спросили номер телефона.

— Да ладно! — Эти женщины смелее, чем я думала.

Он пожимает плечами.

— Не страшно. Я всего лишь новый парень в городе.

— Ммгм, спорю, *такого* внимание в Чикаго ты не получал.

Он хмурится, словно я сказала что-то, что его раздражало.

— Это была простая шутка, — моя очередь пожимать плечами.

Он качает головой.

— Ага, я просто... на секунду забыл, что ты знала, что я жил в Чикаго. Мне, наверное, стоит пойти помочь другим.

— Точно. Ага, — отвечаю я, потому что ничего лучше в голову не приходит. В момент, когда я думаю, мы с ним двигаемся в нужном направлении, мы накренаемся совершенно в противоположную, неизведанную территорию. У меня никогда не было такой проблемы с

мужчинами, и мне это не нравится. Так я чувствую себя, словно я снова в средней школе, пытаюсь удивить популярного мальчика.

Оставшаяся часть урока проходит быстрее, чем я думала, пока Адам проходится по основам того, как работает кликер, и как дальше будут проходить уроки. По истечению шести недель наши щенки пройдут проверочный экзамен, и, если у них получится, нам выдадут печатный сертификат, который мы сможем показать всем, кто захочет — то есть, никому. Но я все равно хочу этот сертификат.

Я успешно избегала Лори весь час урока, но не могу сдержаться, чтобы не найти ее глазами, пока мы собираемся. Ее померанский шпиц распластался на полу, тяжело дыша и выглядя истощенным после урока. Мышонок — для сравнения — мог бы пробежать марафон, и глазом не моргнув. Хотя, Лори, кажется, не понимает, насколько устала ее собака. Она занята болтовней с Адамом и слегка тащит обмякшее создание по полу спортзала. Терпеть ее не могу, но вижу, что она по самую задницу углубилась в свое правило «Пяти Пэ». Улыбается, хлопает ресничками, а затем тянется и прикасается к его руке. Я презрительно усмехаюсь.

Это плохо, но становится еще хуже, когда она достает визитную карточку из своей огромной сумки от LouisVuitton. Она кивает и вдавливая карточку в ладонь Адама, и я уверена, что краска абсолютно сходит с моего лица. Мои ладони превращаются в кулаки по бокам, и я в секундах от того, чтобы пустить кому-то кровь. Она серьезно сейчас пытается увести у меня клиента? *Здесь?* А затем меня окутывает ужасом, потому что ответ очевиден: то, что Лори пришла на урок для дрессуры щенков — не совпадение. С Лори никогда не бывает совпадений. Она, наверное, услышала о том, что Адам арендует дом и решила отключить свою собаку от системы жизнеобеспечения для последнего урока дрессуры. Все, чтобы они могли встретиться «органично», и чтобы она могла начать «обрабатывать» его. До чего же тупоголовая гарпия.

Она ни разу мне не нравилась.

Но я не могу позволить ей уйти с этим. Я первая познакомилась с Адамом, и если он и будет чьим-то клиентом, то моим.

Я выжидаю еще минуту или две, пока еще несколько учеников покидает класс, а затем делаю свой ход. Уверена, существуют и хитрые, и коварные способы, но железо нужно ковать пока горячо.

— Доктор Фокс, я могу украсть вас на секундочку?

Он заканчивает свой разговор с учеником, а затем направляется в сторонку ко мне. Он кажется довольным, что я подошла поговорить с ним — я принимаю это за хороший знак.

— Понравился урок? — спрашивает он, потянувшись вниз погладить Мышонка. Он знает, в каком месте почесать ему за ушком, и я моя собака буквально превращается в пластилин в его руках.

— Ага, он был замечательным. Я уже чувствую улучшения у Мышонка, а это только первый урок.

— Это отлично,— Адам поднимает на меня взгляд, и я тут же слепну от его зеленых глаз. Они, правда, нечто.

Но я здесь не для того, чтобы пялиться на его глаза.

— Да, послушай... Я знаю, что Лори, наверное, упоминала что-то о работе в риэлтерском агентстве.

Он смеется и встает.

— Да, предоставила мне полноценную речь.

— Уф, как раздражает, когда риелтор портит первую встречу.

Он пожимает плечами, и я продолжаю, пока еще не утратила смелость:

— Но поскольку это, не знаю, наша пятая или шестая встреча, я подумала, что стоит дать тебе знать, что мы с Лори работаем в одном и том же агентстве.

Он кивает медленно, наверное, складывая картину воедино, но я не могу ничего предполагать. Мне нужно изложить все кристально понятно.

— И если бы ты *искал* дом, чтобы купить, я бы охотно представляла твои интересы. То есть, Лори прекрасна, но уфффф, такая нетактичная, правда ведь?

Затем я смеюсь, но он не присоединяется ко мне.

— Так ты об этом хотела поговорить? — Он наклоняет голову, изучая меня. — Чтобы продать мне дом?

— О, эммм... да, — заикаюсь я. — Собственно, я просто хотела, чтобы ты знал, что я бы с *удовольствием* с тобой поработала.

Он проводит рукой по волосам и отходит.

— Боже, люди, вы неугомонны. По крайней мере, у нее была визитка.

Отмена. ОТМЕНА!

— Нет! Я всего лишь не хотела упустить возможность без....

Он смеется и отходит.

— Ну, ты точно не упустила возможность. Теперь твое поведение на вечеринке в честь новоселья Лукаса обретает больше смысла. Я на секунду подумал, что ты биполярна, но теперь понимаю, что ты была милой со мной только потому, что хотела поработать со мной.

Тина... да.

— Нет! — лгу я. — Конечно, нет. Я не такая. Я милая.

— Когда перед тобой виднеется выгода, — добавляет он, и я чувствую, как у меня горят щеки.

Это не правда. Не *совсем*.

Я поднимаю руку в свою оборону.

— Послушай, давай забудем, что я вообще что-то говорила. Ясно ведь, что ты не ищешь риелтора, и даже если бы искал, это явно была бы не я.

Моя самокритика абсолютно его не трогает. Его губы стиснуты в тугую линию, а мне просто надо уйти. Нет ни единого способа, которым я могла бы спасти ситуацию.

— Ладно, тогда мне лучше отвезти Мышонка домой. Ему нужно поужинать.

Мне тоже нужно было, пока разговор не украл мой аппетит. Он не отвечает мне ничего кроме короткого прощания, и я ухожу с болезненным ощущением дыры в желудке, пока еду домой. Мышонок высунулся из окна, счастливый, каким только может быть, но меня это не ободряет. Я приезжаю в свою одинокую квартиру, игнорирую мелодраматичное предупреждение «АРЕНДА ПРОСРОЧЕНА», что приклеено на моей входной двери, и включаю свет.

Игрушки Мышонка разбросаны по дешевому коричневому ковру. Моя перекупленная попользованная мебель отчаянно нуждается в замене, и грустно, но куча посуды в раковине, которую я оставила там с прошлого вечера, только смеется надо мной. Я со скрипом открываю холодильник, всматриваюсь в жалкие остатки провизии, и с хлопком закрываю его. Отрицать нет смысла: моя жизнь катится в прорву. Через несколько дней меня выселят, и я вернусь к родителям. Или это, или просто прыгну в реку Рио-Гранде и позволю течению отнести меня в Мексику.

Привет, я лузер.

Скольжу на пол, и даже не понимаю, что плачу, пока Мышонок не

подбегает и не начинает слизывать слезы с моих щек. Это самый грустный, и самый милый момент моего сегодняшнего дня, и я даже не борюсь с его выражением привязанности. Обнимаю руками этот огромный комок шерсти и притягиваю ближе к себе.

Он облизывает и облизывает, и я даже не против его щенячьего дыхания. Он успокаивает меня, до тех пор, пока я не смотрю вниз и вижу два наколенника, торчащих из моей сумки. Они заставляют меня плакать сильнее.

Глава 7

Адам

На следующее утро у меня паршивое настроение, и хоть мне хочется свалить это на свой загруженный график, в глубине души я

знаю, что меня гложет. Я слишком грубо повел себя с Мэделин вчера вечером в конце урока дрессуры. В тот момент я был зол, и, может... сбит с толку. Я поступил не стандартно для себя, пригласив ее на урок и предложив ей мир, и хоть у меня прекрасно получается отрицать это, но она привлекает меня. При этом все равно, каждый раз, когда она меня видит, она показывает, что не испытывает ко мне того же. Для нее я — потенциальный клиент, и не более.

Это должно сделать меня счастливым. В конце концов, я не ищу каких-либо отношений, привязанностей или чего-то там еще, но в момент ярости, когда она провела грань, я ничего не мог поделать с тем, что почувствовал, словно мне подорвало эго. *Конечно, я не хочу встречаться, но она не знает этого.*

Самое меньшее, что могло быть между нами — это дружба, но теперь и она кажется под вопросом, учитывая, как я повел себя прошлым вечером. Выражение обиды на ее лице, когда я отчитывал ее (во второй раз), навсегда будет выжжено у меня в мозгу.

Может, мы просто не подходим друг другу.

Но я отказываюсь в это верить.

Я не мог оторвать от нее своего взгляда вчера. Она так прилежно работала с Мышонком, занимаясь сама по себе в углу спортзала, и в течение часа я ловил себя около десятка раз за тем, что плююсь на нее. Я говорил себе сосредоточиться на другом ученике, и все равно мое внимание возвращалось к ней.

Она хорошо работала с Мышонком, была терпеливой в обучении, и быстро вознаграждала его, когда у него получалось выполнить новую команду. Я увидел другую сторону ее, ту, которую хотел узнать.... Пока она не спросила меня, не ищу ли я риелтора. Это весьма быстро взорвало мой пузырь хороших впечатлений.

— Доктор Фокс, — зовет Дерек, один из помощников, стоя снаружи моего офиса. — Ваш следующий пациент готов и ждет в смотровой номер два.

Я говорю ему, что сейчас буду, но на двери смотровой папки пациента нет. Стучу в дверь, предполагая, что он случайно оставил ее внутри, но как только вижу маму, устроившуюся на одном из стульев, тут же понимаю, что меня подставили. Даже сейчас я слышу, как смеется мой персонал.

Она поднимает на меня взгляд. Ее седые волосы коротко

подстрижены, и сегодня на ней пара голубых сережек в цвет ее платья. На ее коленях лежит мягкая, набитая игрушечная птица, и хоть у меня дерьмовое настроение, это немного разряжает обстановку.

— Мам, чем обязан такому удовольствию? — спрашиваю я, закрывая за собой дверь. — Ты, правда, записалась на прием? У меня занято все утро.

Она поднимает птицу.

— Вообще-то, записалась. У Пташки ушная инфекция.

— Смешно.

Она вздыхает и кладет игрушку назад на колени.

— Это единственный способ, когда мы можем увидеться с тобой в последние дни! Ты переехал из Чикаго месяц назад, а мы виделись только дважды!

— Это больше, чем ты привыкла меня видеть.

Она предоставляет мне классический материнский взгляд.

— Ну, этого *недостаточно*.

— Как Сэмюэль и дети?

— Хорошо. Планируют барбекю на выходных, и я хочу, чтобы ты приехал.

На барбекю можно согласиться. А вот на то, что тебя будет пилить каждый в семье по поводу твоей жизни, не очень.

— Нужно посмотреть расписание, — отвечаю я, не в силах встретиться с ней взглядом.

Может, я и жил через полстраны от нее последние десять лет, но она все еще моя мама, и может видеть меня насквозь.

— К счастью, твое расписание висит прямо в приемной, и я уже посмотрела. Ты свободен в субботу в полдень.

— Они не вписывают туда мою личную жизнь, — указал я, хотя лучше всего было бы, если бы я не открывал свой рот.

Ее зеленые глаза — такого же цвета, как и моя футболка — загораются.

— Так у тебя *есть* светские планы в эту субботу?

Если под планами они имеют в виду поездку в город за продуктами, то да, они у меня есть.

— Ничего, стоящего внимания, — отвечаю я, что кажется весьма расплывчатым. Я мог говорить о свидании, а мог и об оргии с наркотиками. Она сама может заполнить пробелы.

Мама вздыхает, раздражаясь тем, что я не рассказываю больше. Вот что получаешь, когда у тебя два сына. Если она хочет поговорить по душам, у нее есть жена Сэмюэля. Кэти не перестает болтать со дня, когда стала частью нашей семьи.

— Я просто хочу, чтобы ты забыл и был счастлив. Знаю, что прошло всего несколько месяцев, но...

— Я счастлив, — настаиваю я. — И я пережил это.

— О, неужели? Ты с кем-то встречаешься?

— Конечно.

— Ладно, значит, как ее зовут?

Я забыл, что она раскрывала мой блеф с тех пор, как я бегал в подгузниках. Мне нужно выдать ей первое имя, которое придет в голову.

— Мэделин.

Она вскрикивает, а мне приходится закрыть глаза. Дать ей имя, даже не настоящее, было плохой идеей.

— Идеально, приводи ее на барбекю в субботу.

— Не могу, — отвечаю я, обходя маленький столик и приближаясь к двери. У меня есть другие пациенты, работа есть работа.

— Она что, преступница, или кто-то в этом роде? Знаешь что, Адам, в один день у тебя не станет матери, которая будет пилить и баловать тебя.

— Я не очень в этом уверен, — я качаю головой, отбивая чувство вины перед мамой невидимым щитом. — У тебя прекрасное здоровье. Ты проходишь пешком по две мили каждый день и делала это на своей последней тренировке, твой врач сказал, что у тебя сердце тридцатилетней.

Она отмахивается от моих фактов.

— Да, но нас может не стать, — он щелкает пальцами для удара, — вот так. А что если поезд или удар молнии?

— О, господи...

— Да, милосердный Боженька может призвать меня домой в любой момент.

Я массирую виски, пытаюсь подавить нарастающую головную боль, которая, кажется, преследует каждый наш с ней разговор.

— Давай проясним. Я должен прийти на барбекю в субботу, потому что иначе ты *погибнешь жестоким образом?*

Она кивает, улыбаясь.

— Да, Адам, это *именно* то, что я говорю.

— Ого. Это же еба...

— *Адам!*

— Сдуреть можно, — поспешно поправляюсь я. — Ты понимаешь, что, если я не приду, и если тебя на самом деле собьет поезд, мне придется жить с чувством вины до конца своих дней.

Она снова кивает, чертовски довольная собой.

— Так мне ожидать тебя на поздний ланч в субботу у Сэмми? — спрашивает она, вставая и поправляя платье. Она только что сломала мою оборону, и даже не выглядит обеспокоенной. Я моргаю, полностью потерянный. Она поднялась на абсолютно новый уровень, и в данный момент я не могу придумать ни единого пути отступления, чтобы не появляться в субботу.

— Я там буду, — произношу я изумленным тоном.

— С Мэделин?

— Посмотрим. Она может быть занята.

Мама подходит ближе и поправляет лацканы на моем халате, хоть они и так лежат идеально.

— Миленький, она не будет занята, если ты пригласишь ее. Если я знаю женщин, она перестроит весь свой график, чтобы побыть там с тобой.

Как бы я хотел, чтобы это было именно тем случаем, но с Мэделин это может быть ой как далеко от правды. После вчера нет ни единого расклада, при котором она приняла бы мое приглашение.

— Я могу появиться и один.

Она морщится и прикладывает руку к сердцу.

— О, мое *сердце*, мне так резко стало плохо...

— Ты серьезно сейчас притворяешься, что у тебя сердечный

приступ? У тебя совесть есть?

Она отступает назад, опускает руку и улыбается.

— Нет, когда дело доходит до моих детей, мой дорогой. Для тебя я сделаю практически все.

Я качаю головой.

— Тебе нужно лечиться.

— А тебе нужно привести Мэделин в субботу. Не могу *дождаться* встречи с ней! — мама направляется к двери, сунув набитую птицу подмышку. Как раз перед тем, как выйти, она оборачивается через плечо. — О, она же не вегетарианка, нет?

— Честно, я понятия не имею.

Она смеется и отмахивается от моего ответа.

— Ну, вы двое, наверное, были слишком заняты другими вещами, чтобы переживать о еде.

Я смеюсь.

Ну... Не совсем.

Глава 8

Мэделин

Сегодня утро четверга и я в предвкушении. Даже если мне пришлось снимать деньги со сберегательного счета, чтобы оплатить аренду. Даже если Мышонок погрыз еще одну пару моих рабочих туфель. Даже если я не ходила на свидание два месяца, а самое ближайшее, когда я оказалась к оргазму, это когда моя побитая машина начала вибрировать на скорости шестьдесят километров в час. Но у меня все равно есть надежда — или так, или я перепила кофе, я не знаю. От надежды руки трясутся?

Я на работе, и леди Хелен пригласила меня в свой офис на утренний чай. Я ненавижу чай и страдаю от каждого глотка жидкости с бергамотом, просто чтобы она осталась довольна. Думаю, если бы в него подсыпать еще десять столовых ложек сахара и меда, он стал бы вкуснее, но я слишком нервничаю, чтобы добавить сахар в свою чашку. Он и так почти переливается через края, потому что я отказываюсь делать еще один, вызывающий позывы рвоты, глоток.

— Что ж, Мэделин, уверена, ты знаешь, почему я попросила тебя зайти сегодня утром.

— О, ммм... да.

Я проливаю немного чая на юбку-карандаш, когда пытаюсь поставить чашку на стол. К счастью, смелая смесь хлопка с чем-то еще — черного цвета, и поглощает все. Мышонок научил.

Она улыбается мне со своего трона — мягкого кресла с кричащим леопардовым принтом, которое возвышается сантиметров на тридцать выше ее головы, а затем наклоняется и складывает руки под подбородком.

— Ты уже неделю на этом небольшом испытательном сроке, и я бы хотела услышать, каких изменений тебе удалось достичь.

— О, да. Безусловно, — я роюсь в бумагах на коленях, словно там среди них можно найти ответ. Затем смущенно смеюсь, заставляю себя улыбнуться и сесть ровно. — Эммм, за последнюю неделю я нашла несколько зацепок. Как вы, наверное, слышали, Грег Вэн хочет продать свою недвижимость и купить большой участок земли. Я уже подобрала несколько участков с хорошей площадью, и мы назначили встречу на завтра, так что я смогу показать их ему.

Она кивает, выглядя довольной.

— Хорошо. Что еще?

А что еще?

— О, эм, Лоретта Рае упоминала на прошлой неделе, что хотела бы продать свой домик в центре. Собственность принадлежала ей годами и...

Улыбка Хелен натягивается, когда она качает головой.

— Лоретта не продаст. Лори связывалась с нее ранее в этом году.

Я смотрю вниз на свои колени. На самом верху моей стопочки документов лежит список креативных способов того, как показать дом Лоретты, когда мы выставим его на продажу. Очевидно, теперь он ничего не значит. Я засовываю бумажку под низ стопки, а затем вспоминаю своего последнего потенциального покупателя.

— Камерон Карр разговаривал со мной на прошлой неделе о покупке собственности, чтобы вложения инвестиций.

— Хорошо. Ты связывалась с ним после этого?

— Эээм, ну, на этой неделе его тяжело поймать. Я оставила ему два голосовых сообщения и отправила е-мейл. Могу попробовать позвонить ему сегодня, но не хочу его спугнуть.

Она отклоняется и переплетает пальцы.

— Невозможно быть слишком агрессивным. Например, для Лори не составляет труда подстроить стечение обстоятельств, чтобы столкнуться с самыми упрямыми клиентами.

Я бурчу, думая о ее посещении урока дрессуры щенков.

— Да, я знаю.

— Мне это понимать, как то, что тебе неловко от этого?

— О, я этого не говорила! — спешу защититься я. Хелен любит Лори. В глазах Хелен Лори не может сделать ничего плохого. А тем временем, именно я агент, попавший на испытательный срок. Если Лори преследует клиентов до тех пор, пока они не сдаются и не начинают с ней работать, то, наверное, это не такая плохая идея. Как пить дать, это работает для нее — ее колокольчик звенел трижды на этой неделе, пока мой собирал еще один слой пыли, как и моя личная жизнь.

Я открываю рот, готовая сказать Хелен, что полностью готова переключиться в режим сталкера, но именно в этот момент звонит мой телефон. В отличие от большинства корпораций, нас понуждают носить телефоны с собой на случай, если позвонит клиент. Хелен хочет, чтобы мы были доступны двадцать четыре часа в сутки, и это включает и

данный момент. Она машет мне, чтобы я ответила, и я смотрю вниз на незнакомый номер.

Незнакомые номера — это хорошо. Хоть половины из них — спам от принцев Нигерии или кредиторских компаний, но есть некоторые (ладно, такой был всего один) от клиентов, которые пытаются до меня дозвониться. Мое сердце ёкает от мысли, что это второй вариант. Я извиняюсь, выходя из офиса Хелен, и провожу по экрану, чтобы принять вызов.

— Привет, говорит Мэделин Тэтчер.

— Мэделин, привет. Это Адам.

Я напрягаю мозг, пытаюсь вспомнить, что это может быть за Адам. Недавно я связывалась с агентством. Обычно я набираю всего примерно пять клиентов, но мне нравится относиться к ним так, словно каждый из них мой единственный клиент. Мне нравится обновлять информацию в каждом е-мейле, каждом телефонном звонке. Если я и говорила с каким-нибудь Адамом в последнее время, то пока ничего не вспомнила. Поэтому подыгрываю.

— Мистер Адам! Конечно, рада снова вас слышать.

Это хорошее, нейтральное приветствие.

— Эм, точно. Ты можешь поговорить минутку? Уверен, ты на работе.

Я хмурюсь, сбита с толку.

— Да, я в агентстве, но точно свободна и могу поговорить.

Затем он смеется, и я замираю на месте. Я сказала что-то не то? Обычно клиенты считают меня скромной и профессиональной.

— Ты понятия не имеешь, кто это, да?

Я смеюсь, только чтобы присоединиться к нему и сделать ситуацию менее странной.

— Конечно, имею. Адам!

Тем временем, я бегу к своей кабинке, чтобы просмотреть свою историю е-мейлов. *Адам. Адам.* Был Адам Келлер, с которым я пыталась работать в прошлом году, но это не может быть...

А затем что-то щелкает.

— Ооооооо, ветеринар! Мужчина со щенятами!

Он снова смеется.

— Ага, но большинство называют меня просто Адам.

Я краснею.

— Конечно. Прости. Я просто немного удивлена, что ты позвонил. Откуда у тебя этот номер?

Мой рабочий номер записан в списке на сайте нашего агентства, но он позвонил на мой личный телефон.

— Возможно, я нашел его в заполненной тобой форме для дрессуры щенков.

Я расслаблюсь на стуле.

— Ого.

— Прости за то, что влез на личную территорию.

Я качаю головой, хоть он и не может увидеть меня через телефон.

— Нет, дело не в этом. Я просто удивлена услышать тебя, — он кажется не сказано счастливым разговору со мной по телефону, учитывая, что когда я в последний раз была рядом с ним, он не хотел иметь ничего общего со мной, кроме, может...

— О, боже, ты выгоняешь меня из класса дрессуры из-за того, что я сделала на прошлой неделе? Я знаю, что перешла грань, но клянусь, что больше не стану надоедать тебе с покупкой дома. Даю слово.

— Нет, дело не в этом. Вообще-то, я хотел извиниться за то, как повел себя в той ситуации. Мне не стоило срываться вот так.

Мои брови взлетают чуть ли не до потолка.

— Оу. Ого. Ладно, — затем я обдумываю секунду. — Ты поэтому звонишь? Чтобы эм... извиниться?

Повисает пауза, и на секунду я думаю, что звонок прервался. Отодвигаю трубку от уха, понимая, что время вызова продолжает идти. К тому моменту, когда я снова прикладываю ее к уху, я слышу вздох.

— Вообще-то, нет. У меня для тебя предложение.

Предложение?

Почему это звучит как начало контракта на секс или чего-то такого? О, боже, это не правда. Мой мозг взрывается от умозаключений, потому что я *хочу*, чтобы это был контракт на секс. Черт, в данной ситуации *любой* контракт скинет Хелен с моей спины.

— О? — отвечаю я, надеясь, что звучу всего лишь слегка заинтересованно.

— Ага. Я сразу перейду к делу. В принципе, я позволю тебе продать мне дом, но сначала ты должна кое-что для меня сделать.

Секс.

Он хочет много, много минетов. О, боже, я снимусь в

низкопробном порно.

Или хуже...

Он хочет мои органы.

Ничего страшного. Он может забрать их все, если позволит мне продать ему дом. Я уже представляю это: через неделю я вхожу в кабинет Хелен и объявляю, что продала большой дом. Она расцветает и спрашивает у меня, как я это сделала, а я поднимаю футболку и показываю ей шрам там, откуда из меня вынули почку.

— Мэделин? — спрашивает Адам. — Я потерял тебя?

Я смеюсь, потому что он сделал совершенно противоположное.

Без колебаний я серьезно отвечаю:

— Адам Фокс, чего бы ты ни хотел, я согласна на сделку.

Глава 9

Мэделин

Я забыла спросить у Адама, что ему от меня нужно. Попросту приняла предложение и повесила трубку прежде, чем он смог перейти к подробностям. Вооруженное ограбление, полуночный визит, налоговые махинации — я была готова ко всему. Даже на мгновение подумала, что он попросит меня помочь ему в его ветеринарной практике, поэтому посмотрела видео на YouTube о процессе рождение телят, и меня вырвало всего лишь раз. Вот насколько отчаянно я хотела продать ему дом.

В пятницу вечером я сижу дома у Дейзи с Мышонком за

просмотром старых фильмов и листая профили на «Тиндере». Дейзи нравится делать это со мной, поскольку она никогда не использовала брачных приложений.

— О боже, *нет!* — произносит она, пропуская еще одного потенциального партнера.

— Он не так уж и плох! — бросаю я, отчаянно пытаюсь вырвать телефон у нее из рук.

— Да, он на своей аватарке в профиле позирует на фоне вишневого «корвета». Какой парень так делает?

Конечно, его фотография так и кричит «я — хвастливый мажор», но, если я начну пропускать каждого, кто в идеале не соответствует моим ожиданиям, свою старость я встречу с Мышонком.

Дейзи мне не верит.

— Будут перспективы получше, просто подожди.

Мой телефон жужжит в ее руке от входящего сообщения, и по выражению на ее лице, я понимаю, что оно не от мамы. Поскольку я сейчас с Дейзи, оно не от нее, что ведет лишь к двум людям, которые пишут мне постоянно.

— Одно новое сообщение от *Адама Фокса?! —* восклицает она.

Я пытаюсь — снова — вырвать у нее телефон, но она поднимает его над головой.

Мышонок подпрыгивает на ноги и начинает гавкать, предполагая, что это какая-то спонтанная игра.

— Отдай мне телефон, Дейзи, — шиплю я очень властным не свойственным мне тоном.

Это всего лишь заставляет ее рассмеяться, когда она начинает читать сообщение.

«Хей, Мэделин, это Адам. Я заберу тебя завтра у твоего дома примерно в 11.30».

Притворяясь, что мне плевать, спокойно сижу на месте на противоположной стороне дивана, скрестив руки на груди. Она может прочитать все сообщения, какие хочет — от меня она информации не получит.

— Тебе пишет Адам.

— Да.

— Ветеринар Адам?

Я пожимаю плечами.

— Почему он тебе пишет? И почему он заберет тебя завтра?

В молчанку я играю прекрасно — быть младшей сестрой такого раздражающего брата вроде моего, включало в себя умение делать это, пока я была ребенком.

— И почему он прислал тебе смайлик с поцелуйчиком и сердечки?

— *Правда?*

— Ха! Попалась. Так он ведет тебя на свидание, или что?

Я притворяюсь, что выколупываю грязь из-под ногтей. Затем чешу плечо.

— С тобой не весело, — отвечает она, наконец-то передавая мне телефон.

— Ха! — шиплю я, вновь открывая сообщение и читая. В нем говорится именно то, что она сказала, только без поцелуйчиков. Я слегка разочарована, что он не прислал больше информации.

Решаю попытать счастья и отвечаю ему.

Мэделин: А что, если завтра днем я занята?

Дейзи подпрыгивает с дивана и смотрит через мое плечо, чтобы суметь прочитать мой ответ. Я закрываю ей вид, когда мой телефон снова вибрирует. Он быстро ответил, быстрее, чем обычно отвечают парни. Обычно мне приходится сидеть и пялиться на телефон минимум полчаса прежде, чем парни ответят мне, иногда даже больше. Это мучительно, и я рада, что Адам не пытается играть в эти тупые игры. Затем до меня доходит, что, может, он играет в эти игры с девушками, в которых он на самом деле заинтересован. Не то, чтобы мы вели переписку о настоящем свидании.

Адам: Тогда, к сожалению, никакой сделки.

Мэделин: Ого. Так делают мафиози с Чикаго? Мы будем топить тело в реке Мичиган?

Адам: Нет, прости, мне по-настоящему нужна твоя помощь.

Мэделин: Может, тогда поделишься?

Дейзи трясет меня за плечо, пытаюсь заставить показать ей, что он

отвечает. Естественно, из-за нее я отправляю Адаму несуразицу.

Мэделин: мийо987368стдшяроБГЗЛЛ@#

Адам: Что?

Мэделин: Не обращай внимания.

Адам: Подробности рассказать не могу. Они могут тебя спугнуть.

В голове снова проигрывается видео с рождением телят, и у меня сводит желудок. Именно это ему и нужно. Мне придется сунуть руки в коровью вагину завтра, чтобы продать ему дом. Другим риелторам тоже приходится прибегать к такому ради комиссионных?

Мэделин: Хорошо. Я пришлю тебе свой адрес.

Адам: Отлично. Увидимся.

Мэделин: ПОДОЖДИ. Что мне надеть? Платье? Джинсы? Защитный костюм?

Адам: Что-нибудь обычное, что не будет жаль немного запачкать.

Господи Боже, помоги мне.

Адам: О, и Мышонок тоже приглашен.

— Ха! — выкрикивает Дейзи, вырывая телефон у меня из руки. С таким же успехом она могла бы содрать кожу с моего большого пальца. Очень вежливо.

— Ты слышала о таком понятии, как «личное»?! — кричу я, но толку нет. Она уже читает нашу переписку, без сомнений вкладывая чувства и двойной смысл туда, где его нет.

— Он пригласил тебя на свидание-сюрприз, или что-то в этом роде? — спрашивает она, бросив мне телефон, как только закончила.

Мне не стоило вознаграждать поведение своей лучше подруги, но какой смысл упрямиться. Дейзи в итоге раскусит меня, как и мой брат.

— Нет, вообще-то это не свидание.

— Так... вы двое тусуетесь как друзья?

Я прищуриваюсь на нее, всматриваясь в ее идеальную кожу и яркие белокурые волосы. Конечно, *сейчас* она в пижаме, но обычно придерживается роскошного делового стиля под своим роскошным

белым пальто. Дейзи взяла свою жизнь под контроль. Она врач, и у нее есть муж. Есть свой собственный дом, и весьма скоро она начнет приводить в этот мир моих племяшек и племянничков. Именно поэтому я не могу рассказать ей всю правду — что я, Мэделин Тэтчер, спустилась еще на один уровень ниже. Что я продаю себя во имя риэлтерского агентства. Дейзи не поймет. Она скажет мне уволиться, найти новую работу. Она думает, что я талантливая и «подойду везде». Кажется, она не понимает, что единственное место, где я останусь, это богадельня, если не заработаю комиссионные.

— Пустяки, — отвечаю я, вставая в поисках поводка Мышонка. — Мы можем просто оставить эту тему?

— Да, конечно.

Меня удивляет, что она добровольно соглашается — выражение моего лица, наверное, так и кричит об отчаянии. По пути к двери она не может сдержаться, чтобы не спросить:

— Ты бы сказала мне, если бы это было свидание, да?

К счастью, она не видит, как я с силой зажмуриваю глаза от обиды.

— Это явно *не* свидание.

Глава 10

Мэделин

В 11.25 следующим утром я стою у тротуара снаружи моей квартиры и жду Адама. Я выбрала пару поношенных джинсов, милых, но не *слишком*, и белую блузку, которую смогу с легкостью сменить на винтажную футболку, упакованную на случай, если мы окажемся на коленях посередине процесса рождения коров. Мышонок сидит возле меня, его коричневый, черный и белый мех на морде выглядит даже лучше, чем обычно, благодаря утреннему вычесыванию. Он вырос за последние несколько дней, и уже миновал размеры взрослого лабрадора. Стараюсь сопротивляться панике, которая охватывает меня при мысли о его размерах, и вместо этого проверяю содержимое своей сумки, свисающей с плеча. Я подготовилась ко всему, что может принести сегодняшний день. В ней имеется один пластиковый пакет с домашним овсяным печеньем с шоколадной крошкой, бутылка воды, вышеупомянутая винтажная футболка, кроссовки, несколько батончиков мюсли, дождевик и угощения для Мышонка. Она заполнена почти до верха, но у меня не было выбора. Я до сих пор толком не знаю, куда меня тащит Адам, а хотелось прийти подготовленной.

Уже подумываю взяться за печенье, когда черный спортивный «ауди» подъезжает к тротуару, привлекая мое внимание. Замечаю Адама за гладкими тонированными окнами, и не могу сдержать смех. Он явно не из Техаса. Будь это так, взял бы грузовик или внедорожник. Это блестящие модельки выглядят дорого и их легко сломать, и знаю, что Мышонок разберется с ней на раз-два.

— Доброе утро, — произносит Адам, выходя из машины и обходя ее сзади.

Мышонок подпрыгивает на ноги, превращаясь в дикаря, но Адам использует свой властный тон и приказывает ему сидеть, приближаясь, чтобы похлопать его по голове. Мышонок повинуется его команде, но все его тело дрожит от радости, пока он сидит и терпеливо ждет. Пока Адам гладит Мышонка, я делаю шаг ближе к машине и рассматриваю чистенький интерьер. Все убрано и блестит, словно генеральная чистка проводится каждую неделю.

— Нам стоит взять мою машину, — заявляю я, делая шаг назад прежде, чем меня затянут чарующие кожаные сидения.

— Что? Почему? — Он встает и поворачивается.

Только тогда я понимаю, что Адам одет в джинсы, коричневые кожаные сапоги футболку с длинными рукавами, закатанными до локтя, из толстого и качественного материала. Он выглядит обворожительно со своими спутанными каштановыми волосами и ярко-зелеными глазами. Клянусь, даже его загар кажется ярче, чем в прошлую нашу встречу, не говоря уже о строении его тела: оно сильное и внушающее, такое, какое можно увидеть лишь в мечтах.

Хоть это все было бы важно, если бы мы собирались на свидание; единственное, что заботит меня в данный момент, это то, что его одежда не предназначена для ручного труда. Кажется, это можно принять за хороший знак.

— Почему нам стоит взять твою машину? — снова спрашивает он, отвлекая мое внимание от его чисто выбритого подбородка.

— Оу, — я указываю на свою старую рухлядь, припаркованную через пару мест, которая блестит словно мутный бриллиант на солнце. — Потому что Мышонок — террорист, и я возненавижу его, если он испортит твою машину или полиняет на сидениях.

Адам пожимает плечами.

— Мне все равно.

Смотрю вниз на Мышонка и вижу намек на недоверие в его карих глазах.

— Ага, но все равно, так будет лучше.

Указываю Адаму занять свободное парковочное место рядом с моей машиной, затем мы одновременно садимся в мое авто. Я пытаюсь увидеть машину его глазами. Он только что вышел из самой последней красивущей модели «ауди», а моя обшивка потёртая и порванная в нескольких местах. Кондиционер притворяетсядохлым время от

времени, и за последний месяц или около того несколько кнопок на панели управления отпали, благодаря Мышонку. А, и есть еще это милейший звук, который появляется при моих попытках завести машину.

— Стартер барахлит, — оправдываюсь я со слабой улыбкой.

Он хмурится.

— Ты уверена?

Нет, не уверена. Я не отвезла машину в автомастерскую, потому что это то, что люди делают, когда у них есть деньги. В данный момент я притворяюсь, что это всего лишь плохой стартер.

Спустя несколько провальных попыток, машина наконец-то воскресает, и я дарю Адаму еще одну улыбку.

— Видишь? Она просто немного упрямая.

Он хмыкает, ведя себя слишком по-джентльменски, чтобы спорить со мной.

Я слышу возню на заднем сидении и поворачиваюсь, чтобы увидеть Мышонка, сунувшего морду в мою сумку.

— Нет! Мышонок, это не для тебя! — шиплю я, тянясь назад за сумкой.

— Ты взяла еду? — спрашивает Адам прежде, чем сумка оказывается у него перед глазами. — Поправочка. Ты упаковала содержимое всей кладовой?

Я краснею, и пытаюсь скрыть это.

— *Нет*, всего лишь несколько необходимых вещей.

Он отбирает у меня сумку и ставит ее на пол между ног. Овсяное печенье с шоколадной крошкой торчит сверху, его первым он и замечает.

— Печенье?

— Домашнее печенье, — поправляю я, сдавая назад. — Куда мне ехать?

Он указывает налево.

— К городу. Зачем ты упаковала печенье?

— Затем, что ты не сказал мне, что мы будем делать, и я хотела подготовиться ко всему.

— В какой именно ситуации тебе бы понадобилось домашнее печенье?

Я хмурюсь.

— Наоборот, это ты назови хоть одну ситуацию, в которой печенье

не станет выигрышным вариантом. Кроме того, там есть и другие вещи. Сникерсы и футболка.

— Мне нравится то, что на тебе.

Это мило с его стороны. Белая блузка принадлежит Дейзи, но ее грудь немного меньше моей, так что я не была уверена, пойдет ли она мне так же, как ей.

— Зачем тебе садовые перчатки?

Я была слишком сосредоточена на дороге, чтобы заметить, как он роется в сумке.

— Ах, да, это для рождения телят.

— *Для чего?*

Я прыскаю со смеху.

— Как я говорила, я хотела подготовиться.

— Мы всего лишь едем на барбекю к моей семье.

Я выруливаю в поток машин, и Мышонок летит через заднее сидение как раз, когда проезжающая машина сигналиит нам вслед. Выравниваю машину и возвращаюсь в свою полосу. Когда появляется свободное место, сворачиваю на обочину.

— *Куда мы едем?!*

Адам поднимает руки для защиты.

— Всего лишь небольшое барбекю, ничего серьезного.

— Нет. *Нет. Семейное барбекю* — это серьезно! Это не было частью сделки.

Он наклоняет голову вбок и улыбается. Это отвлекает, но я отказываюсь поддаваться.

— Технически, ты согласилась сделать все, что мне будет нужно.

— Да я всего лишь думала, что ты попросишь у меня легкое или что-то другое!

— То есть, ты была готова пожертвовать мне орган, но семейное барбекю внезапно слишком большое давление?

Да он смеется надо мной.

Я грозно прищуриваю глаза.

— Не пытайся быть милым.

Он запускает руку в волосы и поворачивает ко мне свой изумрудный взгляд. Чувствую, как он плавит мой холод и затверделое сердце с такой скоростью, что я не в силах сопротивляться.

— Мама настояла, чтобы я привел девушку. Она может быть...

настойчивой, и я подумал, что будет легче сдаться ей, чем пытаться отвадить ее от идеи.

Мои кулаки на руле побелели. Сердце до сих пор грохочет в груди.

— Тогда почему ты не приведешь девушку?

— Я веду, — отвечает он очень уверенно.

Я фыркаю.

— Нет. Ты мог бы пригласить любую женщину в Гамильтоне, *буквально* любую из них, и они бы пошли.

— Ну, я пригласил тебя.

Нахожу в себе смелость, чтобы посмотреть на него, и тут же понимаю свою ошибку. В моей маленькой машинке он находится слишком близко ко мне. Я могу ощутить запах его геля для душа — горная свежесть. Могу увидеть темные зеленые круги, обрамляющие его радужки. Могу практически притвориться, что он живой, дышащий человек, а не робот-киборг, запрограммированный спасать щенков и заставлять женщин истекать слюной.

— Ты не просил меня, ты предоставил мне предложение, от которого я не смогла отказаться.

Он вдумчиво хмурит брови.

— По-моему, это одно и то же.

Откидываю голову назад на сидение и с силой сжимаю глаза.

— Они же буду задавать нам вопросы, и вот тогда и ежу станет понятно, как мало мы знаем друг о друге.

— Мы знаем достаточно.

Он такой уверенный, такой подготовленный следовать своей задумке.

— Ладно, ты сказал им, что у меня есть ребенок?

— *Что?!*

— Видишь?! — отвечаю я, поворачиваясь к нему лицом. — Ты поверил, потому что едва ли меня знаешь!

Адам снова смеется. Сначала тихо, затем улыбка расплывается по всему лицу, а затем он откидывает голову назад и заливисто смеется, прижимая руку к груди. Я сижу молча, смотрю на него, не в силах сдержать свою улыбку.

— Думаешь, что это все какая-то игра, не так ли?

Когда он, наконец, переводит дыхание, то отвечает:

— Это может стать игрой, если мы позволим.

Я закатываю глаза.

— Давай, — продолжает он. — Это всего час или два в компании милых незнакомцев. По крайней мере, ты вкусно поешь.

— И получу комиссионные от продажи тебе дома, — указываю я, пытаюсь понять, насколько серьезно он готов соблюдать свою часть сделки.

Он кивает в подтверждении.

— И это тоже.

Я вздыхаю и возвращаю машину на шоссе, медленно вливаясь в трафик. Адам направляет меня к дому своего брата в центре Гамильтона, и как раз перед тем, как мы паркуемся, я улыбаюсь из-за своей готовности.

— Кстати говоря, это прекрасный повод для домашнего печенья.

* * *

Мы решаем, что будет лучше, если я возьму печенье, а Адам поведет Мышонка. Я практиковалась водить его с кликером, но он слишком возбужден перспективой побыть в новом месте, чтобы следовать новым указаниям. Выхожу из машины и расправляю блузку, пытаюсь исподтишка оценить дом брата Адама.

Это большой двухэтажный дом в стиле ранчо. На переднем дворике то там, то здесь растут старые массивные дубы, а на входной двери висит самшитовый венок. Когда мы идем по тропинке, я слышу голоса с заднего дворика, но входная дверь распаивается прежде, чем нам выпадает даже шанс постучать в нее.

Модно одетая женщина стоит в дверном проеме. На ней розовое летнее платье без рукавов в паре с шарфом в яркой весенней расцветке. На пальцах кольца, а на запястьях поблескивают золотые браслеты, когда она поднимает руку и машет нам войти.

— Входите, входите. Вы как раз вовремя!

Я улыбаюсь и делаю шаг через порог, благодаря Адама за то, что он нас быстро представляет.

— Мам, это Мэделин, женщина, о которой я тебе рассказывал.

Женщина, о которой я тебе рассказывал?

Мои брови выдают шок прежде, чем я понимаю, что его мама

смотрит на меня, поэтому быстро сменяю свое выражение улыбкой.

— Очень приятно познакомиться с вами, миссис Фокс.

Я протягиваю руку, но вместо пожатия она притягивает меня в объятие и светится от радости.

— Называй меня Диана.

— Оу, — улыбаюсь я. — Конечно.

— Ты такая поразительная, — говорит она, осматривая мой наряд. — И мне нравится твой выбор одежды, — мне стоит почувствовать себя неуютно, но прошло слишком много времени с тех пор, когда я в последний раз попадала под такое пристальное внимание, и я более чем счастлива принять комплимент.

— Спасибо. Надеюсь, я не плохо оделась. Не была уверена, чего ожидать.

Это преуменьшение века, но Диана этого не знает, потому что как несколько минут назад я думала, что стану жертвой какого-то жертвоприношения иллюминатов.

Она развеивает мою тревогу и берет меня под локоть, уводя с прихожей.

— Ты принесла печенье? — спрашивает она, глядя на пластиковый контейнер у меня в руках.

— Испекла сегодня утром, — выдаю я.

Через плечо она оборачивается к Адаму, который следует за нами по дому с Мышонком рядом.

— Я ее уже люблю!

Я купаюсь в ее похвале. Спустя месяцы моего недавнего ада, это очень даже нужная похвала. Черт, если все остальное провалится, может мне начать встречаться с мамой Адама?

Она продолжает вести меня по дому, указывая на минувшие комнаты. В итоге мы оказываемся на кухне, и она отпускает меня, чтобы забрать печенье и красиво разложить его на тарелке. Я так рада, что добавила туда дополнительную порцию шоколадной крошки. Она точно станет изюминкой вечера.

— Ну, с красавицей я уже встретилась, а кто это чудовище? — спрашивает Диана, наконец-то признавая Мышонка, который (слава Богу) сидит возле Адама. Если бы поводок был у меня, он бы скакал по всему дому, отчаянно пытаясь привлечь внимание Дианы.

— Это собака Мэделин, — отвечает Адам, наклоняясь, чтобы

почесать Мышонка за ушами. Пёсик воодушевленно смотрит вверх, и на секунду я забываю, что все это притворство.

— Адам сказал, что ничего страшно, если я приведу его, — говорю я, на всякий случай перекладывая вину на него.

— Конечно. Мы очень любим собак!

Она подступает ближе, чтобы приласкать его, и я чувствую, что должна предупредить ее.

— О! Он только недавно начал посещать курсы по дрессуре, поэтому еще не научился манерам поведения.

И словно по щелчку, Мышонок подскакивает на ноги и облизывает ей лицо. Диана смеется и приседает перед ним, чтобы быть на уровне, а Мышонок, естественно на все сто, пользуется преимуществом этого совсем не умного решения. Он слюняво нападет на нее, от чего я кривлюсь, но она, кажется, не против.

— У меня был Бернский, когда я была помоложе, — с завистью отвечает она.

— Был? — спрашивает Адам раньше меня.

Она кивает и гладит ушки Мышонка.

— Щенком моя девочка выглядела в точности, как этот малыш. Такая хорошая собака.

После того, как Мышонок получил пожизненный запас ласки, голоса снаружи привлекают внимание Дианы.

— О, нам стоит пойти наружу. Все хотят встретиться с Мэделин и Мышонком.

Мой желудок скручивает от идеи встретиться с другими членами семьи, но затем я напоминаю себе, что это не важно. Не нужно никакого давления, чтобы кого-то впечатлить. Я могу побыть собой и расслабиться, съесть столько мяса, сколько позволит пуговица на джинсах.

— Хочешь немного вина прежде, чем мы выйдем на улицу, Мэделин?

Сейчас ранний обед, но Диана уже с бокалом, поэтому я колеблюсь.

— С удовольствием.

Я взяла бокал, Адам взял пиво, и мы втроем с его мамой отправились во дворик. К счастью, моему страху не суждено воплотиться в жизнь — дворик не заполнен до отказа родственниками.

Передо мной скромная группка: пара, сидящая возле гриля и две маленькие брюнетки, прыгающие на батуте. Они выглядят примерно одного возраста, и даже с расстояния не трудно подтвердить, что они близняшки.

— Это мои племянницы, — посвящает меня Адам. — Элли и Пейтон.

— АДАМ! — они визжат в унисон, выбираясь с батута, и бегут обнять дядю. Умиляющий вид. А затем они отпускают его и смотрят на меня с Мышонком, неуверенные, кого атаковать первым.

Собака побеждает, и кто я такая, чтобы винить их. Мышонок весьма милый.

— Собака! — выкрикивает одна из них.

— Нам можно погладить его? — умоляет вторая, сложив руки как при молитве. — Ну, пожалуйста! Можно его погладить?

— Вам нужно спросить Мэделин, — говорит Адам, указывая на меня.

Они поворачивают свои глазки ко мне, и на пухленьких личиках я вижу тот же зеленый оттенок глаз, что и у Адама.

— Мэделин, *можно* нам погладить его?!

Я улыбаюсь и киваю.

— Конечно, но будьте осторожны. Он очень игривый, и мне не хочется, чтобы он вам случайно навредил.

Они перестают слушать меня после слова «конечно», но Адам убеждает, что ничего не случится. После того, как девочки вкратце познакомились с собакой, он отпускает Мышонка с поводка, и тот срывается с места, оббегая массивный двор, словно вырвавшаяся из ада летучая мышь. Девочки визжат, бегут за ним, и становится тяжело сказать кто больше увлечен игрой — девочки или Мышонок.

— Ну, думаю, мы нашли способ чем занять девочек на следующие несколько часов, — произносит Адам, глядя на меня с улыбкой.

— Мэделин! — зовет Диана, стоя у гриля. — Иди познакомься с Кэти и Сэмюэлем.

Я ищу поддержки у Адама, пока мы идем, и он делает шаг ближе, кладя свою большую руку мне на плечи. Он впервые прикоснулся ко мне. Меня с головой накрывает тот факт, что, несмотря на мое изначальное желание отстраниться, я не делаю этого. Вместо этого устраиваюсь удобнее, когда он притягивает меня ближе. Он идеального

роста для меня, и мы прекрасно друг другу подходим. Чувствую себя маленькой и изящной, лелеемой.

— Это мой брат и его жена, — шепчет он еле слышно. — Сэмюэль и Кэти.

Я смотрю на него, и мужчина напрягает хватку на моем плече.

— Они меня укусят?

Он улыбается, и с такого близкого расстояния — это пытка.

— Нет, но Кэти что-то заподозрит, если ей покажется, что мы не испытываем друг к другу симпатию.

— Ооо, ясно.

Его напоминание о предложении как ведро холодной воды на голову, и теперь мне хочется сделать шаг в сторону, чтобы между нами было как можно больше расстояния. В секунду, когда мне напоминают, что это хорошо сложенная ложь, его идеальный рост больше не кажется нормальным.

— Мэделин! Как здорово с тобой познакомиться!

Невестка Адама спешит познакомиться со мной, и я использую это как повод, чтобы отступить от него.

— Привет. Кэти, правильно?

Она широко улыбается и смотрит между мной и Адамом, наверное, оценивая нас как пару. Когда ее улыбка становится еще шире, я предполагаю, что она довольна увиденным.

— Ага, а это мой муж, Сэмюэль, брат Адама, — отвечает она, указывая через плечо на парня, занимающегося грилем. Адам на пару дюймов выше него и его талия немного уже, но я с точностью могу сказать, что они братья. Он салютует мне лопаткой, словно в армии, и я смеюсь.

Адам присоединяется к брату, Кэти хватает свой пустой бокал и указывает головой на дверь.

— Не хочешь зайти на минутку?

О, боже. Это правило допроса номер один: не дай им раскусить себя.

— О, да! — говорит мама Адама, как раз перед тем, как сесть на шезлонг. — Я забыла проверить картофельный салат.

Кэти стреляет в меня игривым взглядом за секунду до того, как подтолкнуть в дом.

— Не знала, что картофельный салат нужно проверять.

— Я все слышала! — выкрикивает Диана нам вслед.

Кэти хватает меня за руку и смеется.

— Беги, пока она не бросила в нас вином!

Я пробыла в окружении семьи Адама менее пяти минут, и уже поняла, что они с удовольствием наслаждаются обществом друг друга. Ни притворства, ни натянутых формальностей. Даже сейчас, глядя на Кэти, я понимаю почему. Она красивая и расслабленная. Ее рыжие волосы стянуты в беспорядочный хвост, и на ней комбинезон — КОМБИНЕЗОН — и она откатывает его штанины. Они облегают ее ноги и закатаны до лодыжек. Она надела его вместе с узкой белой майкой, а ноги босы. Эффект комбинезона потрясает. Я тут же решаю купить парочку, как только смогу, ну, как только мой доход это позволит.

— Мне очень нравится твой наряд.

Она вытаскивает бутылку белого вина из холодильника, и бросает мне ленивую улыбку.

— Спасибо. Сэмюэль называет меня фермером, когда я ношу этот комбинезон, но я купила его на сайте J. Crew, да что он понимает?

— Не может быть! Вот почему он такой милый.

— Тебе подлить? — спрашивает она, бутылкой указывая на бокал у меня в руках.

Я едва прикоснулась к вину, но не хочу показаться грубой. Подмигиваю и подхожу к ней.

— Может, немножко.

Она смеется.

— Боже, я пробыла с тобой всего пять минут, а уже думаю, что ты лучше Оливии. Когда я впервые встретила с ней, она без умолку болтала о каком-то наследственном твердом фарфоре, который реставрировала. Кому какое дело до тарелок? Вот честно.

— На самом деле, я эксперт по фарфору. Работаю на «Антикс Роудшоу», — отвечаю я с каменным лицом.

Кэти замолкает, подливая мне вино, поднимет на меня глаза, а затем смеется.

— Ты, правда, поймала меня на секунду.

— Большинство тарелок у меня дома или пластиковые, или бумажные, — признаю я, пожимая плечами.

— У меня тоже были, пока мы не заменили их ради свадьбы. Теперь у нас, по крайней мере, есть набор из Pottery Barn, но девочки

прикладывают все усилия, чтобы разбить каждую их них (*прим. ред.: Pottery Barn — магазин «для дома, для семьи», среди прочего торгует керамикой, посудой, стеклом*).

Я смеюсь.

— Они такие милые, но уверена, за ними нужен глаз да глаз. Сколько им?

— Скоро исполнится шесть.

— Вау, — я поворачиваюсь, чтобы разглядеть их снаружи, и вижу их в траве с Мышонком. Кажется, игра в догонялки имела временный характер. — Близнецы часто рождаются в вашей семье?

Она становится рядом со мной, прослеживая мой взгляд за окно.

— Нет. У нас с Сэмюэлем были сложности с зачатием. Люди твердят об усыновлении, и о том, скольким детям нужен дом, но я просто... не смогла сдаться, думаю. Мы с Сэмюэлем согласились, что если «Кломид» не сработает, мы сменим курс и рассмотрим усыновление (*прим. перев.: «Кломид» — таблетки, применяемые для стимуляции овуляции*).

Одна их близняшек тянется вверх и гладит Мышонка по голове. Он пользуется ее добротой и подползает ближе, кладя морду ей на грудь.

— Но он сработал, — отвечаю я, поворачиваясь к Кэти.

Он широко улыбается и чокается своим бокалом о мой.

— Сработал.

Наша миссия на кухне окончена, но никто из нас не думает возвращаться на улицу. Весна быстро сменяется летом, что означает, мы еще не растаем на тротуаре, если выйдем на улицу, но на кухне все равно прохладно и тихо.

— Ты хочешь детей, Мэделин?

Мне даже не нужно обдумывать ответ.

— Конечно.

— Прости, мне, наверное, не стоит спрашивать такое у того, кого я знаю десять минут.

Я пожимаю плечами.

— Я не против.

— Оливия не хотела детей, — она во второй раз упоминает эту загадочную Оливию, и мне приходится сопротивляться желанию попросить ее развить мысль. Если бы мы с Адамом встречались, как заявили всем, я бы уже знала, кто она. Моему любопытству придется

посидеть молча еще пару часиков.

Диана входит через заднюю дверь и видит нас, застрявших у кухонного островка.

— Кэти, Сэмюэль просит соус для барбекю.

— Он же там.

Диана поднимает руки в капитуляции.

— Я так и сказала ему, но он клянется, что ты его не приносила.

Кэти бурчит что-то под нос, и ее тон напоминает нечто похожее на «Я убью своего мужа» прямо перед тем, как она выходит через заднюю дверь. Диана ловит мой взгляд, и мы обмениваемся понимающими улыбками.

— Они женаты двенадцать лет, — говорит Диана, открывая холодильник и вытаскивая огромную тарелку с картофельным салатом.

— Ого, ничего себе достижение. Они, должно быть, были молоды, когда поженились.

— Двадцать два, — подтверждает она, ставя тарелку на островок и ища что-то в ящичках. — Я говорила Сэмюэлю, что ему нужно подождать. Они только-только закончили колледж, что они могли знать о браке?

Ставлю локти на островок только чтобы посмотреть, что она ищет: паприку.

— Предполагаю, они не послушали?

Она смеется и посыпает салат специей. Мой рот наполняется слюной.

— Мои дети редко меня слушают.

Жизнь сводит от понимания, как быстро вскроется обман. Я не ожидала, что семья Адама окажется такой открытой и радушной. Пока я стою напротив мамы Адама, и она открыто рассказывает мне о своих детях, мое сердце разбивается. Она такая милая, а я стою здесь, на кухне ее сына, и вру ей.

— Чем зарабатываешь на жизнь, Мэделин?

— Я риелтор.

Она кивает, оставшись впечатленной, и я не спешу менять о себе впечатление. Если в лесу падает дерево, лес все равно стоит. И что, что я продала только один дом? Я все еще риелтор.

— Я воспитатель в детском саду при начальной школе Гамильтона, — говорит она с гордой улыбкой.

— О! Я, наверное, закончила ее до вашего появления там. Я бы вас запомнила.

— Нет. Я переехала сюда после свадьбы Кэти и Сэмюэля.

— Из Чикаго?

Она кивает.

— Так как долго вы с Адамом встречаетесь?

— О, эм... — я пялюсь из окна и замечаю Мышонка в новом модном розовом ободке. Девочки наряжают его, а он готов позволять им делать это так долго, пока они будут его чесать.

— Пожалуй, не очень долго, — отвечает она за меня.

Я смеюсь, и звук выходит напряженным и странным.

— Нет, не долго.

— Он водит тебя на свидания, или это слишком формально в эти дни? Когда Сэмюэль с Кэти только начали встречаться, они отдыхали с друзьями и учились. Разве это романтично?

Я просматриваю в уме список встреч, которые могли быть у нас с Адамом в последнее время: визит в ветклинику, уроки дрессуры, случайные встречи в магазине. Ничто из этого романтикой не назовешь.

— Мы не были на серьезных свиданиях, — отвечаю я с уверенностью, что не лгу. — Пока ничего особенного.

Она хмыкает, и я, наконец, нахожу в себе смелость, чтобы поднять на нее глаза. Она смотрит на меня с подозрением. Естественно, она может учуять ложь за милю, проводя день — каждый день — в садике.

— Адам не решался привести тебя сегодня сюда, — продолжает она. — Думаю, он переживает, что спугнет тебя.

Я прыскаю со смеху, не в силах сдержаться. Это, конечно, вызывает у нее лишь больше подозрений, но я быстро заметаю следы.

— Нет, дело не в том. Он, скорее всего, пока не хотел представлять меня своей семье. Знаете, некоторые женщины могут вкладывать в это слишком много смысла.

Она склоняет голову на бок, картофельный салат давно забыт. Я ее новый проект.

— Что-то подсказывает мне, что ты не одна из этих женщин.

Я качаю головой.

— Точно нет.

— А еще это что-то подсказывает мне, что вы с Адамом не встречаетесь.

Она говорит это так, словно утверждает, что небо синее.

Я изображаю истинный шок.

— Конечно, встречаемся.

Она улыбается, гордая тем, что попала в цель.

— Нет. Я надоедала Адаму тем, чтобы он начал двигаться дальше, и он подумал, что отыграется на мне, если приведет кого-то на барбекю.

— Нет. *Нет*, эмм... мы с ним... мы *встречались*, — я превращаюсь в заикающуюся неудачницу, во всем вина Адама. Он сбросил на меня новости сегодня утром. У меня не было времени подготовиться или придумать роль. *Какие у меня мотивы? Что мне нравится? Что не нравится?* Я должна была сыграть ведущую партию, а он, скорее всего, нарушит свою часть сделки, если я окажусь не очень убедительна.

— Все в порядке. Я не скажу ему, что знаю.

Я с силой зажмуриваю глаза, желая, чтобы земля разверзлась у меня под ногами.

— Мне очень жаль. Мне не нравился план, но он не оставил мне выбора.

После этого она кажется встревоженной.

— Он угрожал тебе?

— Нет! Нет. На самом деле, он согласился стать моим клиентом в агентстве, если сегодня я сыграю роль его девушки.

Его мама начинает смеяться — по-настоящему *прыскает со смеху*. Ей приходится прижать руку к груди, и клянусь, она вот-вот упадет на колени от веселья.

— О, как же это хорошо. *Слишком* хорошо.

Она наконец-то приходит в себя после смеха, а затем наклоняется вперед, заговорщически шепча мне:

— Это же очевидно, разве нет? Если для него это такой большой спектакль, давай перепишем сценарий.

Глава 11

Адам

День проходит даже лучше, чем я мог представить. Мэделин прекрасно играет свою роль, мама и невестка уже наполовину влюблены в нее, а мои племянницы окончательно очарованы Мышонком. Откидываюсь в шезлонге, уставившись на сцену перед собой, пытаюсь не пялиться в открытую. Что-то это слишком легко. Я смогу попрекать этим барбекю месяцами. Каждый раз, когда мама начнет разговор в стиле «давай, двигайся дальше», я напому ей о том, что у меня есть. *Не моя вина, что у нас с Мэделин в итоге ничего не вышло.*

Ей нечего будет на это ответить. Я не буду знать, что делать со всем своим свободным временем — ее постоянное надоедание отнимает добрую часть моего дня. Я мог бы снова начать бегать, может, наконец-то вернуться к чтению книг, нагроможденных на моем ночном столике.

Мама садится в шезлонг рядом с моим.

— Должно быть готово с минуты на минуту, — кричит Сэмюэль со своего места у гриля.

Слава Богу. Мой желудок уже на протяжении получаса бурчит от запаха цыпленка на гриле.

Кэти ведет девочек мыть руки и берет тарелки для пикника снаружи. Мэделин предлагает помочь ей, и я улыбаюсь. Она так хорошо вписывается. Никто даже не догадается, что она здесь не по своему желанию.

И вот тогда я замечаю, как уставилась на меня мама.

Я поворачиваюсь, и она улыбается.

— Я счастлива за тебя, сынок, — произносит она, указывая кивком на Мэделин. — Она *стоящий* выбор.

Соглашаюсь, кивая.

— Правда ведь?

— Красивая, — произносит она.

— *Очень.*

— Умная.

— И веселая, — добавляю я.

— Как тебе удалось заполучить кого-то столь милого?
Пожимаю плечами и делаю победный глоток своего пива.
— Думаю, оказался в правильном месте и в нужное время.
— О, вам нужно рассказать свою историю за ланчем.
— Нечего рассказывать, правда. Мальчик встречает девочку, западает на нее, и так далее, и тому подобное.

Мама качает головой.

— Нонсенс. Держу пари, там изумительная история, и Мэделин говорит, что ты сводил ее на несколько отличных свиданий. Она даже рассказала мне, что ты сделал на прошлой неделе.

Я раскидываю мозгами, пытаюсь обдумать, что же Мэделин могла рассказать ей. Что-то касалось дрессуры щенков? Визита в ветклинику? Она же не полностью выдумала историю?

— Давай, ты же помнишь... она без умолку говорила о горячем...

Она ждет, пока я восполню остаток, и молчание растягивается так долго, что мне, наконец, приходится сдаться.

— Хот-доге? — предполагаю я.

Мама смеется и ударяет меня по руке.

— *Нет!* О горячем воздухе в воздушном шаре, который ты заказал для вас, чтобы встретить рассвет!

Я как раз делаю глоток пива, так что чуть не выплевываю все содержимое в траву. Каким-то образом мне удастся проглотить пиво и кивнуть, подыгрывая.

— Конечно, да... воздушный шар. Мы стольким были заняты, что я забыл о нем.

— Ого, наверное, ваш роман напоминает водоворот. Она и о верблюдах мне рассказала. Знаешь, я не видела ни единого верблюда в своей жизни!

Какого черта, Мэделин?

— А, да. Она любит верблюдов, — снова киваю я.

— Прогулка на верблюде по парку. Так изобретательно, Адам. Большинство мужчин шаблонно придерживаются прогулки на лошадиной упряжке, но не ты. Кто научил тебя быть романтиком?

Я тяну за воротник своей рубашки, пытаюсь ослабить материал.

— *Ха.* Думаю, у меня это от тебя.

— Клянусь, когда я смотрю на нее, я вижу, какими именно будут мои внуки.

В моей голове начинают звучать тревожные колокольчики.

— Внуки? Да ладно, мам, мы встречаемся всего пару недель.

На ее лице написано изумление.

— Мэделин говорит, что намного дольше, и что вы уже обсуждали свадьбу следующей весной.

— *Следующей весной?!*

Мне не стоило оставлять Мэделин с мамой наедине. Я думал, она подыграет. Будет милой, помолчит — *таков был план*.

— Это действительно кажется быстро, — признает мама. — Она солгала?

Выбор ею слова заставляет меня выйти из себя.

— Нет, конечно, нет. То есть, мы с ней всего лишь упоминали об этом. Ничего серьезного.

Я думал, мое сердце умерло — исчезло — после Оливии, но Мэделин доказала, что оно живо и стучит, стучит так сильно, что я едва могу сидеть ровно. Она выходит со стопкой тарелок в руках, и я слежу за ее приближением к столику для пикника, ожидая, пока она посмотрит на меня, чтобы я одним взглядом мог поведать ей, насколько я зол. Она игнорирует меня, а почему бы и нет? Между Кэти и моими племянницами, у нее едва ли находится свободная минутка. Элли забрала ее коричневые сандалии и расхаживает в них по двору. Пейтон криком заявляет, что будет сидеть возле Мэделин за ланчем. А когда вмешивается Элли, то оба места рядом с Мэделин становятся занятыми.

Теперь меня раздражает даже это. Она не должна была очаровывать их, она должна была побыть лишь тепленьким тельцем. Мне нужна была живая, дышащая девушка, чтобы моя семья перестала пилить меня, а она очаровала их всех, что, скорее всего, усложнило мою жизнь в разы. Я беспрестанно слышу о Мэделин и Мышонке. Меня раздражает даже то, что ее имя повторяется в каждом предложении.

— Адам, ты к нам присоединишься? — спрашивает Кэти с загадочной улыбкой.

Я понимаю, то все расселись за столом, кроме меня. Я до сих пор сижу и кипячусь в своем шезлонге.

— Девочки, я уверена, что Адам хотел бы сесть рядом со своей девушкой, — просит мама, пытаясь убедить Элли и Пейтон уступить место рядом с Мэделин.

Никто из них не двигается. Пейтон даже ухватила за стол

пальчиками так, что взрослым теперь придется оттаскивать их по одному, чтобы поднять ее с места.

— Все нормально, — угрюмо отвечаю я, огибая стол и направляясь к противоположной стороне, так что смогу сесть как раз напротив Мэделин.

Так лучше.

Смогу прожигать ее взглядом весь обед.

Она наконец-то смотрит на меня с самой беззаботной улыбкой. Из-за солнечных лучей в ее волосах появляются разные оттенки коричневого: шоколад, карамель, корица — такие съедобные. Даже ее глаза воплощение красоты. Впервые я замечаю, что они цвета кофе с капелькой сливок, такого нежного карего цвета, который обычно рассматривают в поисках в них темных оттенков. Она склоняет голову набок, наверное, задаваясь вопросом, почему я пялюсь на нее. Я прищуриваю глаза.

— Что не так? — одними губами произносит Мэделин.

До чего же невинная красота.

Я не отвечаю. Вместо этого принимаю миску с картофельным салатом, который передают за столом, и накладываю себе в тарелку ложку с горкой. Может, я и не люблю, когда мама сует нос в мои дела, но никогда не откажусь от ее картофельного салата.

— Выпьешь со мной? — спрашивает Мэделин слегка дрожащим голосом.

— Я в порядке, — отвечаю я, суя миску ей в руки с такой силой, что немного салата почти выпадает ей на колени.

— *Адам!* Боже, да что с тобой? — упрекает его Кэти.

— Мэделин не против, так ведь?

Она качает головой, но пинает мою лодыжку под столом своей босой стопой. Это предупредительный удар, но я не планирую продолжать.

Мама, тем временем, улыбается, как дурочка, во главе стола.

— Угадайте, что я сделала, пока вы все рассаживались за стол?

Даже не собираюсь угадывать, но мои племянницы слишком полны энергии, чтобы игнорировать бабушку. Они видят, что она машет телефоном, как маятником, и их маленькие головки чуть не взрываются.

— Что?!

— Что это, бабуля?

— Ну, очевидно, что это приложение может соединить лицо двух людей, после чего мы можем посмотреть, как будет выглядеть их ребенок!

Вилка выскальзывает из моей руки и падает в траву. Мышонок оказывается рядом в считанные секунды, слизывая остатки картофельного салата. К тому времени, когда я тянусь за ней вниз и поднимаю, мама разворачивает телефон и показывает фото.

— Ааа! — кривлюсь я.

Она соединила мое лицо с лицом Мэделин, и в результате получился коротенький, мелкий, ужасающий греmlin, не похожий на человеческого ребенка.

Все начинают визжать, даже девочки, и только Мэделин сидит молча, застигнутая врасплох.

— Извините, но ни один ребенок не будет так выглядеть! — говорит Кэти, прижимая руку ко рту, чтобы приглушить смех. — Почему ему достались все волосы Адама?! *И его щетина?*

— Пропорции вообще отсутствуют, — добавляет Сэмюэль. — У какого ребенка будет такая челюсть?

Мама выставляет телефон, чтобы сделать еще одно фото. Уверен, она едва ли сдерживает смех, когда произносит:

— Думаю, ребеночек миленький, и приложение бесплатное, так чего вы ожидали?

Когда я смотрю на Мэделин, ее взгляд сфокусирован на еде, и под веснушками на лице разливается здоровый румянец. Она явно смущена, и я не чувствую себя плохо из-за этого, хоть и должен. Это то, чего она хотела. Она скормила моей матери ложь, и теперь женщина пустилась во все тяжкие, соединяя наши лица и планируя нашу будущую свадьбу.

— Будем надеяться, что ребенок будет больше похож на Мэделин, — произносит Кэти со смешком.

— *Она не беременна,* — заявляю я, поскольку все за столом забыли об этом маленькой детали.

Мама отмахивается от моего комментария.

— Да ладно, Адам, это всего лишь развлечение.

— Может, она даже не хочет детей, — указываю я.

— Хочет. Она сама мне говорила, — утверждает Кэти.

Я просто в шоке. Мы здесь менее часа, а она поговорила с Кэти о детях и обсудила с мамой свадьбу. Она из ума выжила?

— Гипотетически, — вмешивается Мэделин, ее голос становится слабее с каждой минутой. — В будущем...

— О, не позволяй ему портить веселье, — говорит мама, протягивая руку к ладони Мэделин. — Все равно приложение шуточное. У вас двоих будут красивые дети.

Больше ни секунды не могу вытерпеть за этим столом. Отталкиваю тарелку и направляюсь к кулеру с пивом у гриля, где его оставил Сэмюэль. В моей бутылке еще осталась половина, но я приканчиваю ее одним длинным глотком и тянусь за следующей.

Когда возвращаюсь к столу, слышу негромкое бормотание об Оливии.

— Мне никогда не нравилась эта женщина, — невозмутимо произносит Сэмюэль.

Если и есть тема, которую я хочу обсуждать меньше, чем наших с Мэделин детей, это мои прошлые отношения с Оливией.

— Она всегда была немного холодной на мой взгляд, — добавляет Кэти.

— Хватит, — взрываюсь я.

Все за столом замолкают.

— Ее здесь нет, так что она не может ответить в свою защиту. Поговорите о чем-нибудь другом.

Мэделин отталкивает стул и встает.

— Я лучше пойду.

Да, думаю, для тебя так лучше.

— Нет! — кричит Пейтон, тянясь к ее руке. — Мы еще даже не попробовали десерт.

— И ты даже не съела половину своей еды, — указывает Элли.

— Я забыл, что у нас с Мэделин другие планы, — вмешиваюсь я, ища какое-то оправдание, дабы выбраться из этой ситуации. — Мы заехали лишь ненадолго.

Никто не ведется на мои извинения, но они слишком вежливые, чтобы встать у меня на пути. Кэти спешит в дом и упаковывает нам немного еды с собой, пока Мэделин забирает свою обувь у Элли. Девочки дуются, пока обнимают ее на прощание, как и моя мать. Сэмюэль, как ни в чем не бывало, ест цыпленка и молча попивает пиво. Он единственный, на кого я не злюсь.

Как только Мышонок снова оказывается на поводке, мы

направляемся к входной двери. Мэделин идет за мной, и мне не нужно оглядываться, чтобы убедиться в этом. Мне плевать. Она это заварила, ей это и расхлебывать.

— Вот. *Bom!* — говорит Кэти.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как моя невестка передает Мэделин три больших контейнера.

— В верхнем — два куса яблочного пирога. Адам его обожает.

Нижняя губа Мэделин дрожит, когда Кэти ее обнимает.

— Спасибо. Это мило.

— Было по-настоящему приятно встретиться с тобой. В следующий раз, когда приедете, оставайтесь подольше, договорились?

Мэделин кивает и быстро разворачивается, скорее всего, чтобы Кэти не увидела, как маска радости начинает спадать с ее лица. Я смотрю назад, злясь на подобие сожаления, которое начинаю к ней испытывать.

Кэти открывает для нас дверь, и мы молча направляемся к машине Мэделин. Я запускаю Мышонка на заднее сидение, Мэделин занимает водительское, а затем молча передает мне контейнеры. Заводит машину и отъезжает от тротуара. Мы не говорим, даже не признаем существование друг друга. Я в минутах от свободы, в минутах от того, чтобы оставить этот чертов обед позади, но тогда, конечно же, все становится только хуже.

Мы на проселочной дороге на полпути до моего дома, когда из-под капота начинает валить дым.

— Нет, нет, нет! — произносит Мэделин, замедляя ход машины и останавливаясь на обочине.

— Она перегрелась.

— Не может быть! — шипит она, быстро выключая зажигание и выходя из машины. Я следую за ней и открываю капот раньше, чем у нее есть на это шанс. Пар поднимается клубами, и я инстинктивно отталкиваю Мэделин от машины, зная, как легко она может обжечься.

— Это моя машина, — с раздражением указывает она.

— Ага, и именно ты отказываешь везти ее в мастерскую, — бурчу себе под нос.

Ищу резервуар для охладителя, и посмотрев, понимаю, что жидкости в нем намного ниже надобного уровня.

Она скрещивает руки.

— Уверяю тебя, уровень жидкости в нем в порядке.

— У тебя вытек антифриз. Здесь есть заправочная станция неподалеку, чтобы мы могли отвезти туда машину?

— Эм, нет, но у меня есть несколько бутылок воды в багажнике.

— Пойдет, но я не смогу открутить крышку радиатора, пока машина не остынет, а это займет вечность. Дай мне свой телефон.

— Зачем? — спрашивает она, на шаг пятясь от меня.

— Давай просто вызовем эвакуатор.

Она рьяно трясет головой.

— Нет! Это дорого. Ты сам сказал, нужно просто немного воды.

— Да, скорее всего, это всего лишь одна из проблем с этой рухлядью! Тебе нужна мастерская, — говорю я, обходя ее машину, чтобы взять свой телефон.

— Адам! Мы не будем вызывать эвакуатор!

Я поворачиваюсь, и вижу, как она прожигает меня убийственным взглядом.

— Мы застряли посреди дороги!

— Город в том направлении, — говорит она, указывая налево. — Иди, если так не терпится попасть домой.

— Я не хочу идти домой! Я хочу убраться подальше от тебя!

— Что ж, нас таких двое! — шипит она, вскидывая руки в воздух и поворачиваясь, чтобы уйти дальше по дороге.

Мышонок начинает гавкать с заднего сидения в ожидании разворота событий.

Я смотрю, как Мэделин проходит пару метров и садится на обочине, опуская голову на колени. Она выглядит такой маленькой, такой уязвимой.

— Ты встанешь? — спрашиваю я скучающим тоном. — Машина едет, и они собьют тебя.

Останавливаюсь и смотрю, как машина на расстоянии виляет из стороны в сторону — огромный красный грузовик с грязным ограждением для скота. Я наполовину уверен, что Мэделин станет жертвой дорожного происшествия, а ей плевать. Стону и бегу к ней, подхватывая ее подмышки и утаскивая с трассы как раз, когда грузовик проезжает мимо. Ее волосы взымают вверх, и в мгновение воздух вокруг нас окутан запахом ее шампуня.

Чувствую лаванду, и в другой день мне бы понравился этот запах.

— Ты пытаешься убиться? — хмуро спрашиваю я.

С технической точки зрения, грузовик не сбил бы ее, но я ищу любой повод поспорить по этому поводу.

Она выворачивается из моей хватки и оттягивает блузку вниз.

— После обеда, который я пережила, МОЖЕТ, И ПЫТАЮСЬ!

— О, после обеда, который *ты* пережила? *ТЫ ПЕРЕЖИЛА?!*

— Хватит орать на меня!

— Что за херню ты скормила моей матери о наших свиданиях? О браке?

Она резко оборачивается, и ее карие глаза впиваются в мои.

— О чем ты говоришь? Какие свидания? *Брак?* Это шутка какая-то?

Я подхожу к ней, тыча пальцем в ее грудь.

— Не надо изображать скромницу. Я никогда не просил тебя играть настолько искусно, что тебе могли бы дать за это Оскар.

Она толкает меня и пятится назад.

— О, да отвали ты от меня. Твоя мама раскрыла твою маленькую шараду в момент, когда мы вышли из машины. Она, как пить дать, хотела разыграть тебя. Думаю, перестаралась.

— Так что, она спросила, встречались ли мы на самом деле, или ты просто выдала все, как оно есть?

Наши голоса разносятся над пустым ландшафтом вокруг, но нам плевать. Вокруг нас на мили нет никого, кроме Мышонка, который перелез на переднее сидение машины Мэделин и опустил голову на консоль.

— Она воспитатель в детском саду, Адам! Они там в основном как детекторы лжи во плоти. Она выпытала это у меня, и я поняла, что будет лучше сказать ей правду, чем продолжать врать в лицо.

Я запускаю руки в волосы в сотый раз за сегодня. У меня их вскоре не останется.

— Так ты говоришь, что лжешь не лучше шестилетнего ребенка?

Она вскидывает руки в воздух, и уходит.

— Я говорю, что если бы ты предупредил меня не за пять минут, может быть, у меня бы было время придумать правдоподобную историю.

— Кстати, об этом. Ты говорила матери о том, что мы собираемся пожениться?

— Нет!

— А о свиданиях? Что-то типа *прогулки на верблюде в парке*?

— НЕТ! О чем ты вообще говоришь? Ты полной психопаткой меня считаешь? — она даже не оборачивается, чтобы ответить, просто отмахивается на ходу. — Если ты зол, разбирайся с матерью. Это она создала то демонское дитя на своем телефоне.

Я содрогаюсь от воспоминания.

— Если быть честным, наши дети были бы симпатичнее, чем *то*, — указываю я. Но это не важно.

Кажется, я слышу ее смех, но с таким же успехом она могла бы и плакать. Так или иначе, я даю ей пространство. Десять минут она стоит на обочине, остывая и пялясь на пастбища перед глазами. Направляюсь к ее машине и сажусь рядом с Мышонком, хлопая его по голове и задаваясь вопросом, как, ради всего святого, я оказался в центре такого бардака. У меня была стабильная жизнь в Чикаго — я был стабилен. Теперь я застрял посередине дороги где-то в Техасе с горячей брюнеткой, которая фиг знает, когда должна была починить свою машину.

Пялюсь на свой телефон и подумываю пойти в обход ее словам, но для меня это хорошо не закончится. Вместо этого я откидываю сидение и закрываю глаза. Не проходит много времени, когда вина начинает просачиваться в меня и занимает место злости. По словам Мэделин, она не сделала ничего плохого. Мама догадалась, что мы не встречаемся, потому что она не идиотка, и мне нужно было раскусить ее блеф раньше. Вместо этого, я предположил, что Мэделин рехнулась до такой степени, что начала плести дикие истории о путешествиях на воздушных шарах и верблюдах. Я улыбаюсь. Теперь, подумав об этом пару минут, это не имеет для меня никакого смысла.

Сколько верблюдов вообще можно найти в Гамильтоне штата Техас?

Придется перекинуться словечком с мамой. Она думает, что она такая веселая. Даже сейчас она, наверное, потешается, как приятно было скормить мне мою же пиллюлю.

Я понимаю, что снова накричал на Мэделин за то, в чем на самом деле нет ее вины. Она, наверное, думает, что у меня проблемы с гневом. Черт, может, так оно и есть. Но сейчас мне просто нужно завести эту машину.

Усаживаюсь и тянусь к рычагу, открывающем багажник. Мэделин пристально следит за мной, пока я тащу упаковку воды из двадцати четырех бутылок к капоту машины. Снимаю рубашку, чтобы остаться в одной майке.

— Ты пытаешься воплотить в жизнь старый трюк в стиле «отстраненный незнакомец может сделать все»? Потому что выйдет лучше, если раздеваться начну я, — с горечью произносит она.

Отмалчиваюсь, сминая ткань в правой руке, и с ее помощью открываю крышку радиатора. Делаю глубокий вдох и поворачиваю голову, напрягаясь, прежде чем открутить герметизирующую крышку как можно быстрее. Кожу покалывает, когда горячий пар просачивается через ткань, и я отпускаю, когда слышу характерный хлопок.

— Заводи двигатель.

Сидя словно под гипнозом, Мэделин слушается.

Машина заводится с первого раза, словно в знак благодарности за то внимание, что ей уделили. Я быстро работаю, вливая намеренное количество жидкости в радиатор. Наконец-то в нем столько воды, что ее уровень достиг отметки наполнения.

Мышонку на радость, мы оба запрыгиваем в машину, и Мэделин отъезжает. Некоторое время мы молчим, как раз достаточно, чтобы мне хватило набраться смелости и извиниться.

— Я перегнул палку, и мне жаль.

Она бурчит что-то, ее взгляд не покидает дорогу.

— Мне не стоило грубо срываться на тебе. Я думал, ты солгала моей матери о предложении пожениться, и это вывело меня из себя.

— Ага, ну, я не врала. Я хорошо вела себя с твоей семьей, пока твоя мама не вытянула из меня правду. Мне жаль, что я рассказала ей, но начнем с того, что это был плохой план. Кто вообще приводит фальшивую девушку на барбекю к семье?

Когда она так говорит, это звучит жалко.

— Парень, который отчаянно пытается сбросить со спины свою приставучую мамочку.

Напряжение в ее выражении лица немного смягчается.

— Почему бы тебе не пригласить кого-то, в ком ты на самом деле заинтересован?

Ясно же как день.

— Я не хочу встречаться ни с кем в данный момент. Я не *готов*

встречаться, так что нет никого, кого бы я мог пригласить, кроме тебя.

— Она хочет, чтобы ты с кем-то встречался?

— Отчаянно.

— Из-за Оливии?

Я отворачиваюсь.

— Да, из-за Оливии.

— Это бывшая девушка?

Странно разговаривать об Оливии с Мэделин, по большей части потому, что я не говорю об Оливии *ни с кем*, с тех пор, как переехал из Чикаго.

— Бывшая невеста.

— Хах.

Смотрю на нее, и она встречается со мной взглядом. Злость испарилась, на ее месте появилось здоровое любопытство.

— И как долго вы были помолвлены?

Пять лет, шесть месяцев и четыре дня.

— Долго.

— Как долго?

— Пять лет, — слова еле слышны, но она все равно их слышит.

— *Пять лет?!*

Я пожимаю плечами.

— Мы не хотели спешить.

— Ты сделал ей предложение после первого свидания, или как?

— Мы встречались три года.

— Выходит, в общем восемь лет. Ага, я бы тоже назвала это «не спешить».

Я хотел бы сменить тему, но ничего не приходит в голову. Мог бы вспомнить, как жалко вел себя на барбекю, но не хочу снова наступать на эти грабли.

— Можно спросить, кто разорвал отношения? — осторожно спрашивает она.

Вопрос должен был принести с собой волну боли и остаточных чувств, но впервые на моей памяти воспоминание об Оливии никак на меня не влияет.

— Она, — я пожимаю плечами. — Переспав с моим лучшим другом.

Громкий вздох после моего признания меня даже не удивляет. Эту

деталь нельзя назвать приятной, но она важна.

— М-да, до чего же вежливый способ закончить отношения.

Я улыбаюсь, глядя в окно.

Следует длинная пауза прежде, чем она задает следующий вопрос.

— Ты по ней скучаешь?

Еще более длинная пауза прежде, чем я отвечаю.

— Честно? Нет. Я скучаю по нашей собаке. Я привык бегать с ней по городу.

— Она забрала себе собаку?! После того, как переспала с твоим лучшим другом?

Знаю. Я сожалею, что не боролся настойчивей, но в то время мне просто хотелось убраться оттуда. Хотелось упаковать вещи, оборвать все мосты и уехать. Я оставил Молли с Оливией, потому что так было легче, а сейчас...

— Не стоило позволять ей делать этого.

— Ну, если тебе нужен компаньон для пробежек, можешь брать Мышонка в любое время, когда захочешь.

Я смотрю на заднее сидение, где сверхдовольный Мышонок свесил язык на бок. Затем изучаю профиль Мэделин. Она сосредоточилась на дороге, ее щеки порозовели от ветра. Осознаю внутренний порыв потянуться к ней и прикоснуться, но затем напоминаю себе, что двадцать минут назад мы чуть не перегрызли друг другу глотки. Что-то подсказывает мне, что если я сейчас потянусь и коснусь ее, она меня укусит.

— Почему ты так добра ко мне после всего, что тебе пришлось из-за меня вытерпеть?

— Думаю, мне тебя жаль, — она пожимает плечами и бросает мне ленивую улыбку. — И теперь у меня такое ощущение, что я должна тебе не только костюм, но еще и рубашку.

Я смеюсь от ее глупого заявления.

— Но что более эгоистично, так это то, что у Мышонка полно энергии, — она смотрит в зеркало заднего вида. — Будет очень круто, если кто-нибудь будет брать его на пробежку время от времени.

— Так значит, это перемирие?

Ее карий взгляд встречается с моим, и она улыбается.

— Почему мне кажется, что перемирие с тобой долго не продлится?

Как бы мне не хотелось, но я не перечу.

Глава 12

Мэделин

Я совершила ошибку катастрофических масштабов — забыла спросить Адама о том, когда он собирается выполнить свою часть сделки. Если быть честной, в субботу, подходящего времени для обсуждения не нашлось. Между тем, пока его мама планировала наше будущее, нашими криками друг на друга и моей машиной, которая решила повыделываться, я почему-то не смогла поднять тему покупки им дома. Мне нужно быть осторожной, особенно после его реакции на уроке дрессуры. Это тонкий вопрос, который нужно решать фактом, что *я на самом деле* намереваюсь убедить его купить у меня дом.

Не стану говорить, что это не выходило из моей головы весь день. Пока мы орали друг на друга, а клубы пара валили из-под моего капота, единственное, что мне хотелось спросить у него, было: «Ты все еще не против позволить мне продать тебе дом?»

Низко, знаю, но я смирилась со своей жизненной позицией. Человек до определенного времени может притворяться, что разговаривает по телефону, проходя мимо своего арендодателя, прежде чем его самоуважение и приличие вылетят в окно.

Мое воскресенье проходит в состоянии легкой ничтожности. Роюсь в кладовой и холодильнике, нахожу достаточное количество ингредиентов, чтобы приготовить мистеру Холлу черничные маффины. Скоро я снова задолжаю ему за аренду, а маффины заполнят его желудок до того, как я позволю этому случиться.

Закончив с выпечкой и порадовав арендодателя едой, убираю в квартире идвигаю мебель. Убеждаю себя, что места и света в квартире стало больше, когда диван повернут к окну. К сожалению, с моей новой техникой фэн-шуй на месте, где ранее стоял диван, открывается участок грязи с кучей шерсти. Это, несомненно, метафора моей жизни, но я

отказываюсь в нее вникать. Подметаю, выбрасываю мусор, а затем тренируюсь с Мышонком.

Только по возвращению домой в чистую квартиру, потная от хорошей тренировки, я позволяю себе полелеять идею позвонить Адаму. Если бы мы встречались, я бы не посмела. После вчерашнего нам обоим нужно время, чтобы остыть. Но мы не встречаемся, и он нужен мне позарез. Так сильно, что мне не приходится играть роль отстраненной, холодной женщины. Я играю роль самой себя: отчаянной, странной Мэделин. Это не такая уж и гламурная роль, но с ней я справлюсь на ура.

Жаль, правда, что он не отвечает.

Ни на первый мой звонок в два часа дня, ни на второй в двадцать минут восьмого, который я делаю нехотя.

Оба раза я оставляю ему голосовые сообщения, понимая, как напряженно и странно звучал мой мелодичный голос.

— *Эй, Адам. Это Мэделин. Я звоню лишь чтобы напомнить тебе о твоей части сделки. А также спросить, ты масло в машине случайно не меняешь? Ха-ха-ха, позвони мне, когда сможешь. Пока.*

Затем — потому что, как говорила моя мама, с тех пор как мне исполнилось пять, я наслаждаюсь «закреплением» эффекта — я провожу каждую минуту последующих пяти часов, обдумывая свое первое сообщение и решая, что оно было слишком расплывчатым. Я могла говорить о чем угодно, а моя шутка только отвлекла. Так что во втором сообщении я разъясняю.

— *Привет, это снова Мэделин. На случай, если ты не был уверен, о чем я говорила, я бы все еще хотела прокатить тебя по Гамильтону и показать несколько домов. Рынок покупателей сейчас в разгаре, и есть несколько отличных владений, на которые тебе станет не жаль времени. В этот раз можем взять твою машину! Позвони мне. Ладно. Пока!*

Больше не остается сомнений, почему я позвонила или каковы мои намерения, и он все равно не удосуживается перезвонить мне ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду. Я даже попросила Дейзи позвонить мне, дабы проверить, вдруг мой офисный телефон сломался, но это лишь подтвердило, что никаких проблем с моей стороны нет.

— Ты ожидаешь звонка от клиента, или что? — спрашивает она, потому что на ее конце трубки шумно и, кажется, у нее не много

пациентов, раз есть время болтать. Грустно.

— Пустяки. Спасибо за помощь.

Она продолжает болтать, прежде чем я кладу трубку, даже когда говорю ей, что опаздываю на собрание.

— Эй, завтра вечером... не хочешь выбраться? Будешь ты, я, Лукас...

— О, прости, я занята.

Нет смысла позволять ей заканчивать. Мне что, хочется быть третьим лишним на ее с Лукасом свидании?

— И чем? — спрашивает она, не веря мне окончательно.

Очень плохо для нее, я не лгу. Впервые.

— Я подписалась на одну штуку в «Одиночках Гамильтона». Завтра боулинг.

— Романтика.

— Ага, ну, я всегда думала, что встречу своего мужа, обутая в клоунские туфли, поэтому выглядит, словно я наконец-то заполучу свой шанс.

Какой бы ни был ответ Дейзи, я его не слышу, потому что Лори наклоняется в мою кабинку по пути из кухни с чашкой свежего кофе в руке.

— Привет, Мэделин. Хотела всего лишь напомнить тебе, что собрание через десять минут.

Ее постоянная болтовня могла бы заставить босса из «Офисного пространства» пересмотреть свою зарплату (*прим. перев.: имеется в виду романтическая комедия 1999 года*).

— Это Лори?! — спрашивает Дейзи в трубке. — Что на ней сегодня надето? Опиши мне ее наряд в самых скрупулезных деталях.

Ладонью прикрываю трубку, чтобы Лори не услышала ее. Тем временем, улыбаюсь с каждой унцией своей конгениальности, на которую способна. Мед так и капает из уголков моего рта.

— Да, не могу его дождаться. Как раз собираюсь выходить.

Она не уступает.

— Хммм, ладно, просто ты уже на столько собраний опоздала в этом квартале, и я слышала, что у тебя кратковременная проверка, — она словно мурлычет, даже оглядывается через плечо, дабы удостовериться, что я ее услышала. — Или это испытательный срок? В любом случае, лучше тебе не опаздывать.

От ее громких заявлений мне хочется взять ножницы, но я убрала их в верхний ящик моего стола несколько месяцев назад. Вместо этого я заставляю себя встать, кладу трубку, заканчивая разговор с Дейзи, и следую за Лори в конференц-зал с ручкой и бумагой в руке. Мы вдвоем пришли первыми.

Она занимает свое обычное место рядом с креслом Хелен, а я выбираю место с противоположного конца стола. У нее сильные духи. «Шанель №5», как она однажды, хвастаясь, сказала мне. *Правда, что ли? На тебе они тянут на двоечку.*

— Думаю, что сегодня завершу две сделки, — произносит она в практически пустом зале. Тайное злорадство — ее способ поддержания беседы.

— Ого. Поздравляю, — отвечаю я в попытке выжать еще несколько унций фальшивой радости. Понимаю, что мои запасы иссякают, и мне нужно подпитаться, если я собираюсь выдерживать Лори наедине следующие несколько месяцев.

— Ага. Один из домов в центре, в историческом районе. Это должно принести мне *крутые* комиссионные.

Я мычу, словно заинтересована, но на самом деле пишу Дейзи сообщение «С.О.С.» под столом.

— Ну, а у тебя что? Есть новые клиенты? Хелен упоминала что-то о твоей работе с Адамом Фоксом на прошлой неделе, но я не поверила. Когда я подходила к нему, он даже не был заинтересован в покупке дома.

Мне стоит сказать ей правду. Стоит объяснить, что, скорее всего, я не продам ему ничего — ни дом, ни кондо, ни даже ботинок. Мне лучше подтвердить то, что он не ищет дом, но тогда мне придется выдержать ее сочувствующий взгляд, а я просто не могу этого сделать. Не после моих адских выходных. Не после того, как мистер Холл поймал меня сегодня и потребовал плату за прошедший месяц, прежде чем зарегистрировался на ЛигалЗум и понял, как распечатать уведомление о выселении (*прим.: ЛигалЗум — компания мирового уровня, которая предоставляет юридические услуги*).

— Да, ну, — пожимаю плечами я, не встречаясь с ее глазами. — Это произошло очень естественно.

Довольно расплывчато. Хорошо, Мэделин.

— Он уже что-то подписал? Контракт о работе с тобой?

Она выуживает информацию, пытаясь поймать меня на лжи и заставить признать правду.

— Я отправила ему его сегодня.

Она кивает, словно впечатленная.

— Правильно, ну... посмотрим, подпишет ли он его *на самом деле*.

А затем, потому что ничего продуктивного к разговору я добавить не могу, я смотрю на телефон и занимаю себя тем, что добавляю пару ножниц в корзину на Амазоне. *Чик-чик*.

* * *

Бывало так, что я была на нескольких мероприятиях «Одиночек Гамильтона» в день. Администрация проводит их в буфетах, барах и парках, но впервые я увидела, что они сняли дорожку для боулинга. Это солидное пространство, и координаторы отгородили половину дорожек специально для события. Здесь есть надувные шарiki и яркий фиолетовый баннер, свисающий на стене и говорящий: «Пусть шар катится к любви!»

Я наполовину готова спасовать и сорваться отсюда, но мои принципы не позволяют этого. Я заплатила за членство только пять баксов, но все же. За пять баксов я отказываюсь, по крайней мере, не съесть свою порцию жирных начос с пивом.

Записав мое имя, мне выдают пару туфель для боулинга восьмого размера (которые, конечно же, выглядят как тринадцатый) и булавку с кеглей, которая должна выделить нас среди толпы игравших в боулинг в обычный вечер среды. На булавке распечатанная шестисантиметровая кегля ярко-розового цвета, на которой большими жирными буквами написано «Я — ОДИНОКА, И ГОТОВА ПООБЩАТЬСЯ!» Думаю, они имели в виду «*пообщаться*», но, кажется, никто не заметил опечатку до того, как слоган был распечатан, и мне кажется, будет очень некрасиво указывать на нее сейчас.

— Хорошо, приколите булавки к одежде, и направляйтесь к шестой дорожке, к своей команде.

— О, нас уже распределили по командам?

Улыбка координатора немного меркнет.

— Мы подумали, что так будет легче.

Легче для них, конечно, но я застряла с Алленом, Митчем и Джудит — моим тренером по спортзалу из средней школы, который был болезненно старым еще тогда, сорокалетней вдовой и женщиной, которая, при всем уважении, выглядит на десять лет моложе моей мамы. Аллен притворяется, что не помнит, как учил меня кикболю, а Митч слишком занят своим четвертым пивом за вечер, чтобы поддержать разговор. Мы с Джудит решаем, что будем партнерами, и я очень стараюсь не выдать свое разочарование. Эти встречи действительно стоят моего времени, но я встретила лишь одного или двух парней за несколько лет. Если не сказать меньшего, я очень перспективно смотрю на свою будущую любовь. Я бросаюсь навстречу судьбе и даю любви шанс, но сегодня вечером эта команда — как плевков в лицо. Когда моя ситуация стала такой безнадежной? Как вышло, что мой бывший тренер превратился в доступного для меня холостяка?

— Ты в порядке, милая? — спрашивает Джудит, когда я не отвечаю на ее вопрос.

Пытаюсь стряхнуть с себя свои глупые мысли.

— А, ага. Порядок. Просто задумалась.

— О любви?

Скорее всего, о том, не лучше ли мне скользнуть головой вперед по дорожке в надежде, что устройство для забора кеглей избавит меня от моего ничтожества. Но я также подумываю о том, чтобы собрать вещички, взять Мышонка и уехать из Гамильтона. За пределами этого города должны быть другие перспективы — лучшие для работы, для любви, для жизни. Гамильтон медленно удушает меня, и я волнуюсь, что если вскоре не выберусь отсюда, то никогда этого не сделаю. Я превращусь в Джудит — буду бросать шары по пять фунтов и «общаться» с другими одиночками, вышедшими на пенсию. Смотрю на свою булавку и готова сорвать ее со своей рубашки, когда слышу голос, который делает ситуацию хуже в миллионы раз.

Здесь Адам.

Он здесь, рядом, смеется и весело проводит время.

Обвожу взглядом остальных присутствующих на встрече, затем поворачиваюсь к другим дорожкам. Мне вообще не стоило смотреть потому, что четыре человека, которые не должны были увидеть мое фиаско, усаживаются за столик у дорожки сразу возле нашей. Это Дейзи, Лукас, Адам и женщина, в которой я узнаю одну из санитарок из

«Семейной Практики Гамильтона», клиники, которой владеют Лукас и Дейзи. Они подстроили это *двойное* свидание, и меня охватывает внезапная ярость.

— Милая, твоя очередь, — произносит Джудит, пытаясь слегка подтолкнуть меня локтем.

Я подскакиваю на ноги и прошу ее пропустить мой бросок.

— Ты получишь штрафной, если сделаешь это!

Меня это ни капли не волнует.

Ее зовут Тори, и она санитарка. Выглядит молодой, может, двадцать два максимум, что означает я старше нее на пять лет. Это много? Слишком много? Адаму нужна молодая, смазливая девочка, только что окончившая колледж?

Какого черта меня это заботит?

Подхожу к их группе, и меня тут же замечает Дейзи. Это ее вина. Она знала, что я буду здесь.

— Мэделин! — выкрикивает она, выглядя невинно, словно рада меня видеть. — Какое совпадение!

Когда она подходит ближе, чтобы обнять меня, я щипаю ее за предплечье со всей силы.

— Почему вы здесь? — шиплю я, когда она отдергивает руку и потирает ее.

— Ай! Мы захотели в боулинг. Лукас давно здесь не был.

Я даже не смотрю на своего брата. Я знаю его, и он здесь вообще ни при чем. Нет, моя лучшая подруга хорошенько приложила к этому руку.

Адам смотрит на меня из-за Дейзи, любопытная улыбочка играет на ее губах. Он оценивает меня взглядом, который останавливается на розовой булавке. Он замечает надпись, ухмыляется, а мои щеки становятся на тон краснее.

— Привет, Мэделин, — произносит он, встречаясь со мной взглядом.

Даже на этой дорожке для боулинга его глаза блестят.

— О, привет, Адам. Думала, ты умер. Как раз собиралась написать о тебе некролог.

Вторую часть не озвучиваю, хоть и хочу. Хочу накричать на него за игнорирование моих звонков, но слишком стыдно признавать это в присутствии других. Вместо этого я улыбаюсь и поджимаю губы.

Именно в этот момент Тори появляется слева. Подходит ближе к Адаму, словно он *принадлежит* ей или что-то в этом роде. Ее кожа переливается, и при первом взгляде я не вижу даже пор.

— Прости, Мэделин, я только что ввела наши имена, и не думаю, что мне позволят ввести еще одно.

Я улыбаюсь, но чувство такое, словно у меня на лице насмешка.

— Не проблема, у меня все равно уже есть партнер.

Словно по команде, Джудит кричит мне «ююхуу» и зовет присоединиться к игре.

— Ты играешь в лиге или как? — спрашивает Адам, хмуря брови и всматриваясь в сцену позади меня.

Тори прыскает со смеху.

— О, это сборы *одиночек!* — затем немного понижает голос. — Моя бабушка ходила на них, когда ушла на пенсию.

Лукас и Дейзи стреляют в нее убийственными взглядами, но именно Адам говорит первый.

— О, звучит весело, это, наверное, хороший способ для знакомства.

Мои плечи немного напрягаются от его защиты.

— Ага, не плохой. В основном я делаю это ради дешевой еды и напитков.

Он улыбается, и на секунду, я чувствую, словно мы стоим здесь только с ним вдвоем, улыбаемся в этих смешных туфлях для боулинга... вот только я выгляжу, как чокнутая в своем платье без плеч и рубашке, а Адам выглядит сексуальным, как и всегда, в своих джинсах и черной рубашке «Хенли».

— Адам, — произносит Тори, ее голос пререзает момент, который мог бы стать прекрасным. — Я очень хочу что-нибудь выпить.

— О, ладно, — он указывает налево, все еще улыбаясь мне. — Стойка с напитками прямо вон там.

Тори фыркает и уходит, и я задаюсь вопросом, почему не могу пошевелиться, почему зависаю здесь, пялясь на мужчину, который снова и снова доказывает, что не хочет иметь со мной ничего общего.

— Мэделин, тебе стоит присоединиться к нам, — говорит Лукас. — Уверен, мы можем сбросить имена и ввести новые.

Принять его предложение — соблазнительно, но я не хочу бросать Джудит. И так уже это сделала. Я отмахиваюсь от его приглашения и

обещаю встретиться с ними позже.

Невозможно сконцентрироваться на своей игре, пока они находятся так близко. Пронзительный голос Тори, кажется, витает над шестой дорожкой, неважно как сильно я пытаюсь его заглушить.

— О, боже, Адам! — визжит она, как раз, когда я встаю бросить шар. — Ты так хорош!

Просовываю пальцы в отверстия шара, разгоняюсь, а затем посылаю его в боковой желоб в третий раз за вечер.

Проклятье. Проклятье. Проклятье.

Боулинг явно не мое, но я не думала, что все будет *настолько* плохо.

— Все в порядке, Мэделин! Мы все еще можем догнать парней, — радостно отвечает Джудит. Какой бы разочарованной я не была, смеюсь при упоминании «мужичков» напротив нас.

Поворачиваю голову к своему месту, и вижу, что Адам наблюдает за мной. Он делает это последние полчаса, и каждый раз, чувствуя его внимание на себе, я поднимаю глаза вверх, и мы странно скрещиваем взгляды на секунду, а затем быстро отводим их. В этот раз я не поддаюсь желанию посмотреть на него. Есть шанс, что у него осталось еще какое-то подобие уважения ко мне, но после третьего шара, покотившегося в боковой желоб — кто знает.

Я едва уселась на свое место, когда над головой начинает литься громкая мелодия сальсы. Один из координаторов хватает микрофон и после резкого визга микрофона и шума оглашает:

— Пора поменяться парами!

Тогда наша маленькая группка из четырех рассыпается. Один из координаторов хватает Аллена и Митча и заменяет их двумя мужчинами, один из которых заставляет Джудит покраснеть как школьницу. Второй примерно моего возрастного контингента, но я все равно не узнаю его. На нем поношенные джинсы «Ренглер» и белая рубашка с перламутровыми пуговицами до самого низа. В нем немного больше от ковбоя, чем мне надо бы, но после моих прежних перспектив, он с таким же успехом может стать оазисом среди пустыни.

Он представляется Деном и, кажется, не измучил болтливых, но он приносит мне свежее пиво, так что это победа.

— Ты давно живешь в Гамильтоне? — спрашиваю я, пытаюсь завести разговор, пока Джудит бросает шар. Мы с Деном садимся

рядом, и когда его бедро касается моего, я не отстраняюсь.

Он делает глоток пива и качает головой.

— Нее, переехал только в прошлом году. Я работаю на ранчо Лонгхорна.

Мой интерес обостряется.

— Что ты там делаешь?

Он пожимает плечами и опускает взгляд вниз, словно не привык, что ему задают такой прямой вопрос.

— Выполняю работу по ранчо, ничего особенного. Ухаживаю за лошадьми и помогаю, когда нужно.

В этом есть смысл. Его подбородок оброс двухдневной щетиной, а кожа светится здоровьем из-за нахождения на улице. Теперь я это вижу: он, укрощающий диких мустангов с терпением и мужественностью. Ставлю на то, что он знает, как использовать лассо по более развратным причинам. Я как раз это представляю, когда он тянется вперед, забирает мой пустой стакан и выплевывает туда какую-то черную гадость. Жевательный табак. Я пытаюсь не скривиться, пока моя мечта о нем, уезжающем в закат, крошится на кусочки. У меня есть не большой список вещей, с которыми я не готова мириться, и рак ротовой полости явно одна из них.

Когда мужчина заканчивает, ставит стакан и поворачивается ко мне, я замечаю грудку отвратительной субстанции, которую он оставил во рту. Он наклоняется ближе, чтобы спросить, чем я зарабатываю на жизнь, и я улавливаю запах его дыхания. Назовите меня чокнутой, но я предпочитаю свежую мяту застоявшемуся табаку.

— О, эм, я риелтор, — бурчу я, прямо перед тем, как подпрыгнуть и пойти бросать свой шар. Моя очередь.

Я даже не забочусь тем, чтобы приблизиться к линии, запрещающей заступ, отпускаю шар и возвращаюсь. Знаю же, что шар все равно окажется в желобе, но затем слышу громкий звук сбитых кегель и резко оборачиваюсь. Я сбила их! Не все — я не стала внезапно Олимпийским чемпионом по боулингу — но я сбила четыре кегли. ЧЕТЫРЕ.

Джудит подпрыгивает от радости.

— Ты сделала это! Ты сделала это, Мэделин!

Бросаю взгляд на Адама, посмотреть, увидел ли он мою атлетическую способность. Не увидел, потому что Тори щедро

скармливают ему историю, и все его внимание, кажется, принадлежит ей. Ветер внезапно перестает дуть в мои паруса. Резко четыре кегли превращаются в ноль.

— У тебя есть еще одна попытка, чтобы сбить остальные, — говорит Джудит, пока я продолжаю идти мимо своего места.

Говорю ей бросать шар вместо меня, а затем направляюсь в уборную.

Мне просто нужен небольшой перерыв, пять секунд, чтобы попятиться в мутное зеркало в уборной и оценить, где моя жизнь сделала такой крутой поворот ко дну. Я провела там всего три секунды, купаясь в своем жизненном кризисе, когда Дейзи толкает дверь и присоединяется ко мне.

— Надеюсь, вы с Лукасом довольны, — произношу я, скрещивая руки и пялясь на нее из зеркала.

— Чем?

— Тем, что пригласили Адама и Тори. Почему он вообще здесь?

Она делает шаг ко мне и опирается бедром на раковину рядом с моей.

— Лукас захотел пойти с ним. Думаю, они подружились или что-то в этом роде.

— Значит, как друг, он решил свести его с Тори?

Она хмурится и сужает глаза, прилагая все усилия, чтобы прочитать мои мысли. Я вздыхаю и отворачиваюсь, притворяясь, что поправляю макияж.

— Нам не хотелось, чтобы он чувствовал себя третьим лишним, так что в том, чтобы пригласить ее, смысл был.

— Ее, но не меня?

— Я *пыталась* пригласить тебя, но ты заткнула меня прежде, чем у меня появилась возможность рассказать тебе о плане.

С этим я спорить не могу.

— Ты *хотела*, чтобы тебя пригласили? — спрашивает она, тыкая меня в бок.

Я фыркаю.

— Естественно! Посмотри, в какой провал превращается этот вечер одиночек. Я бы лучше зависала с вами, ребята, чем пыталась увиливать от ловушек табачного дыхания ковбоя.

— Оооо, это паршиво. Он кажется хорошей перспективой.

— Он *казался*, пока не выплюнул кусок черной дряни в мой стакан прямо у меня на глазах.

— Хорошо, ну, я запрещаю тебе возвращаться к ним. Давай, повеселись с нами. Мне даже не нравится Тори, а Лукас едва ли выносит ее за пределами офиса. Думаю, мы оба пожалели о том, что пригласили ее.

— А Адам?

— А?

— Его Тори раздражает?

— Не могу сказать. Кажется, они много разговаривают.

— *Зашибись*.

— Ты запала на него, да? — ее вопрос выводит меня из себя, поэтому я даже не парю себя ответом ей. Вместо этого проталкиваюсь мимо и направляюсь из уборной, взяв за цель миссию сделать единственную вещь, которую хотела весь вечер. Адам сидит возле их дорожки, проверяя телефон, пока Тори бросает свой шар. Он наклоняется вперед, поставив локти на колени, и когда ставит свой телефон на блокировку и поднимает взгляд на меня, я внезапно оказываюсь слишком близко. Почти стою между его колен, но если отойду назад, буду выглядеть трусихой. Он откидывается в своем стуле, не делая ни движения, чтобы сдвинуть ноги, а затем смотрит на меня с самоуверенной улыбкой.

— Почему ты не ответил на мои звонки? — спрашиваю я, скрестив руки так агрессивно, как могу. — Я оставила тебе пару сообщений.

— Я перезвонил.

Закатываю глаза.

— Ага, конечно.

— Я звонил тебе сегодня днем и оставил сообщение на рабочем телефоне.

Не могу поспорить, правда это или нет. Я показывала дома мистеру Боггсу.

— Правильно, ну, я понятия не имею, *оставил ли* ты сообщение, или что ты мог там сказать, но сделка есть сделка, Адам: ты купишь у меня дом.

— Такова была сделка.

— И ты не будешь корить меня тем, что я не смогла сдержать свою

сторону уговора, потому что я ее сдержала. Не моя вина, что твоя мама раскусывает ложь как полиграф.

— Не могу не согласиться.

— И я не хочу слышать никаких возражений.

Он наклоняется вперед и отталкивается от стула, чтобы встать. В течение двух секунд мы стоим грудь к груди, но я пасую первая и делаю шаг назад, давая нам обоим немного пространства. Тори жужжит позади нас, пытаюсь привлечь внимание Адама, но его взгляд сфокусирован на мне. Его глаза впиваются в мои, и в моих коленях внезапно появляется слабость. Он берет меня за локоть и отводит в сторону от группы, чтобы мы могли поговорить наедине. Думаю, это также дает мне возможность заполучить личное пространство, но он не позволяет мне. Он снова прямо передо мной. Его одеколон, отточенная линия челюсти — все это кажется самым лучшим, с чем я сталкивалась за месяцы.

— Ты слушаешь меня, Мэделин? — произносит он, его рука все еще на моем локте. — Я куплю у тебя дом.

— О, да, — киваю я, пытаюсь звучать нейтрально. — Хорошо.

— Когда начнем? — спрашивает он, сдерживая улыбку, которая пытается вернуться на его губы.

— Как насчет завтра? — спрашиваю я, глядя на его хватку на моей руке.

Он отпускает меня прежде, чем отвечает:

— Идеально.

— Предполагаю, тебе понадобится расписание на вечер? После окончания работы с пациентами?

Я очень деловая, очень *профессиональная*.

— Можем проехаться на перерыве в обед. Я могу отдать тебе все время, что у меня есть.

Надежда и счастье сплетаются вокруг меня как теплое объятие. Это на самом деле может случиться. Я по-настоящему могу продать ему дом, а Хелен снимет меня с испытательного срока. Я могла бы расплакаться, но мне удастся сдержаться.

Протягиваю руку и крепко сжимаю его ладонь в рукопожатии. Мы не разжимаем руки, не прерываем зрительного контакта, пока я, наконец, не пасую и не даю волю улыбке.

— Очень смело с твоей стороны было подойти туда вот так, — говорит он.

— Чувство было такое, что я наблюдаю за действием сверху, — признаю я.

Адам улыбается шире, все еще пожимая мне руку.

— Знаешь, тебе не нужно было скармливать мне все ту чепуху о том, что ты «не готов к отношениям». У тебя как пить дать нет проблем с Тори.

Его хватка на моей руке немного крепчает.

— Это не было чепухой. Дейзи пригласила меня с ними, и ничего более.

Я уже знаю это, но у меня неуверенное, странное предчувствие, и я хотела, чтобы история Дейзи подтвердилась. Меня тревожит моя радость услышать о том, что не он лично пригласил Тори. Так радуется, что я осмеливаюсь толкнуть разговор еще на одну ступень вперед.

— Ага, ну, ты уже скормил ей чепуху о своей неготовности к отношениям?

Мы все пожимаем, и пожимаем, и пожимаем руки.

— Говорить ей это нет смысла. Она не та, в ком я заинтересован.

— О, но ты же рассказал *мне*? — подстегиваю я.

Что-то мелькает в его зеленых глазах, как раз в момент, когда понимание воцаряется между нами. Он не отвечает, и не отпускает мою руку. Это самый странный, самый заряженный обмен любезностями, что у меня был за года. Простое рукопожатие, но я не удивлюсь, если через несколько месяцев я посмотрю вниз и увижу большое беременное пузико.

— Адам?

— Хмм?

— Мне нужно вернуться к одиночкам, — произношу я слабым и беспомощным голосом.

— Ну да.

— Уже можешь отпустить мою руку.

Он не отпускает.

— Ты собираешься поехать домой с парнем из группки по боулингу?

— Почему ты спрашиваешь? Переживаешь, что какой-то крупный ковбой по-своему разберется со мной в сарае, полном сена?

Он наконец-то отпускает мою руку и отступает назад.

— Увидимся завтра.

Глава 13

Адам

Мое утро в клинике прошло с тремя собаками, двумя котами и пронырливым попугаем. Пациенты требовали моего внимания, но мне все равно удалось выкроить немного места в мозгу, чтобы подумать о своих странных чувствах к Мэделин. Я приехал в Гамильтон без

намерений остепеняться и пускать корни. В последние восемь лет у меня не было ничего, кроме корней. Мне нужно время для себя, чтобы приспособиться к жизни без Оливии. Мы расстались всего несколько месяцев назад — разве нет какого-то правила? Если мы пробыли вместе восемь лет, разве мне не нужно восемь месяцев, чтобы оправиться после разрыва? Если на то пошло, то почему Оливия ощущается далеким воспоминанием?

Даже боль, испытанная мною после расставания, кажется, затихает. Это Техас.

Клянусь, влажность высасывает чувства прямо из вас. Кто сможет продолжать таить зло, если на градуснике плюс тридцать два в полдень? Говорят, уровень преступности падает, потому что никто не в силах выносить зной. Может, так и поутихла моя злость на Оливию.

Или, может, причиной тому Мэделин.

Эта женщина владеет способностью возникать в самый непредсказуемый момент. Гамильтон — маленький городок, но не настолько, и все равно Мэделин удастся появляться везде, и почему-то этого недостаточно. Я принял приглашение от Лукаса сходить в боулинг, потому что думал, что там будет Мэделин. Она его сестра и лучшая подруга Дейзи. Был смысл в том, чтобы они пригласили ее, но они удивили меня Тори, и мне пришлось выжимать лучшее из ситуации.

Я как попало бросал шары, слишком занятый поглядываем на Мэделин и ковбоя через дорожку для боулинга. О ковбойских сапогах мне было известно, но я думал, что жемчужные пуговицы — всего лишь еще один тexasский стереотип. Странно, что он не развел костер посреди дорожки и не притащил губную гармошку.

Я проверяю своего последнего пациента перед ланчем — старенького, послушного золотистого ретривера. Может, если бы он был более непослушным, и мне пришлось прослушать его сердце и легкие, я не стал бы занимать свои мысли вопросом, почему вообще Мэделин пошла на эту встречу одиночек. Она красавица, веселая — с этим никто не поспорит, и сомневаюсь, что в городе найдется мужчина, который с этим не согласится. Так почему она пытается найти пару на дорожке для боулинга?

Спрашиваю об этом у Саши, девушки из приемной, и пытаюсь не делать вид, что меня это не сильно заботит.

— О, Мэделин Тэтчер? Ага, я ее знаю. Она училась на класс младше

меня в школе.

Напоминает мне, насколько это маленький городок.

— Она много с кем встречалась?

Ее брови взлетают чуть ли не до потолка.

— Мэделин? Ни в коем случае. Она была слишком занята, посещая каждый кружок в школе. Она была классической прилежной девочкой, прямо как ее брат, вот только он стал врачом, а Мэделин, вроде как... выдохлась.

Я хмурюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что в колледже она училась на магистратуре в области финансов, и вот где она сейчас — снова в Гамильтоне, меняет работенки без конца и края уже несколько лет.

Интересно.

— Но даже если бы она захотела встречаться с кем-то, парни в Гамильтоне немного ее боятся. То есть, она не совсем *мисс Конгениальность*. Большинство парней хотят кого-то более жизнерадостного, с большей индивидуальностью.

Я смеюсь прежде, чем могу становить себя.

— О, с индивидуальностью у нее все в порядке.

Саша пожимает плечами.

— Ну, тогда это упущение со стороны мужчин Гамильтона. Если вы спросите меня, думаю, ей стоит куда-нибудь переехать. Она могла бы найти пристойную работу и встретить парня, который на самом деле оценит ее *заморочки*.

Заморочки. *Господи*. Только потому, что она не бросается на каждого мужика, не значит, что у нее есть заморочки. Она уверенная, смышленная, хоть и немного циничная, но снова-таки, как и я.

Понимаю, что в своей голове я ее защищаю, и отталкиваю от стола.

— Спасибо за информацию. Я на ланч.

— Нужна компания? — в надежде спрашивает она.

— Уже имеется.

Бросаю свой белый халат в офисе по пути и выхожу к «Кофейне Гамильтона». Мэделин написала мне сегодня в электронном письме, подтвердив нашу встречу за ланчем и дав мне адрес кофейной лавки. Я умираю с голоду, и когда толкаю дверь от себя, меня приветствуют запахи свежееиспеченного хлеба.

Словно по команде, мой желудок бурчит, затем я сканирую комнату взглядом в поисках Мэделин, и нахожу ее за ноутбуком и с заметками за столиком у стены. В приталенном платье и балетках телесного цвета она выглядит самым профессиональным образом, чем я когда-либо ее видел. Ее длинные волосы собраны в высокий хвост, она печатает на ноутбуке, и я почти соглашаюсь с Сашей — в Чикаго мужчины роились бы вокруг нее. В Гамильтоне ее *заморочки* — полное упущение.

Я виляю между столиками, приближаясь к ней, и она поднимет взгляд вверх, широкая улыбка растягивается на ее губах. Она светится, несмотря на пасмурный день. Я достигаю ее столика и наклоняюсь с поцелуем в щеку. Она всегда пахнет лавандой, и я понимаю, что, как и прежде, я заставляю ее напрячься. Отдергиваю себя назад и выравниваюсь.

Какого черта я только что поцеловал ее в щеку?

— О! Эм, привет, — произносит она.

Щедрый румянец окрашивает ее шею, и я прочищаю горло.

— Эй, ты уже сделала заказ?

Она не встречается со мной взглядом. Фокусируется на чем-то за моим правым плечом и качает головой.

— Тебя ждала.

Я киваю на прилавок.

— Давай, я умираю с голоду, — она опускает бумаги на ноутбук и тянется к сумочке. Протягиваю руку, чтобы остановить ее. — За мой счет.

Она хмурится и качает головой.

— Мне нравится угощать клиентов, когда я приглашаю их встретиться со мной в ресторане ради дела.

— А мне нравится платить, когда я беру подругу на ланч, — отвечаю я, закрывая тему.

Она не спорит, но и не оставляет сумочку. Ладно. Когда мы делаем заказ, я говорю ей озвучить свой первый, и когда она заказывает тот же сэндвич с отбивной из индейки, на который смотрел, я говорю кассиру сделать два и протягиваю ему карточку прежде, чем она может открыть свой кошелек. Мэделин смеется и тянется за одним из крупных печений с шоколадной крошкой на прилавке рядом с кассиром.

— Значит, ты мне и печенье купишь.

Кофейня быстро наполняется покупателями за время ланча, и к тому

времени, когда мы занимаем наши места, примерно пять человек подошло поздороваться с Мэделин.

— Ты весьма популярна, — комментирую я, разворачивая сэндвич.

Она качает головой.

— Просто это жизнь в Гамильтоне. Пробудешь здесь еще несколько месяцев, и сам увидишь. Не сможешь даже купить сэндвич с индейкой, чтобы минимум десять человек не прошло...

— Мэдди Тэтчер, это ты?!

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть маленькую женщину с короткими светлыми волосами, спешащую к Мэделин.

— Миссис Белл! — произносит Мэделин, подпрыгивая на стуле. — Когда вы вернулись в город?!

Они поднимаются и болтают так быстро, что я не успею улавливать суть, звучит упоминание о путешествии на трейлере и о блаженстве быть молодоженами. Я приканчиваю половину своего сэндвича прежде, чем вырвать их из их беседы и обратить внимание на то, что я сижу здесь и с удивлением смотрю на них.

— О, Адам! Прости, это миссис Белл, мама Дейзи.

Сходство становится заметно, как только она упоминает об этом. Видно, что она немного ниже Дейзи, но у них то же деликатное строение тела, тот же загадочный взгляд.

— Адам! — говорит миссис Белл, поворачиваясь к Мэделин и понижая голос: — *Ветеринар Адам?*

Мэделин закатывает глаза.

— Очевидно, Дейзи вас просветила. Да, это *ветеринар Адам*, но прямо сейчас он мой *клиент Адам*.

Миссис Белл пищит.

— О, как потрясающе, Мэделин! Дейзи рассказывала мне, что у тебя проблемы в агентстве. Я так рада видеть, что у тебя появился новый клиент.

Я вижу, как исчезает улыбка Мэделин. У нее проблемы? Она действительно отчаянно пыталась заполучить меня в роли клиента, словно собиралась принять любое мое предложение, но я просто думал, что она всего лишь назойливый риелтор — переступит через голову ради работы, и все такое. Больше у меня нет такой уверенности.

— Ну, как только Мэделин продаст мне дом, я порекомендую ее всем, кого знаю, — добавляю я, пытаюсь прогнать хмурость с ее лица.

Тот факт, что почти не знаю людей в Гамильтоне, не доходит до миссис Белл. Ее глаза светятся в одобрении.

— Какой мужчина, — она поворачивается к Мэделин. — И к тому же, *красивый*. Ты так не думаешь?

Мэделин смеется

— Не думаю, что вы должны говорить это перед ним, миссис Белл. Это засядет у него в голове.

Я улыбаюсь.

— Я вообще-то не против.

Мисси Белл смеется и подмигивает мне.

— Хотела бы я остаться и поболтать, но не хочу прерывать ваше свидание...

— Деловую встречу за ланчем, — поправляет Мэделин.

Миссис Белл улыбается.

— В мое время мы называли их свиданиями, но как тебе будет угодно.

— Он *клиент*!

Они, кажется, снова забыли, что я сижу здесь и слушаю, но мне все равно. Это самое веселое, что случилось со мной за последние недели.

— Ну, клиенты никогда не смотрели на меня так, как он смотрит на тебя.

Я улыбаюсь, но Мэделин стонет и прогоняет женщину, угрожая физической расправой, если она продолжит тему.

— Не обращай на нее внимания, — настаивает Мэделин, садясь за наш столик. — Ей нравится копошиться гнездо с проблемами. Это ее пунктик.

Я пожимаю плечами, приканчивая последний кусок сэндвича, а потом отвечаю:

— А мне она нравится.

Она напоминает мне мою маму, но почему-то поддразнивание выглядит веселее, когда исходит не от родственника.

— Она ничего плохого не имеет в виду, но увидел бы ты, как она манипулировала Дейзи и Лукасом до того, как они на самом деле стали парой. Я думала, Дейзи прикончит ее.

Я смеюсь, представляя это.

— Хотел бы я услышать эту историю в один день, если у нас будет больше времени.

Ее глаза загораются, и она хлопает себя по лбу.

— Уф, да, конечно. Нам нужно вернуться к делу. Тебе же скоро возвращаться на работу, точно же, а мы даже не начали обсуждать дома.

Лучше бы и не начинали. Я хочу послушать побольше о миссис Белл, о жизни Мэделин в Гамильтоне, но она настаивает на своем. Ее нетронутый сэндвич отодвинут на край стола, и она поворачивает ноутбук, чтобы мы оба могли видеть экран.

— Что ж, сначала мы пройдемся по деталям о том, что именно ты ищешь. Ну, знаешь, какой ценовой показатель и подобное.

— У меня нет ответа на это.

Она обходит мой ответ.

— На какую его часть? Цена? Или тип дома, который ты ищешь?

— На обе. Цена — не проблема, поскольку я продал свой дом в Чикаго перед переездом, но я не думал много о том, какой хочу дом.

— Ничего страшного. Какой дом у тебя был в Чикаго?

Откидываюсь в своем стуле, обдумывая вопрос. Он был современный, и просторный. Мы с Оливией выбрали его вместе, и хоть мне нравилась открытая планировка, из-за современной мебели и белых комнат он казался пустым. Объясняю это Мэделин, а затем добавляю:

— Я бы хотел поискать что-то более... домашнее, если в этом есть смысл.

Она улыбается.

— Конечно, есть. А размер какой? У тебя, наверное, был не большой прилегающий участок в Чикаго, но здесь у тебя большой выбор. Есть участки в центре по десять и пятнадцать тысяч квадратных метров. За городом обычно поменьше.

Мне нравится мысль о том, что места будет больше. В Чикаго до дома моих соседей можно было дотянуться рукой.

— А средние участки? Что-то не очень далеко от города, но может, один или два акра?

Она принимает запрос и кивает.

— Это можно устроить. Мне на ум уже пришло пара домов.

— И я предпочел бы дома постарше, но которые были переделаны. Ремонт и другие работы меня не пугают, но сейчас у меня нет времени строить его с нуля.

Она продолжает строчить заметки, пока я высказываю все, что хотел бы от дома. Приятное чувство — решать все для себя вместо того, чтобы

идти на компромисс.

— Крыльцо было бы не плохо.

— Ммм.

— Может, два этажа? Минимум четыре спальни.

Она улыбается.

— Я думала, ты сказал, что не был уверен по поводу типа искомого дома.

Проходит еще полчаса, прежде чем я чувствую, что рассказал ей все, что приходило на ум. Весь процесс больше не кажется таким устрашающим, и мне уже не терпится начать поиски.

— Может, начнем в эту субботу? — спрашивает Мэделин, глядя на календарь на ноутбуке. — Это даст мне достаточно времени для составления списка домов, и ты сможешь сесть и обдумать варианты, которые ты мне сегодня озвучил, и посмотреть, не изменишь ли мнение.

— Звучит отлично.

Сегодня четверг, так что суббота всего через два дня, но кажется так долго.

— Можно мне сегодня прийти за Мышонком, чтобы побегать с ним?

Она прекращает делать записи и пялится на меня из-под ресниц.

— Правда? Ты не обязан бегать с ним только потому, что я предложила.

Я настаиваю, хоть и знаю, что пожалею о своем решении утром. У меня были тренировки, но я не бегал на длинные дистанции со времен Чикаго. Мои ноги уже горят при одной мысли об этом.

— Ладно, — скромно улыбается она, снова фокусируясь на заметках перед собой. — Можешь заехать в шесть. Но должна предупредить. Кажется, Мышонок набрал пять-семь килограмм только за прошедшую неделю.

Глава 14

Мэделин

У меня нет ни единой разумной догадки, почему Адам хочет бегать с Мышонком. Конечно, он упоминал свою любовь к бегу, но он сам может бегать в любое время, когда захочет. Мышонок правда так сильно ему нравится, или в этом есть нечто большее? Я размышляю над этим, носясь по квартире и убирая ее со скоростью света. Единственная, кто хоть иногда приходит сюда, это Дейзи, но я никогда не убираю перед ее приходом. Она видела это место во всей красе, но Адам — не тот случай, и он *никогда* не увидит мой варварский стиль жизни холостячки, если я, конечно, хочу, чтобы он думал обо мне, как о взрослой. Я начинаю с уборки пылесосом, но времени для этого нужно в два раза больше, чем я думала, благодаря шерсти Мышонка, которая, в последнее время, кажется, выпадает с угрожающей скоростью. Убирая

квартиру пылесосом, трижды спотыкаюсь об шнур от пылесоса, прежде чем заканчиваю. На коленках появляются не слабые синяки, и я сильно ударила мизинцем на ногу, но на полу ни шерстинки.

После этого я выдраиваю ванную и кухню. Выношу мусор и нагружаю еще один мусорный пакет вещами, которые давно нужно было выбросить: пустые бутылки из-под шампуня, старые журналы, раскраска-антистресс, которую мне купила Дейзи и которую я так и не использовала. Я вырвала из нее одну-две странички, чтобы положить на них жвачку, что неким образом сняло мой стресс. *Спасибо большое, антистресс.*

Когда мусорный пакет становится невыносимо тяжелым — таким тяжелым, что я со стоном влачу его по полу — я решаю, что чаще буду убирать дома.

— Ты слышишь, Мышонок?! Мы будем убирать минимум раз в неделю, ну, если нас не выгонят отсюда!

Он не отвечает, и когда я выхожу из ванной, вижу, что он грызет шнур от пылесоса. *Хороший пес, спас меня от еженедельной уборки.*

Теряю счет времени, и внезапно вижу, что уже без десяти шесть. Я все еще в рабочей одежде, и не могу понять, как я в ней выгляжу. Подумываю переодеться, но Адам должен приехать с минуты на минуту, а мне все еще нужно отнести второй мусорный пакет к бакам, сложить пылесос, зажечь свечу и каким-то образом научить Мышонка, как себя вести прежде, чем приедет Адам.

Бесполезно. Я бегу обратно в квартиру, когда замечая Адама, подъезжающего к парковке. Если это возможно, его машина блестит даже больше, чем в последний раз, когда я ее видела. Мне очень хочется, чтобы он не парковался рядом с моей развалюхой. Это просто жестоко.

— Эй, Мэделин, — произносит он, открывая дверь и выходя.

Он в спортивных шортах и футболке, кроссовках и бейсболке. Наверное, выглядит сексуальней, чем когда-либо, что не имеет смысла, учитывая, что половина его лица скрыта за авиаторами.

— О, привет, Адам. Идем, Мышонок внутри, тебя ждет, — *и, наверное, терроризирует мою квартиру каким-то новым, креативным способом.*

— Ты откуда? — спрашивает он, поворачиваясь позади меня к моему квартирному комплексу.

— О, от мусорного бака. Нужно было выбросить мусор.

— Ааа, это объясняет обертку от мороженого, что прилипла к твоему платью.

Смотрю назад, и, конечно же, этикетка от мороженого «Сникерс» прилипла прямо к моему бедру. Когда я отдираю ее, шоколадные капли впитываются в ткань.

— Уф... Прекрасно... прицепилось из мусорного бака. Я не покупаю десерты, придерживаюсь протеинов и брокколи.

Он хохочет и следует за мной внутрь. Мышонок сходит с ума, когда замечает Адама, подпрыгивая и скуля, пока Адам, наконец, не берет его под контроль. Я даже не парюсь извинениями или попытками объяснить его поведение. Адам знает, в какую громадину превратился Мышонок, и только чудо поможет ему обрести манеры сегодня вечером.

— Я быстро переоденусь, чтобы застирать платье, — бросаю через плечо. — Чувствуй себя как дома, можешь пройтись и посмотреть что хочешь.

Закрываю дверь в комнату, снимаю свое платье-футляр и роюсь в ящиках, пока не нахожу пару спортивных шорт и майку. Заниматься я не планировала, но мне нравится иллюзия, которую создает такая одежда.

— Мне нравится, как ты обставила комнату, — выкрикивает Адам из гостиной.

— Спасибо! В холодильнике есть вода, если тебе нужно!

Две секунды спустя слышу шум и выбегаю, одергивая майку вниз. Половина содержимого моего холодильника валяется на полу. Адам стоит, как замороженный — нет, *объятый ужасом*.

— О, боже, я забыла предупредить тебя...

— Я всего лишь открыл дверь... и все выпало.

У меня крохотный холодильник, как половина обычного. Я бы пожаловалась мистеру Холлу, но знаете, попрошайкам грех привередничать. Так или иначе, мне хватает. Я запикиваю всю еду внутрь, аккуратно складываю ее, так, что она не выпадает, если холодильник открывать медленно.

Адам, конечно же, не подумал об этом, а теперь нагнул себя собирать йогурт и яблоки.

— У меня маленький холодильник, — тщетно оправдываюсь я, словно это поможет.

— Ага, извини. Я пытался взять воду, но даже не думал приготовиться к лавине.

Смотрю вверх и вижу, что он улыбается.

— Ты *прикалываешься* надо мной?

— У меня такое чувство, что кто-то должен. То количество происшествий, что с тобой случается ежедневно, должно побить чей-то рекорд Гиннеса.

Да, да, да. Я встаю и начинаю запихивать еду обратно в холодильник, прежде чем передать ему кувшин с водой.

— Вот, мистер Умирающий от жажды. Наливай сколько влезет.

Он также забирает предложенный мною стакан, а затем опирается на столешницу. Я опираюсь на противоположную, и моя малюсенькая кухонька кажется слишком тесной для нас двоих. То есть, она всегда кажется маленькой, но сейчас ощущается *микроскопической*. Если я немного продвину вперед стопу, то коснусь его кроссовок. Интересно, о чем он думает. Он, наверное, привык к чему-то более просторному, более современному. Мои бытовые приборы из каменного века, а посудомоечная машина, хоть и не использованная мною ни разу, даже не работает. Я храню в ней зимние вещи, потому что я очень изобретательная.

— Можешь побежать с нами, если хочешь.

Я фокусирую свое внимание на его лице после того, как тридцать секунд пялилась на его ноги. Меня раньше вообще заботили мужские ноги?

Адам улыбается, до сих пор издеваясь надо мной.

— Я лучше застряну в пустыне с Лори.

Он смеется.

— Не поклонник бега?

— Спортивные гены достались моему брату. А мне...

— Гены неуклюжести.

Я ухмыляюсь.

— Как с языка снял.

Он заканчивает с водой и поворачивается к посудомоечной машине. В этот раз я реагирую быстрее и останавливаю его.

— О! Не переживай! — произношу я, забирая стакан из его руки.
— Я все мою руками.

Мышонок дуреет, как только я хватаю его поводок. Адам пристегивает его к ошейнику и салютует мне по пути к двери, обещая надолго не задерживаться. Закрываю после них дверь, прижимаюсь к

ней спиной и затем медленно перевожу взгляд на то единственное, что забыла убрать: кучу грязной одежды посередине гостиной. Прекрасный вид для Адама, особенно с чисто розовым лифчиком наверху, который я купила Бог знает когда и надеваю, только когда нет другого выбора. Проходит лишь секунда, за которую я прикидываю, как много увидел Адам. Все, на сто процентов. *Зашибись*. Теперь он, наверное, думает, что я вывалила здесь корзину для стирки нарочно, словно у меня получится соблазнить его своим бельем. Я стону и несую одежду в спальню, затем заставляю себя включить видео с упражнениями по YouTube. Или это, или продолжать убирать. Я не могу смотреть телевизор, пока Адам занимается с моей собакой. Это чувствуется неправильно.

К тому времени, когда спустя сорок пять минут он стучит в мою дверь, я лежу кучей на полу, обливаясь потом и отказываясь встать.

Видео по йоге, выбранное мною, называется «Йога для любителей», ну, или я так думала. Быстро проверив, убеждаюсь, что ошиблась. Там написано «Йога для усердных».

Адам стучит повторно, и я знаю, что мне придется встать с пола. Пытаюсь двинуть ногой, но она не шевелится. Стону и пытаюсь снова, заставляя себя встать. Каждый шаг к двери отдается болью, и предплечье горит, когда я поворачиваю дверную ручку.

Адам, благослови его Господь, выглядит, как потный Бог на моем пороге, футболка прилипла к его груди и предплечьям. Мышонка стоит возле него, тяжело дыша и светясь, как лампочка.

— Кажется, вы двое хорошо провели время, — произношу я, открывая дверь достаточно широко, что они могли зайти.

— Ты принимала душ? — спрашивает он, без сомнения удивленный моим нынешним состоянием.

— Йога для усердных, — шепчу я, чувствую боль с каждым вдохом. Он смеется.

— Звучит так, словно тебе нужно сходить с нами на пробежку.

Он открепляет поводок Мышонка, и пес срывается к миске с водой. Я хромаю в кухню и наливаю Адаму стакан воды, а затем и себе. Мы снова стоим друг напротив друга в скромном пространстве, как и раньше, только теперь с нас обоих скатывается пот, и я думаю, что мне нужно сказать мистеру Холлу, что кондиционер снова не работает, потому что воздух ощущается горячим, затхлым.

Никто из нас не говорит, пока мы попиваем воду. Не могу найти достаточно смелости, чтобы поднять на него глаза. Вместо этого, я фокусируюсь на Мышонке, который хлыщет воду из миски, а затем плюхается рядом с нами.

— Хороший из него компаньон для бега? — спрашиваю я Адама.

— Поначалу был ужасный, но спустя первую милю, кажется, втянулся.

Я улыбаюсь своей собаке.

— Слышишь, Мышонок? Ты был ужасным только *сначала*. Это прогресс!

Мышонок виляет хвостом.

Адам смеется, и я осмеливаюсь бросить на него взгляд: он наблюдает за мной, точнее, изучает. Мне хочется пригладить волосы рукой. Поправить хвост, майку. Думаю, она сместилась, пока я занималась, и я не уверена, но, кажется, декольте открыто больше, чем положено. Но если я поправлю майку, то привлеку к своей груди *еще больше* внимания, а я не сделаю этого. После моего полного фиаско с розовым лифчиком я пытаюсь убедить Адама, что не пытаюсь *отчаянно* соблазнить его.

— Почему ты так на меня смотришь? — спрашивает он, наклоня голову набок.

Эта его чертова улыбка на месте. Такая уверенная. Такая вызывающая.

Я отворачиваюсь.

— Что? Не знаю, о чем ты.

— Твои глаза почти выглядели, словно ты...

Возбуждена?!

— Заскучала, — вставляю я, двигаясь мимо него, чтобы поставить чашку в раковину. Нам нужно убраться из моей кухни. Никогда раньше не думала, что она станет теплой берлогой для секса. Таким укромным местом, со всеми этими чашками, и сковородками, и лопатками... Я содрогаюсь.

Звонит телефон Адама, и я говорю ему ответить на звонок, но он качает головой.

— Это не звонок, а напоминание, которое я установил неделю назад, чтобы напомнить себе о встрече торговой палаты, которую мне нужно сегодня посетить.

— Когда она?

— Через двадцать минут. *Дерьмо.*

У него, скорее всего, не хватит времени, чтобы съездить домой и переодеться.

— У меня в машине есть рабочая одежда... — произносит он, думая вслух. Затем его взгляд перемещается в сторону моей ванной, и я догоняю его мысль лишь спустя какое-то время.

— О! Да, точно, ты хочешь принять душ?

Он запускает руку в волосы.

— Я не хочу мешать. Просто совершенно забыл о встрече...

Я отмахиваюсь от его беспокойства.

— Ты не помешаешь. Ты позанимался с моим сумасшедшим псом! Меньшее, что я могу сделать для тебя, это пустить в свой душ.

Он благодарит меня и выбегает к машине за одеждой. Я использую эти тридцать секунд, чтобы пробежаться по ванной взглядом и убедиться, что ничего смущающего там не оставила. Когда он входит в ванную, я как раз прячу триммер для зоны бикини. Резко оборачиваюсь и улыбаюсь.

— Прости, у меня нет мужских ванных принадлежностей. Будешь пахнуть лавандой.

Он пожимает плечами.

— Или так, или грязным телом.

Улавливаю запах пота и мужского мускуса с ноткой его геля для душа. Я почти собралась сказать ему, что ничего страшного, если он пойдет на встречу так, как есть, но не говорю этого, потому что он почти обвинил меня в *возбуждении*, а я не знаю, что случится, если он узнает, что я на самом деле была *возбуждена*. Он все еще позволит мне продать ему дом? Будет ли чувствовать себя странно возле меня после этого?

Выяснять это, у меня желания нет.

— Хорошо, я буду там, — отвечаю я, указывая на коридор.

Он кивает и включает душ. Даже закрыв дверь, я слышу, как он двигается в ванной. У меня слишком маленькая квартира.

Одежда падает на пол, затем шторка душа сдвигается в сторону. Нога ступает в ванну, и вода падает на голое тело Адама. Я с силой сжимаю глаза, когда он открывает бутылку с шампунем.

Адам намыливает себя, может, моет голову, и я не могу выдержать

это. Включаю музыку и вручную мою стаканы, которые мы использовали для воды. Проходит секунда, и я снова перебиваю их.

Мышонок паяется на меня.

Он знает мои секреты.

Знает мой позор.

Я прогоняю его и снова перебиваю посуду.

Душ выключается, и шторка снова сдвигается в сторону. Я вздыхаю с облегчением. Через несколько минут Адам высохнет, оденется и выйдет из моей квартиры.

— Эм, Мэделин?

Его голос шокирует меня достаточно, чтобы я уронила стакан в раковину. Слава Богу, он остался цел.

— Да? — отзываюсь я, голос дрожит больше, чем мне бы хотелось.

— У тебя есть здесь полотенца?

Конечно, я забыла положить ему полотенце. Прибавьте к списку моих проколов еще и «плохая хозяйка».

— Проверь средний шкафчик, — кричу я, — там должно быть одно.

— Уже проверил.

Мои глаза мечутся к грязному белью в моей спальне. Одно, второе, третье грязное полотенце торчат из кучи. Я морщусь. Мне пришлось использовать их вчера, когда Мышонок пришел грязный после прогулки. *Да. У меня нет чистых полотенец.* Адам голый в моей ванной, а мне нечего ему дать. Я дергаю кухонный ящик возле бедра и достаю все чайные полотенца, что могу найти. В общем количестве их пять — может, если он использует их с умом, ему хватит их, чтобы высушиться.

— Адам? — спрашиваю я, подступая к двери в ванную. — Я понимаю, что это прозвучит странно, но...

— У тебя нет чистых полотенец.

— Это Мышонок виноват! Послушай, приоткрой дверь, и я передам тебе свои кухонные полотенца. Они маленькие, но чистые, так что должны подойти.

Адам прыскает со смеху, и я знаю, что он добавляет эту ситуацию к списку вещей, с которых захочет посмеяться позже. *У кого нет чистых полотенец в целой квартире? У Мэделин Тэтчер, вот у кого.*

— Хорошо, давай их, — отвечает он, приоткрывая дверь и

протягивая руку.

Передача должна была пройти гладко. Я просовываю полотенца в щель, он хватает их, закрывает дверь, вытирается и убирается нафиг из моей квартиры.

Но я не учла Мышонка. Не учла тот факт, что он соскучился по Адаму за те пару минут, что он находится в душе. Не учла, что Мышонок прорвется вперед с такой силой, что распахнет дверь в ванную настежь. Все превращается в такую замедленную съемку, что мне и не снилось.

Моя рука протянута в попытке отдать Адаму полотенца.

Он стоит на пороге ванной, голый и с капельками воды на теле. Загорелый с головы до пят, и я знаю это, потому что впитываю всю его нагую красоту, каждый ее дюйм. КАЖДЫЙ. ЕЕ. ДЮЙМ.

У меня отваливается челюсть.

Этот мужчина — мили загорелых мышц, с крепким прессом, сильными бедрами. Мой взгляд падает на все — и я имею в виду, *на все* — прежде, чем я прихожу в себя, драматично хлопаю ладонью поверх глаз и кричу:

— У тебя есть шрам на бедре!

Он дергает полотенца из моей руки.

— Упал с велосипеда в семь лет. Еще один сзади увидеть хочешь?

Я содрогаюсь от мысли увидеть его задницу.

— Нет... пожалуйста... то есть, нет, спасибо, — выдаю я.

— Я пошутил.

— *Мне жаль.*

— Так ты собираешься отвернуться? Мышонок стоит в дверном проеме, а ты блокируешь его, поэтому я не могу закрыть дверь.

Я тут же двигаюсь, хватаю Мышонка и оборачиваюсь, прилагая максимальных усилий, чтобы не умереть на месте. Дверь в ванную закрывается за мной, как раз, когда я врезаюсь в стену. Мне так страшно убрать руку с глаз, пока я не дохожу до кухни. Прижимаюсь к холодильнику и пытаюсь успокоиться, но сердце бьется в диком ритме в груди, *бум, бум*, ударами такими сильными, что я чувствую, что сейчас мои артерии полопаются.

Руки опускаются на рот, и я прикусываю кулак, чтобы не издать ни звука.

Ни стона.

Ни вздоха.

Ни смеха.

Все, что может выйти из него. Не хочу, чтобы Адам думал, что я теряю рассудок. Крепко зажмуриваю глаза и вижу всю картину снова. Словно остаточный эффект после того, как долго пялишься на солнце. Поворачиваю лицо к холодильнику и открываю его, дергаю дверь туда-сюда, чтобы прохладный воздух остудил его.

Если честно, прошло *очень* много времени с тех пор, как я видела голого мужчину в последний раз, но я знаю, что не поэтому реагирую вот так. Я встречалась с симпатичными парнями, но никогда не видела во плоти такого мужчину, как Адам. Одна секунда случайной вспышки разрушила меня для любого другого мужчины после него.

Дверь в ванную открывается, и я дергаюсь в сторону раковины. К тому времени, когда Адам проходит, я притворяюсь, что снова мою свой стакан из-под воды.

— Этот стакан уже блестит от чистоты.

Ставлю его на полотенце для суши и поворачиваюсь, заставляя себя посмотреть в его направлении. *Я могу сделать это. Я могу быть нормальной.*

Он снова в рабочей одежде, но разве это имеет значение? Он солнце, помните? Каждый раз, когда я моргаю, он снова в дверном проеме ванной.

— Мне правда, очень, *очень*, жаль, — снова повторяю я, надеясь, что он не затаит на меня зла.

Адам ухмыляется, используя одно из кухонных полотенец для волос.

— Прошло немало времени, прежде чем ты отвернулась.

— Немало? — хриплю я.

— Думаю, я знаю, откуда у Мышонка его манеры.

— Ну, ты не так уж и быстро прикрылся!

— Я имею в виду, ты почти вычислила все мои шрамы.

Нет смысла скрывать мой румянец.

— Ага, ну, подай на меня в суд. Я замерла от шока.

— От шока? Или от чего-то другого?

Его зеленые глаза находят мои, и я отчаянно хочу отвернуться, задавая вопрос:

— Что ты имеешь в виду?

Он вздыхает и качает головой.

— Не обращай внимания. Мне нужно бежать, иначе я опоздаю.

О, точно, встреча — причина, по которой он вообще принимал здесь душ.

Я провожаю его до двери и пытаюсь придумать что-то, чтобы облегчить напряжение между нами. Покупка дома кажется на самом деле достойной темой.

— Так суббота все еще в силе?

— Что? — спрашивает он, сбитый с толку.

— Просмотр домов?

— О, ага. Да. Отправь мне сообщение и дай знать, где тебя встретить.

Я придерживаю дверь, и Адам проходит мимо. Думаю, он уйдет, не сказав ни слова, поэтому что-то заставляет меня осмелиться и застать его врасплох. Думаю, он хотел, чтобы ранее я была честной, чтобы сказала то, что на самом деле думала.

— Адам?

Он оглядывается через плечо.

— Если бы на твоём месте оказалась я, сомневаюсь, что ты отвернулся бы.

Думаю, эта фраза — убийственна, одна из тех, которую ты говоришь в нужном месте в нужный час. Прямо пока не получаю сообщение от Адама, в котором он отменяет нашу встречу в субботу.

Глава 15

Мэделин

Адам привел весомую причину своего отказа встретиться со мной: один из владельцев его пациентов позвонил ему и попросил срочно приехать, и Адам согласился поехать в клинику, чтобы проверить. В своем коротком сообщении он не уточнил, какого рода была срочность, но зачем мне в нем сомневаться. Он бросил все свои субботние планы, дабы помочь животному. Как я и сказала, весомая причина.

Проблема в том, что он не связался со мной после этого. За последние несколько дней я звонила ему, оставляла голосовые

сообщения, маякнула ему парой профессионально коротких е-мейлов, и даже написала пару смс, когда мой здравый смысл уже засыпал.

В ответ получила ноль. *Дырку от бублика.*

Мы снова возвращаемся в начало, и это не имеет смысла. Когда мы вместе, его дружелюбность даже граничит с флиртом. Когда раздельно, он не просто ведет себя иначе, он вообще пропадает с радара Земли.

Сначала я верю его словам. Может, он на самом деле плох в общении. Может, ему нравится жить своей жизнью, необремененной современными технологиями. Может, ему настолько неловко от того, что я увидела его *нижний полюс*, что он не может откопать смелость, дабы написать мне ответ.

Жаль, что ни одно из этих жалких оправданий не клеится. С Адамом что-то происходит, и кажется, я знаю, что именно.

Я ему нравлюсь.

Подсказки приходят. Он флиртует со мной, когда мы вместе, ревнует к ковбою на встрече одинок и приходит бегать с Мышонком. Зачем ему делать что-либо из этого, если я ему не нравлюсь?

Дейзи не согласна.

— Звучит так, словно ты выдаешь желаемое за действительное.

От ее пессимизма я попросту отмахиваюсь.

— Послушай, ты не видела, как он ведет себя рядом со мной. Он приезжал, чтобы взять Мышонка на пробежку, а на меня смотрел, словно *хотел* меня.

Она не верит и мычит. Зашибись подруга.

— Ты уверена, что он не был банально возбужден? То есть, как хорошо ты знаешь этого парня? Если бы ты ему нравилась, он бы тебе написал.

Проверяю телефон, и единственное сообщение, ожидающее меня, это смс из местной пиццерии с предложением купона за то, что я такой лояльный покупатель. Ну все, больше не даю свой номер в пиццериях. Единственное сообщение, которое я хочу получить, это от Адама. И тем не менее, от купона грех отказываться.

— Разве нам не нужно войти? — спрашивает Дейзи, наклоняясь, чтобы поглазеть на здание ХАМЛ через лобовое стекло.

Сегодня второй урок дрессуры для щенков, а мы сидим на парковке в ожидании начала урока. Мы остановились, чтобы поесть сэндвичей по

пути сюда. Кажется, я сказала Дейзи, что это будет пикник, но вместо него мы сидим в моей машине. Я приканчиваю свой сэндвич и отдаю маленький кусочек индейки Мышонку.

— Пока нет. В последний раз Мышонок был очень встревожен другими щенками, и все вели себя очень обиженно. Хочу минимизировать количество времени, которое он проведет рядом с ними.

— Это Лори?! — спрашивает она, сильнее вжимая лицо в стекло.

— О, да, — я закатываю глаза. — Она приходила в прошлый раз, дабы попытаться убедить Адама нанять ее в качестве агента. Не знаю, почему она вернулась.

— Ну и старая же у нее собака.

— Да, это так и есть.

Я привезла с собой Дейзи, потому что мне нужен кто-то, кто оценит ситуацию с Адамом и скажет мне, не слишком ли много я в ней вижу. Она — идеальный кандидат на эту роль, потому что одна она скажет мне то, что я хочу услышать. Когда я пыталась зафиксировать челку с помощью геля для волос в восьмом классе, она честно сказала мне, что я выглядела, как клоун, и приказала мне отрастить ее. С тех пор я доверяла ей безоговорочно.

Когда мы входим, то видим в помещении еще больше женщин, чем на первом занятии. Двенадцать убогих стульев поставили полукругом в центре, и тем, кому не повезло ухватить себе место, слоняются по периметру.

— Ого. Адам какой-то известный в мире собачий тренер или что-то в этом роде? — спрашивает Дейзи, окидывая взглядом группу женщин, пока мы направляемся в заднюю часть.

Бросаю на нее понимающий взгляд.

— Нет, он совершеннолетний холостяк в маленьком городке.

И словно в подтверждении моих слов, когда Адам входит в дверь спортзала спустя несколько минут в джинсах и футболке ветклиники Гамильтона, в толпе растекается шепот. Все садятся немного ровнее и поправляют грудь, приподнимая ее немного повыше. Дейзи смеется, и ее смех привлекает внимание всего зала. Адам выискивает глазами источник и его зеленый взгляд пересекается с моим. Мой желудок делает сальто, и я задерживаю дыхание. Прошла почти неделя с тех пор, как он был в моей квартире, и я не совсем уверена, как реагировать.

Мне хочется злиться на него за то, что он не отвечал на мои сообщения, за то, что снова полностью пропал, но затем на его лице появляется широкая разрушающая улыбка. Он счастлив меня видеть. В груди екает, и Дейзи приходится ткнуть меня локтем в бок, чтобы я оторвала взгляд.

— Видишь? — говорю я ей.

— Ладно, хорошо. Он выглядел действительно счастливым при виде тебя, но помнишь, как он не потрудился перезвонить, или написать тебе за последние несколько дней?

Помню, но теперь, когда он здесь, во плоти, я, кажется, не могу удержать ни капли злости, которая бурлила во мне последние пару дней. Адам здесь, а больше ничего и не нужно. Начинается урок, и Адам распределяет нас по залу. У нас опять тренировка с кликером, и сегодня он добавляет новых трюков в репертуар. Мы должны прорабатывать команду «стоять», когда он пробирается ко мне и Дейзи.

— Как справляется Мышонок? — спрашивает он, похлопывая его рукой по голове.

Я начинаю сиять.

— Очень хорошо. Он сидит и стоит несколько секунд перед тем, как сойти с ума.

Адам смеется.

— В начале этого и стоит ожидать. Он начнет исполнять лучше, если будешь больше с ним работать.

— Ну тогда, нам лучше вернуться к тренировке.

Он кивает, но не разрывает зрительный контакт, не уходит, чтобы проверить других учащихся.

— Прости за последние несколько дней. Я знаю, что ты пыталась связаться со мной, чтобы сверить дату просмотра домов, и...

— Не переживай, — улыбаюсь я. — Правда, все в порядке.

Он хмурится, словно удивлен, что отделался так легко.

— Хорошо тогда. Ну, может, пересечемся после урока?

Я улыбаюсь.

— Конечно.

Дейзи имеет наглость высказать мне, как только он покидает область нашей слышимости.

— Ты сломалась уже в первые пять секунд, как только увидела его!

— Он оказался раскаивающимся, — отвечаю я, пожимая плечами.

— Нет, — шепчет она, — ты попросту увидела его глаза, линию

челюсти, и превратилась в лужицу.

Я обдумываю ее обвинение. У него *действительно* сильная челюсть.

— А ты вообще думала, что, может, я взрослый человек, который знает, как справиться с собой на публике?

— Нет. Ни разу не думала.

Глупая Дейзи. Если бы она оказалась на моем месте, то влюбилась бы в Адама и потребовала извинений, но мне они не нужны.

— Но ты хотя бы видишь, что он заинтересован?

Она сужает глаза, обдумывая ответ.

— Он кажется чересчур дружественным с тобой, но не с другими учащимися.

— *И* ты видела, как он улыбнулся мне, когда вошел?

Она неохотно кивает.

— Видела.

Я пытаюсь не завизжать.

— Но почему ты так сильно хочешь ему понравиться? Ты собираешься что-то с этим делать?

— Оу, — я не думала об этом в таком глубоком русле. Я просто хотела оказаться правой в том, что нравлюсь ему. — Нет, я, скорее всего, не стану ничего предпринимать.

— Серьезно?

— Мне нужно что-то с этим сделать?

— Не обязательно, но разве ты не зарегистрирована во всех тех приложениях, разве не посещаешь встречи одиночек, потому что хочешь найти кого-то, с кем будешь проводить время?

— Да, верно, но Адам сказал мне в один день, что не готов к отношениям.

Дейзи смеется.

— Чушь собачья. Он с тебя весь урок глаз не сводит, словно ты покрыта шоколадом, а он жуткий сладкоежка.

— Фу.

— Я серьезно. Чтобы не скрывалось под тем его комментарием об отношениях, не думаю, что оно все еще актуально. Он хочет тебя.

Когда она обставляет все вот так, в этом появляется смысл. Адам холост. Я ни с кем не встречаюсь. Он кажется заинтересованным, а я *как пить дать* заинтересована. Единственная проблема, которую я

предвижу, это то, что я буду работать на него в агентстве. Хотя, Дейзи, кажется, не считает это проблемой.

— Так, ты показываешь ему несколько домов, зарабатываешь комиссионные и встречаешься с ним. Он согласился быть твоим клиентом раньше, чем ты стала им интересоваться. Конфликта интересов на самом деле нет, как по мне. Хелен упоминала что-нибудь о невозможности отношений между клиентами и агентами?

Я фыркаю.

— Ты сейчас издеваешься надо мной? Она открыто толкает на сближение с ними. Думаю, Лори встречалась с пятью из всех мужчин, которым она продала дом.

— Видишь? Идеально.

Киваю, обдумывая ее предложение.

— Так ты думаешь, мне стоит остаться после урока?

— Ты *должна*. Я уже попросила Лукаса приехать и забрать меня.

Тридцать минут спустя Дейзи уходит, а все присутствующие тянутся к выходу на парковку. Мы с Мышонком остаемся, пока Адам болтает с женщиной, расспрашивающей про тренировку с кликером. Чувство немного странное, особенно, когда она тянет и тянет время, изображая, словно никогда не слышала ранее о такой концепции. Остались только мы вдвоем, и она, кажется, не спешит уходить.

— Вот что я вам предложу, почему бы вам не прийти пораньше перед следующим занятием, и мы потренируемся больше, — предлагает Адам.

— О, правда? — спрашивает она. — Это будет здорово. Спасибо вам большое.

Она радуется с таким энтузиазмом, что мне хочется ее прогнать. Вместо этого я фокусируюсь на Мышонке и провожу дополнительные минуты, тренируя его — видит Бог, мне это нужно.

Несколько минут спустя, дверь спортзала закрывается, и я поднимаю взгляд, видя, как Адам идет ко мне. На мгновение думаю, что, может, мне не стоило оставаться.

— Нужна помощь с уборкой? — спрашиваю я, указывая кивком головы на стулья. Там также осталось несколько конусов после упражнений с походкой. Вообще одному понадобилось бы всего пять минут на уборку. Вместе мы справляемся за три.

— Спасибо, — отвечает Адам, принимая последний стул от меня

и складывая их все один на одного у стены.

— Без проблем.

— Что ж...

Он смеется и засовывает руки в карманы.

— Что ж...

Это мой шанс попробовать. Или сейчас, или никогда.

Шагаю вперед и готовлюсь к худшему.

— Послушай, Адам, я задавалась вопросом, не захочешь ли ты поужинать со мной или сходить куда-нибудь на этой неделе?

Кажется, мое приглашение застает его врасплох. Он проводит рукой по волосам, отворачивается в сторону, а затем смотрит на меня, прищурившись.

— Чтобы обсудить просмотр домов?

Улыбаюсь.

— Можем поговорить и о них, если захочешь, но я думала о чем-то немного более личном.

— Свидание?

— Сто процентов свидание, — отвечаю я, в моем голосе появляется больше флирта, чем я обычно позволяю. — Я помню, ты сказал мне, что не совсем готов, но нам с тобой не нужно делать из этого ничего особенного...

Он вздыхает и смотрит в сторону прежде, чем покачать головой.

— Нет, я не думаю, что это хорошая идея.

Моя улыбка даже не дрогнула, потому что, кажется, я услышала его неправильно. Проходит долгих десять секунд, в течение которых моя улыбка постепенно меркнет.

— Подожди, ты сказал «нет»?

— Я не собираюсь сейчас ходить на свидания.

Делаю крохотный шаг назад и перестраиваюсь.

— Переспрошу просто, чтобы убедиться. Ты отвечаешь «нет»?

Мой голос все еще обманчиво спокоен, хотя каждое нервное окончание загорается внутри меня и говорит бежать. В этом нет смысла. Я ему нравлюсь... разве нет? Разве не поэтому он так странно ведет себя в последнее время?

— Мэделин, послушай, — Адам подходит ближе. — Дело не в тебе. Поверь мне, с тобой это не имеет *ничего* общего.

Поднимаю руки вверх, чтобы он прекратил приближаться.

— О, боже, пожалуйста, перестань, пока не зашел дальше.

— Что? Но это правда. Ты думаешь, я чушь несу? Я не собираюсь встречаться прямо сейчас. Я только что разорвал помолвку. Мне нужно время, чтобы разобраться в своей жизни.

Не слышу ничего, кроме пустых, бесполезных слов.

— Тебе нужно время, чтобы разобраться в своей жизни? Прогуляйся по гребаной Аппалачской тропе! Если ты не готов к чему-либо, зачем флиртовал со мной? *Бегал с моей собакой?*

Он тянется вперед, но я делаю еще один шаг назад.

— Признаю, может, я ввел тебя в слабое заблуждение, но это не входило в мои планы.

Я обвинительно указываю на него пальцем.

— Ты ревновал к ковбою. Не хотел, чтобы я шла с ним домой.

Выражение на его лице напоминает боль, словно он не хочет причинять страдание мне.

— Ты права, я не хотел, чтобы ты шла с ним домой.

Я смеюсь, и смех звучит агрессивно, жестоко.

— Так давай проясним напрямую — ты не хочешь со мной встречаться, но и не хочешь, чтобы другие со мной встречались?

Он не отвечает.

— Я тебе нравлюсь, или я обманываю сама себя?

Адам делает шаг вперед и хватает мои руки, чтобы я больше не смогла уйти. Наконец, я оказываюсь так близко, как ему нужно, и у меня нет другого выбора, кроме как остаться стоять прямо перед ним, вдыхая запах его геля для душа. Он тошнотворный и идеальный одновременно. Терпеть его не могу, и все же хочется опустить голову на его грудь и сделать вдох.

— Ты мне нравишься. Ели бы я собирался сейчас встречаться, это была бы ты, ясно? — он наклоняется вниз и его взгляд встречается с моим. Даже при этом я прилагаю все усилия, чтобы сфокусироваться на полу спортзала. — Причина, по которой я игнорировал твои звонки и смс в том, что ты нравишься мне *очень сильно*. Конечно, я хочу встречаться с тобой. Конечно, мне хочется сходить с тобой на ужин. Мне хочется вернуться в тот вечер в твоей квартире и пропустить тупой разговор о деловой встрече. Ты понимаешь, о чем я? Я хочу тебя, но сейчас не подходящее время. Я пытался дать нам обоим немного пространства.

— Понимаю. Если бы мы встречались, я была бы для тебя девочкой для забвения, — он содрогается от комментария, но это правда. — Ты встречался с кем-нибудь после Оливии? Хотя бы интрижка на одну ночь была?

Адам едва заметно качает головой.

Я выдергиваю руки из его хватки. Это слишком. Я на пределе. Квартира, машина, работа, моя личная жизнь — нет ничего, в чем я бы преуспела.

— Это не имеет смысла, — отвечаю я больше себе, чем ему. — Почему бы мне не запастись на мужчину, который абсолютно не заинтересован в свиданиях? Идеально же.

Вскидываю руки в воздух и поворачиваюсь, чтобы забрать Мышонка. Я хочу уйти *сейчас же*.

— Мэделин...

Адам следует за мной, пытаюсь заставить меня послушать.

— *Дело не в тебе, а во мне*, — бурчу я под нос. — У Дейзи будет знаменательный день. Поверить не могу, что она уговорила меня на это.

— Мэделин, ты принимаешь все на свой счет.

— Конечно, принимаю! — кричу я как раз в момент, когда тянусь за Мышонком и хватаю поводок.

До выхода остается всего пара десятков шагов, когда Адам настигает меня, загораживая выход, так что я не могу выйти.

— О, очень *по-взрослому*, — корю я, скрещивая руки на груди и ожидая, пока он сдвинется.

— Я не выпущу тебя, пока ты не поймешь меня.

Сжимаю глаза, когда тревожные колокольчики начинают звонить в моей голове. Я собираюсь расплакаться. Слезы уже формируются, и если я заплачу прямо сейчас перед ним, возврата не будет. *Мне самой* придется пройти по Аппалачской тропе.

— Мэделин, послушай меня, — настаивает он, его голос звучит мягко и убедительно.

Он думает, что сможет объяснить мою злость, но вот чего он не понимает, так это того, что мне все ясно: он не в форме, чтобы встречаться, не хочет меня рядом и уважает меня слишком сильно, чтобы использовать, дабы забыть Оливию.

Я повторяю это все ему вслух, чтобы просто убедиться.

— Я все правильно понимаю?

Адам качает головой.

— Я *покончил* с Оливией, но это не значит, что я хочу с головой нырнуть в новые серьезные отношения.

— Понимаю.

Правда, *правда*, понимаю.

Он стонет, а после опять проводит своей гребаной рукой по волосам. Каждый раз, когда он так делает, они превращаются еще в больший беспорядок, и перед ними все меньше хочется сопротивляться.

— Дай мне выйти, Адам.

— Нет.

Пытаюсь пролистать в голове шаги по самообороне, которые я знаю из фильмов, просмотренных за года. Я могла бы ударить его по яремной вене, может, наступить ему на ногу, но это кажется слишком жестоко даже в этой ситуации.

Адам тянет поводок Мышонка из моей руки и бросает его на пол. Мышонок, ведомый своим собачьими инстинктами, отходит на несколько футов и укладывается на полу, игнорируя нас. Бросаю на него убийственный взгляд. *А что если появится настоящая опасность, Мышонок? Что ж ты за собака такая?*

Я делаю шаг влево, затем снова влево, думая, что мне удастся перехитрить Адама, но он хватает меня за плечи и прижимает спиной к двери. Я застряла между жестким материалом и твердым телом. Буквально. Бедро Адама вжимается между моих ног, загоняя меня в ловушку у холодной металлической двери. Именно такую позу я видела во сне ранее, но на месте Адама стоял Майкл Фассбендер, правда, у Майкла в глазах не было стольких эмоций.

— Я *сказал* тебе, что не хотел отношений, — говорит Адам, его ладони вжимаются в мои плечи достаточно, чтобы я перестала думать о том, как разорвать его хватку.

— Сказал, — выплевываю я, — а затем продолжил беспрестанно флиртовать со мной. Извини, если твои сигналы взяли на заметку! Обычно парни, незаинтересованные в свиданиях, не глазеют так, словно меня полили шоколадом!

Его брови нахмуриваются в смятении.

— Что?

— Ничего. *Уфф*, — я пытаюсь освободиться, но все без толку. Мне стоит позаниматься «Йогой для усердных» месяцами, и может, тогда у

меня появится сила вырваться. — Просто отпусти меня, чтобы я могла спасти остатки своего достоинства.

Кого я обманываю? От него ничего не осталось. В этом спортзале остались его последние крохи. Я с таким же успехом могу зайти в местный салон красоты и попросить сделать мне прическу «Лори», потому что для меня больше нет надежды.

— Мне плохо, — говорит он, наклоняясь ближе.

«Тебе и должно, — хочется сказать мне. — Ты заставил меня запасть на тебя. Зачем тебе это понадобилось?».

Вместо ответа я отворачиваюсь и монотонным голосом произношу:

— Ты делаешь мне больно.

Думаю, это будет концом. Ни один парень не захочет сделать девушке больно, уважение к женщине выгравировано в их мозгах двадцать первого столетия. Было бы сказано, но Адам даже не шевелится. Хуже — он начинает спорить. Его, наверное, вырастили волки — поэтому он и захотел стать ветеринаром.

— Нет, я не делаю тебе больно. Я едва тебя удерживаю.

— У меня слабые запястья.

Он смеется.

СМЕЕТСЯ.

Я дергаю головой назад и смотрю на него.

— Ты удерживаешь меня против моей воли. Думаю, это называется нападение.

Его взгляд падает на мои губы

— *Нападение?*

Чувство такое словно я только что подкинула ему гениальную идею. Он приближается на пару дюймов ближе, и запах его геля для душа пытается меня.

— Почему ты так смотришь на меня? Ты не готов к отношениям, забыл?

Адам кивает.

— Знаю.

Он все еще изучает мои губы, и в его зеленых глазах появляется искорка, затем огонь... затем *похоть*.

— Адам? — произношу я дрожащим голосом.

— Я собираюсь поцеловать тебя, — заявляет он.

— Не смей! — шиплю я. — Адам Фокс, НЕ СМЕЙ, ни при каких обстоятельствах...

Он буквально съедает остаток моего предложения своими губами на моих.

Целует меня, и на секунду или две я отказываюсь подчиняться. Он может двигать своим губами сколько хочет. Может сжимать мои запястья сильнее и держать меня в заложниках, но я не подыграю, не тогда, когда он захватывает мою нижнюю губу зубами и прикусывает ее так нежно. Ну, может, тогда... но я стону и целую его в ответ только, потому что это естественная реакция. Любой сделал бы также, правда.

Я уступаю ему, и он забирает весь контроль. Пробегает языком по моему рту, требуя впустить его, и я раскрываю губы него, потому что бессильна. Меня никогда прежде так не целовали.

Одной рукой Адам отпускает мое запястье, чтобы сжать мою талию пальцами. Он притягивает меня к себе, и я запускаю руку в его волосы, наконец-то давая волю своим пальцам в его шелковистых прядях, на которые глазела последние несколько недель.

Они короткие и мягкие, за них легко можно потянуть. Адам наклоняет голову, углубляя поцелуй. Звучат стоны и следуют толчки, но что хуже всего, их инициатор не он.

Вскоре между нашими телами не остается ни миллиметра. Его нога все еще между моих, и мы двигаем бедрами, пытаюсь стереть их в порошок. Я чувствую жар. Думаю, мои колени подогнулись бы, если бы Адам меня не поддержал. Это нужно остановить, но я спускаюсь пальцами вниз по его шее и держусь за него, будто за свою жизнь.

— *Мэделин*, — стонет он в мои губы.

Думаю, у меня случился мини-оргазм только от того, как он произнес мое имя, словно сам распадается на части.

Возьми меня. Забери меня и покончи с этим.

Его рука дрожит на моей талии, он проводит ладонью по моему телу, по животу, затем по груди, медленно... болезненно. Я содрогаюсь, и Адам снова это делает, в этот раз медленнее, чем в первый. Мурашки появляются на месте его прикосновения, и я рада, что одежда прячет мою голую кожу от его ладони. Если бы он прикоснулся ко мне, кожа к коже, думаю, я сделала бы что-то неловкое, например, разрыдалась.

Его губы покидают мой рот и опускаются ниже по челюсти к шее. Голова откидывается назад к двери — той самой, через которую я

собиралась упорхнуть всего несколько мгновений назад — и я крепко зажмуриваю глаза.

— *Да*, — вздыхаю я, когда его рот опускается ниже, и он целует мою грудь через одежду.

Мы *настолько* близко к точке невозврата у твердой металлической двери, когда в спортзале раздается пронзительный свист. Мы отскакиваем друг от друга. Я распахиваю глаза и замечаю тренера среднего возраста, стоящего в дверном проеме с противоположной стороны спортзала. У него волейбольный мяч в одной руке и свисток в другой — свисток, в который он до сих пор свистит со всей силы.

— *Господи*, — бурчит Адам себе под нос.

Я тянусь поправить рубашку и вытираю рот тыльной стороной ладони. Меня трясет — может, от того, что нас застигли, может, от того, что мы делали.

Тренер наконец-то позволяет свистку упасть себе на грудь.

— У нас соревнование по волейболу через двадцать минут, — кричит он. — Брысь отсюда.

Мышонок гавкает на него, и я хватаю поводок раньше, чем псу удастся сбежать.

Мы следуем его приказу и уходим в странном молчании. Адам идет за мной на парковку, но мне нечего сказать. Он только что рассказывал мне, что не готов к свиданиям, а затем мы устроили хардкор. Да, в этом есть смысл.

— Послушай, там...

Из меня вырывается стон. Я ментально и физически истощена. Если он снова заведет свою песню о том, что ему нужно пространство или как он *не готов* к свиданиям, я перестану себя контролировать.

Взмахиваю рукой и обрываю его.

— Адам, хватит. Мы не встречаемся. Я понимаю, что бы это ни было... — я качаю головой, — ничего не было, ладно? Я уже забыла.

Он не отвечает и не исправляет меня, и за это я благодарна. Здесь на пустой парковке он частично скрыт тенью. Он не выглядит, как Вежливый Адам, мужчина, любящий животных. Он выглядит как Адам Соблазнитель, мужчина, который был готов толкнуть меня к двери и испробовать на мне свои похотливые штучки. Другими словами, мы на опасной территории.

— Увидимся, — бурчу я, поворачиваясь прямо к своей машине.

Я выдыхаю только, когда мы с Мышонком оказываемся на главной магистрали. Это были... самые странные полчаса в моей жизни. Психологу будет, о чем задуматься. Ну а я? Я не хочу приближаться к этой теме даже на расстоянии трех метров.

Трафик почти пуст, на светофоре передо мной загорается желтый, а затем красный. Давлю на тормоз и смотрю на свою правую руку, которой сжимаю руль. На ней отпечаток ладони Адама, там, где он удерживал меня у двери. Он уже исчезает. К тому времени, как я добираться домой, он исчезнет полностью, но я не могу ждать так долго. Тру кожу другой рукой, от чего вся рука становится красной, пока цвет не поглощает след отпечатка.

Вот. Его больше нет.

Светофор загорается зеленым, и машина позади меня сигналиит.

— Уже ЕДУУУ, — кричу я в никуда.

Когда сворачиваю на улицу к своему квартирному комплексу, то не останавливаюсь на парковке. Проезжаю ее дважды, огибая блок, и обдумываю свои варианты. Я могла бы уехать прямо сейчас. То, что у меня есть здесь, жизнью назвать сложно. Я могла бы ехать, пока не достигну Хьюстона, Остина, Далласа. Могла бы продолжать двигаться, пока не доберусь до другого штата, другой страны. Могла бы начать жизнь сначала где-то и стереть последние несколько лет из своей памяти.

И, может, я бы так и сделала, если бы Мышонок не заскулил на заднем сидении, напоминая мне о моих обязанностях здесь, обо всех причинах, по которым я застряла в этом маленьком городке с его ничтожной жизнью.

Глава 16

Адам

— Адам, если бы мы знали, что ты будешь столько молчать, то пригласили бы манекен.

Я отрываю взгляд от нетронутого сэндвича с индейкой и вижу, как мама и Кэти с подозрением уставились на меня в ожидании ответа.

— А, да. Простите, — отвечаю я, пожимая плечами в ответ на их тревогу.

Прошло несколько дней после моего инцидента с Мэделин в ХАМЛ, и она не ответила ни на мои звонки, ни на сообщения. Столики в ресторане заполняются, и мне это не нравится.

Этим утром мама и Кэти позвали меня на ланч, а я не смог им отказать. С моим расписанием у меня нет времени на другую незапланированную встречу с мамой и ее игрушечной птицей.

Мы обедаем в кафе на Мэйн-Стрит, как раз напротив агентства недвижимости Мэделин. Не я выбирал ресторан, но я выбрал место за столиком, чтобы быть лицом к улице и видеть агентство. Мы здесь уже полчаса, а я ни разу не увидел Мэделин. Она, должно быть, ест на рабочем месте или выехала с клиентом.

— Если ничего такого не случилось, почему ты не ешь? — спрашивает мама. — Я уже почти закончила.

Чтобы доказать, что она ошибается, я беру сэндвич и кусаю его, не щадя.

— Ну ладно, — смеется Кэти. — Диана, я говорила тебе, что видела Мэделин в бакалейном магазине на днях?

Я притворяюсь, что все мое внимание поглощает сэндвич.

— Правда? Нет, не говорила.

Кэти кивает.

— Ага, всего лишь мельком. Мы обе направлялись к кассе, но она остановилась и заговорила со мной. Я даже не ожидала, что она вспомнит меня, поскольку они с Адамом очень мало побыли на барбекю.

Мама говорит:

— Она такая милая девочка.

— *Очень* милая.

Вот нет у меня чувства, будто они пытаются забраться мне под кожу, но именно это они и делают.

— Мы можем поговорить о чем-то другом?

Мама смеется.

— Конечно. Почему бы тебе не подкинуть нам тему?

— Как девочки? — я спрашиваю Кэти, зная, что именно я делаю.

Кэти одержима своими девочками, и она начнет говорить о них без умолку, стоит только завести тему. Этот прием я использовал несколько раз на неловких семейных обедах, когда моя мама намеревалась сосредоточиться на мне и моей личной жизни.

— О, с ними все прекрасно! Я рассказывала вам, что у Элли выпал еще один зубик?

Следующие полчаса я отключаюсь от них и погружаюсь вновь в свои мысли о Мэделин. Знаю, что на прошлой неделе я облажался. С самого начала я знал, что Мэделин была кем-то, в ком я мог бы быть заинтересован, поэтому приложил массу усилий, чтобы уважать это. Я пытался быть вежливым и отрешенным. Очевидно, меня настигали моменты слабости, но ничего столь ужасного, как то, что я сделал в спортзале.

Я пытался поступить правильно. Был так уверен, что откажи я ей и объясни, что не готов встречаться, это было бы джентельменским поступком, но тогда почему я чувствую совершенно противоположное? Выражение ее лица, когда я отказал ей, сломало что-то внутри меня. Она выглядела такой пораженной, такой полностью сбитой с толку. Ни одна женщина не захочет почувствовать себя настолько нежеланной.

Но проблема была не в Мэделин.

Она *очень желанна*.

Я хочу быть с ней. Боже, я бы взял ее у той металлической двери, если бы тренер нас не прервал.

И в этом проблема. Я говорю ей одно, а делаю другое. Не могу винить ее за то, что она злится на меня — я *сам* на себя зол.

С этого момента мне стоит оставить ее в покое к чертям собачьим. Стоит прекратить звонить ей и нанять кого-то другого для дрессуры на уроках. Стоит похоронить себя в работе и сфокусироваться на себе.

Вместо этого, по дороге в клинику после ланча, я звоню ей на рабочий телефон в офис, наполовину ожидая, что она возьмет трубку.

Спустя три гудка, это и происходит.

— Добрый день, Мэделин Тэтчер, «Недвижимость Гамильтона».

— Мэделин.

Следует длинная пауза, и я задаюсь вопросом, не повесит ли она трубку.

— Мы можем переговорить секунду? — спрашиваю я, прежде чем она заговорит.

Она вздыхает.

— Я на работе, Адам. Что тебе нужно?

Явно не хочет иметь со мной ничего общего.

— Думаю, нам нужно поговорить.

— Ладно, а вот я не думаю, что нам нужно говорить. Еще что-то? Никогда не слышал, чтобы ее голос был настолько лишен эмоций.

— Так ты расстроена моим поведением тем вечером?

— Абсолютно нет.

Она блефует.

— Хорошо, тогда я заеду и побегая с Мышонком сегодня.

— У меня планы.

Еще один блеф.

— Я заеду *перед* твоими планами.

Кто-то на ее конце трубки предупреждает о начале собрания через пять минут в конференц-зале. Она говорит им, что уже туда направляется.

— Если скажешь «нет», — продолжаю я, — я предположу, что ты расстроена моим поведением тем вечером.

Я не горжусь собой, но моя подлая тактика работает.

— Ладно, — отвечает она. — Будь у меня в шесть.

Ладно, может немного и горжусь.

* * *

Я стою у ее порога в 5.55 вечера, и слышу, как она возится в квартире. После моего стука она спешит к двери и отпирает замок. Меня немного вбивает в ступор ее вид — она стоит в коротком красном коктейльном платье. Оно приталенное, длина спускается до середины бедер. Едва ли.

Девушка надевает вторую сережку и кратким кивком показывает мне, что я могу войти.

— Входи. Я почти готова.

— К чему?

Может, она меня не слышит, или, может, чувствует, что не обязана отвечать. Мэделин исчезает в другой комнате, и я слышу, как она ищет что-то в шкафу. Мышонок прилагает все усилия, дабы монополизировать мое внимание, виляя хвостом возле моих ног с мячиком в зубах и отчаянно желая, чтобы его погладили. Тру ему за ушами, углубляясь пальцами в густой щенячий мех, и вытягиваю шею, чтобы заглянуть в комнату Мэделин. Она сидит на кровати и надевает туфли на высоких шпильках. Платье задралось по ногам, едва прикрывая верхнюю часть бедер.

— У тебя свидание?

Она дергает головой вверх и видит, что я наблюдаю за ней.

— *Нет*, мне просто нравится одеваться вот так веселья ради.

Сарказм так и слышен в ее словах. Она встает с кровати и закрывает дверь, перекрывая мне вид. С таким же успехом она могла бы послать меня в задницу.

На несколько минут мы с Мышонком остаемся одни. Я мог бы уйти и сам начать пробежку. Вместо этого наливаю себе стакан воды и сажусь на диван. Ее квартира кажется меньше, чем была прошлый раз, а может, я просто не уделил ей должного внимания. Теперь, пока Мэделин прячется в комнате, мне ничего не остается, как осмотреть здесь все.

Антикварный журнальный столик усеян книгами. Там также лежат стопки бумаг, под ноутбуком и на нем. Книжной полки я не увидел — не то чтобы она здесь поместилась — и кажется, вместо нее Мэделин использует столик. Книги лежат корешками ко мне, и я прочитываю названия, узнавая одно из них: «Весь невидимый нам свет» Энтони Дорра. Интуитивно тянусь к книге, оценивая степень потрепанности корешка. Между страницами нахожу желтый стикер и открываю на той странице, интересуясь, какой же абзац она сочла нужным выделить, чтобы позже к нему вернуться. Может, и мне он понравился.

— Роешься в моих вещах?

Я бросаю книгу, словно она воспламенилась.

Мэделин давится смехом и подходит, чтобы поднять книгу, отчего шелковое платье касается моей ноги, пока она приседает. Ловлю пальцами краешек и потираю между указательным и большим пальцем. Ткань мягче, чем я мог даже представить, и я отпускаю ее раньше, чем Мэделин может заметить.

— Ты не собираешься извиниться за то, что рылся в вещах? — подстегивает она, наконец-то встречаясь со мной взглядом. Понимаю, что хочу, чтобы она признала мое присутствие здесь с тех пор, как я вошел. Теперь, когда она это сделала, мне нечего сказать. Я откидываюсь на диване, всматриваясь в каждую деталь, приготовленную ею для другого мужчины. Ее длинные каштановые волосы свободно спадают мягкими прядями. Макияж ярче, чем я видел прежде, хоть его и немного. Губы накрашены нежным розовым, и пока я

на них пялюсь, вспоминаю, какие они на вкус.

— Думаю, это «нет», — отвечает она, пожимая плечами.

Мэделин отворачивается, и я тянусь за ее рукой. У меня нет на это права, и выражение ее лица это подтверждает.

— С кем у тебя свидание?

Она выгибает бровь в ожидании.

— Почему тебя это заботит?

Я тяну ее за руку, и Мэделин спотыкается. Это предупреждение: *Скажи мне, иначе я уложу тебя на этот диван, и твое свидание на сегодня накроется, как и моя пробежка с Мышонок. Мы повторим ту же ошибку, что допустили несколько дней назад.*

— С обычным парнем, — увиливает она.

— Где ты с ним встретилась?

Она отворачивается.

— На встрече одиночек.

Я отпускаю ее руку.

— Который?

— Высокий блондин.

Хмрю брови, пытаюсь вспомнить кого-то, похожего на ее описание. *Ковбой был блондином?*

— Я его не помню, — наконец признаю я.

Она улыбается, но улыбка больше похожа на издевку.

— Наверное потому, что тебя не было на встрече. Ты был на двойном свидании.

У меня еще сотни вопросов, но она возвращается к себе в комнату и выходит секунду спустя с маленьким клатчем. Мышонок спешит к ней, зная, что она сейчас уйдет, а ему не хочется, чтобы его оставляли. Она наклоняется и уверяет его, что вернется.

— Там, вроде как, прохладно, — говорю я, указывая на ее тончайшие лямки на платье.

Она смеется и встает.

— Думаю, разберусь, — направляется к двери и добавляет: — Послушай, можешь не дожидаться меня, когда вернешься с пробежки. Скорее всего, я не вернусь до поздней ночи. Если вообще вернусь.

С этими словами она уходит, а я остаюсь сидеть на диване, пока Мышонок скулит у двери и грустит оттого, что он остался здесь, а она ушла.

— Ага, — бурчу я, — и не говори, дружок.

Глава 17

Мэделин

— Это самое *лучшее* свидание, на котором я бывала, — провозглашаю я с сытым вздохом.

Передо мной в открытой коробке лежит порезанная пицца пепперони, достаточно шоколадного мороженого, чтобы я могла

питаться им несколько дней и самое лучшее — по телевизору идут старые серии «Офиса». О большем я и мечтать не могла.

— Больше не говори, что я не знаю, как утешить девушку.

Улыбаюсь и смотрю на Дейзи, на которой сейчас ужасная пижама-платье, пушистые носки и какие-то жуткие патчи-увлажнители, наклеенные под глазами. Мое убогое красное платье брошено на спинку кресла и заменено безразмерной футболкой и шортами от пижамы Дейзи. Я качаю ногами в своих пушистых носках, но на мне никаких увлажняющих масок. В конце концов, у меня убийственный макияж и мне бы хотелось его оставить, даже если никто, кроме Дейзи и Лукаса его не увидит.

Это кое о чем мне напоминает.

— Эй, Лукас! Ты не мог бы принести еще одну бутылку вина?

Он стонет из кухни. Ну да, кому же понравится играть роль дворецкого на вечер. Я быстро напоминаю ему все, что сделала для него, когда ему это было нужно.

— Помнишь ту крупную ссору с Дейзи, когда я приютила тебя на неделю?

Тишина.

Затем, спустя пару минут, бутылка охлажденного «розе» падает мне на колени.

— Открывайте сами, — говорит он, прежде чем направиться наверх в свою мужскую пещеру.

— Что он вообще там делает? — шепчу я Дейзи. — Ты проверила историю его браузера?

Она хватается штопор со столика и принимается за бутылку.

— Без шуток, он заинтересовался баскетболом. Просмотрел каждую игру «Спурс» в этом сезоне.

Я содрогаюсь от мысли выстрадать целое спортивное состязание.

— Разбирайся с вином. Думаю, можно посмотреть еще пару серий, прежде чем мне нужно будет ехать домой.

— Я все равно не пойму, зачем нужно было устраивать это фальшивое свидание.

— Оно не фальшивое, Дейзи, я *на свидании*. Я была влюблена в тебя последние двадцать лет.

Она до верха наполняет мой бокал вином.

— Оборжаться.

Пожимаю плечами.

— У меня не было другого выбора. Адам приехал, а я не могла встретить его в пижаме. Он уже видел, насколько жалкая моя жизнь, потому мне захотелось, чтобы он понял, что у меня есть подобие личной жизни и без него.

— Но у тебя же ее нет.

Я указываю рукой перед собой на наши бокалы, пиццу и свои пушистые носки.

— А это как называется?

— Дружба с нездоровыми взаимозависимыми тенденциями.

Я улыбаюсь.

— Ну, а мне кажется, что это начало чего-то очень, *очень* особенного.

— У тебя проблемы, и мне жаль, но я смогу посмотреть еще только одну серию. У меня овуляция, и нам с Лукасом нужно...

— СТОП. Господи. Ты же о моем брате говоришь.

— Специалист по оплодотворению говорит, что нам нужно превратиться в кроликов.

Я засовываю пальцы в уши.

— Ла, ла, ла, ла, ла, ла.

— И если мы не зачнем в этом месяце, значит, нам нужно начать обсуждать другие варианты.

Опускаю пальцы и пялюсь на нее. Она смотрит вниз на свои руки и покусывает нижнюю губу, явно расстроенная. Они с Лукасом пытаются зачать ребенка уже больше года. Я сидела с Дейзи и видела все ее тесты на беременность — все отрицательные, и всегда разочарование.

Я толкаю ее локтем.

— Мне жаль.

Она пожимает плечами.

— Все в порядке. То есть, мы еще даже ничего не рассматривали. У нас все еще много вариантов.

— Ага... Я просто знаю, каким тяжелым стал для тебя последний год. Не забывай, я могу познакомить тебя с невесткой Адама, Кэти, если хочешь. Она принимала «Кломид», и после зачала близняшек.

Дейзи не встречается со мной взглядом. Думаю, заплачет, если поднимет на меня глаза. Вместо этого, тянется вперед и сжимает мою

руку. Мы сидим вот так некоторое время, смотрим «Офис» и притворяемся, что все в порядке.

* * *

К тому времени, как я направляюсь домой, меня клонит в сон от вина, и я готова залезть в постель. Было весьма тяжело снова надеть это платье, а каблук я даже не пыталась. Они валяются на пассажирском сидении, когда я подъезжаю к своему квартирному комплексу.

На парковочном месте рядом с моим стоит знакомая черная «Ауди» Адама.

Какого черта?

Парковую машину.

Почему он до сих пор здесь?

Оптимист во мне уверяет, что его машина сломалась, он оставил ее здесь и ушел домой. Хотя я знаю, что сейчас не этот случай. Такие хорошие машины, как эта, не ломаются — это относится только к моей — что означает, Адам до сих пор в моей квартире, а я зла как черт. Девушке нельзя притвориться, что она идет на свидание, и спокойно вернуться домой? Почему он так старается превратить мою жизнь в ад? Тот факт, что я игнорировала его звонки и e-мейлы должен был кристально ясно дать ему понять, что я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Я стону и опускаю козырек с зеркалом, проверяя себя в отражении. Лицо не настолько ужасно, как я предполагала. Благодаря съеденному мной у Дейзи количеству пиццы, я выгляжу очень даже удовлетворенной. *Хорошо. Пусть думает, что мой кавалер на свидании не мог убрать от меня руки.*

Затем я смотрю на пассажирское сидение, где мои же каблук надо мной насмеются. Мне нужно снять пушистые, как облачка, носки, и надеть каблук, а все потому, что Адам не знает, как оставить меня в покое. Стону и тянусь за противной обувью. Не спеша застегиваю их в надежде, что Адам выйдет именно в этот момент. Я помашу ему со своего места в машине, и мы станем двумя кораблями, что разойдутся в ночи.

Раскатала губу. Несколько минут спустя мне, наконец, приходится встретить неизбежное. Смело шагаю по дороге к квартире и вставляю ключ в замочную скважину, но Адам открывает дверь раньше меня.

Сколько заботы.

Он стоит по ту сторону двери, удерживая ее для меня открытой. Его волосы влажные после душа, и он переоделся в чистую одежду — джинсы и футболку. *О, конечно же, чувствуй себя как дома.*

— Что ты до сих пор здесь делаешь?

Он бросает мне краткую улыбку.

— Мышонок не хотел меня отпускать.

Щенок свернулся клубком на диване, и ему слишком удобно лежалось, чтобы встать и идти приветствовать меня — *его мать.*

— Ладно, ну, я устала... — *намек. Намек.*

— Рановато вернулась, — продолжает Адам, полностью игнорируя мои предложения уйти из моей квартиры. Он что, раньше не получал намеков? Они вообще относятся к горячим парням?

Я закатываю глаза, проходя мимо него.

— Пусть желают большего, Фокс. Ты из всех людей должен это знать.

— Да? Расскажи о своем свидании. Было мило?

Что-то в его тоне настораживает.

Снимаю с себя каблуки и с преувеличенным удовольствием бросаю их в шкаф.

— Он оказался идеальным джентльменом. Спасибо, что спросил, — отвечаю я, возвращаясь в гостиную.

Адам сидит на диване, выглядя так, будто владеет этим местом. Держу пари, если я сяду на то место после его ухода, диван будет пахнуть им. Это тревожит. Он не может вот так просто войти в мою жизнь и сменить запах моей мебели.

Он смотрит на меня с полуулыбкой.

Склоняет голову набок и спрашивает:

— Куда ходили?

Упираю руки в бедра.

— Небольшой итальянский ресторанчик.

— Что заказывали?

— Пиццу.

— И о чем же вы говорили?

— О книгах. О политике. О культуре, — размахиваю руками в воздухе, дабы обхватить все предметы. — Разговор просто *вязался.*

Его бровь выгибается в неверии.

— А что насчет второго свидания? Уверен, он пригласил тебя перед тем, как отвезти домой.

Я сдерживаю презрительную ухмылку.

— Уже спланировали на следующую неделю.

— Да?

— Мгм, — провожу пальцами по своему шелковому платью. — Подумываю надеть более сексуальное платье, поскольку, ну, знаешь...

— Можешь уже прекратить врать, — шипит он, глаза полны того же огня, что и в ХАМЛ.

Я вскидываю руки в воздух.

— *ОГО*. Как оно, просыпаться каждый день с твоим уровнем самоуверенности? Я попросила тебя уехать уже десять раз, а ты до сих пор сидишь на *моем* диване, гладишь *мою* собаку и обвиняешь *меня* во лжи?!

— Лукас сказал мне, что ты была у него, — произносит он ровным, холодным тоном.

Отныне мой брат для меня покойник.

Я негромко аплодирую ему.

— Так держать, Шерлок. Ты добрался до сути. У меня не было свидания. Не-а, я просто не могла больше находиться в твоей компании более пяти минут, так что солгала. Ты себя лучше от этого теперь чувствуешь?

Он хмурит брови, а огонь в глазах становится даже еще ярче.

— Он сказал мне потому, что знал, что я пытался найти тебя последние несколько дней.

— О, так ты с моим братцем теперь союзники? Ну, почему бы тебе не сделать мне одолжение и передать ему, чтобы отвалил на хрен, а затем и самому последовать этому же примеру.

У него хватает наглости улыбнуться. Если бы я держала в руках свои каблуки, они бы уже полетели в одну тупую, красивую голову.

— Ну все. Мышонок, *взять!*

А Мышонок вылизывает свою задницу.

Попытаться стоило.

Адам отталкивается от дивана и встает, направляясь ко мне. Я отхожу назад. Он делает один шаг, а я два, но все равно каким-то образом настигает меня и сокращает расстояние между нами. Я выставлю руки, дабы удержать его на расстоянии вытянутых рук, и его

массивная грудь упирается в мои ладони. Чувство такое, словно я пытаюсь остановить приливную волну.

— Я оговорился тем вечером, — произносит он, беря мои запястья в свои руки и прижимая их к своей груди. Я отталкиваю его, но теперь кажется, словно совсем наоборот.

— Да?

— Очевидно, я заинтересован.

Отвечаю очень вульгарным фырканием:

— *Очевидно?* Кому-нибудь другому расскажи.

— Да ладно, Мэделин, я заинтересован, — повторяет он, его непоколебимый взгляд удерживает мой. — Но я пытался поступить правильно. Я недавно разорвал помолвку. Переехал в другой конец страны. Я пока не разобрался со всем, — почти смеюсь — его жизнь напоминает чуть-чуть меньшую неразбериху, чем моя. — Ты не та, с кем я хочу просто развлечься.

— Так ты говоришь, что со мной нельзя трахнуться? — дразню я.

— *Мэделин.*

Его руки сжимают мои, и он притягивает меня ближе. Такая близость становится проблемой. Напряжение между нами растет, и мне страшно, потому что повторение случая в ХАМЛ может иметь место — вот только сейчас мы одни в моей квартире, а мой диван всего в паре шагов у него за спиной. Хуже того, моя кровать еще ближе.

Мне нужно загасить пожар между нами, и точка.

— Да шучу я! Адам, послушай, тебе не нужно ничего мне объяснять. Я четко и ясно услышала тебя в тот вечер, и забила. Тот поцелуй ничего не означал, пфф, даже меньше чем ничего.

Думаю, я хорошо справлялась с тем, чтобы контролировать притяжение к нему, вплоть до момента, когда загораются его глаза. *О, нет.* Думаю, я только что выбросила красный флаг перед разъяренным быком.

— *Ничего?* — спрашивает он, нависая еще ближе. — *Меньше, чем ничего?* Ха!

Мои глаза, должно быть, достигли размеров блюдца. Я боюсь того, на что он способен... или, может, мне любопытно.

— Адам, да ладно. Ты сказал, что хотел поступить правильно, помнишь? Иди домой. *Это правильно.*

Он ухмыляется и подступает еще ближе. Мы прикасаемся бедром к

бедру, когда он наклоняется ниже к моему уху и шепчет:

— Ты не слушала.

Содрогаюсь, а затем настаиваю:

— Слушала.

— Я больше не хочу поступать правильно.

С силой зажимаю глаза, желая проснуться от этого странного сна. Адама сжимает мои запястья и проводит тыльной стороной костяшки пальца по моему предплечью и бицепсу, пока не достигает тонкой лямки платья. Она свободная, и ее легко стянуть по моему плечу. Перед моего платья падает, отчего прохладный воздух от кондиционера касается моей груди.

— Я очень, очень не хочу больше поступать правильно, — говорит он прямо перед тем, как его губы касаются моей ключицы.

Откидываю голову назад, и та ударяется об стену, а пальцы погружаются в его волосы, как и на прошлой неделе. У нас уже появились старые привычки. Да, его губы на моей коже ощущаются знакомо. Он опускает мое платье еще на дюйм, и я слишком нервничаю, чтобы открыть глаза. Я знаю, как много он может увидеть. Могу почувствовать его рот на своей груди. Мне стоило надеть лифчик. *А лучше два.*

— Держись за меня, Мэделин.

Мои глаза распахиваются.

— Держаться за тебя?!

Прежде чем я получаю ответ, Адам отрывает меня от пола и заставляет обнять его ногами. Он приподнимает меня у стены моей квартиры и обрушивает губы на мои. *Черт побери.* Мы набрали скорость от нуля до шестидесяти за секунды. Мы напоминаем дикарей. Текстура стены, похожая на попкорн, царапает мне спину, возможно, оставляя следы, кто знает — я ничего не чувствую. Адам убивает всю боль.

Его рука путается в моих волосах, затем скользит вниз к другой шлейке платья, пока ткань не собирается складками на моей талии. С юбкой, задранной вверх по моим бедрам, и топом, который свободно висит на мне, я почти голая, и невыносимо краснею от пупка до подбородка.

— Нам нужно замедлиться, — бурчу я в момент, когда его рот припадает к моей груди.

Он вращает языком вокруг соска, и я зажимаю глаза.

О, знаешь, давай лучше наберем скорость.

Меня никогда не брали вот так. Эта квартира и эти стены годами видели лишь поведение примерной девочки. Все сексуальные действия переносились в спальню — выключался свет, включалась музыка, одеяло прикрывало части тела.

В этот момент Адам зажимает меня у стены. Мои ноги обвили его словно змеи, и он ведет. Я беспомощна. Не думаю, что ощущаю хотя бы свои пальцы. Я могу сфокусироваться только на его рте. Или на своей груди. На том, как он накрывает чувствительную кожу губами. Всасывает, пробует и делает все, чтобы отнять у меня последнюю унцию сопротивления.

Но этого недостаточно.

Я не могу это сделать.

Ничего хорошего не выйдет из секса с Адамом.

Ну, я могу подумать об *одной* хорошей вещи. Хотя, нет, не могу.

— Адам... нам нужно остановиться...

Он отстраняется, и его влажные волосы взъерошены, спасибо моим пальцам. Это восхитительно, я почти ломаюсь.

— Что не так? — спрашивает он.

С его нахмуренными бровями и с наигранной тревогой на губах, мне не хочется ничего, кроме как наклониться вперед и продолжить с того места, на котором мы прервались. Вместо этого я стою на своем.

— Мы не встречаемся. Это плохая идея.

Становится очевидно, как смешно вести этот разговор в таком положении. Я чувствую, каким твердым стал Адам между ног. Моя грудь выставлена напоказ перед ним. Его рука — *ага* — до сих пор на моей сиське.

Я тянусь за лямкой от платья и возвращаю ее на место, как только могу.

Адам осторожно ставит меня на пол, без стонов или протеста. Мои колени практически подгибаются, но он поддерживает меня, пока я не обретаю твердую поверхность под собой. Это милый жест, но из-за него следующие несколько минут несут лишь боль.

Мы молчим, пока мужчина собирает свои вещи и направляется к двери, но в этой тишине нет злости или напряжения. В воздухе парит уверенное, благородное чувство, словно мы оба согласились с тем, что

так будет лучше.

Я следую за ним, придерживаю дверь, пока он пройдет. Адам поворачивается и ловит мой взгляд. Я улыбаюсь. Он улыбается в ответ, а затем делает шаг ко мне, прижимаясь лбом к моему. С трепетом опускаю ресницы на несколько секунд, и не слышу ничего, кроме нашего дыхания в унисон.

Пространство между нашими телами заполняет то, что осталось недосказанным.

— Спокойной ночи, Мэделин.

Он ласкает мою щеку тыльной стороной ладони, а затем уходит. Я закрываю дверь и сползаю по ней на пол. Его машина рычит на парковке, а я пялюсь на стену, к которой он меня только что прижимал. С таким же успехом место можно обвести белым мелком. В конце концов, это место преступления. Похищение первой степени.

Глава 18

Мэделин

Мне стоило позволить Адаму соблазнить себя. Мы могли остаться прямо там, у стены гостиной, и я могла бы разрешить ему доставить мне оргазм, или даже два. Мне бы пошло на пользу расслабление и веселье. Так много времени прошло с тех пор, как я в последний раз была с кем-то, что я, наверное, забыла, как это делается.

— Мэделин?

Хотя Адам тоже был не против. То есть, противоречил, когда я заставляла его уйти, но до этого момента он, казалось, прекрасно собой наслаждался. Может, я не так сильно и заржавела, в конце концов.

— Мэделин? Алло? Мы тебя потеряли?

Поднимаю глаза и понимаю, что все взгляды в конференц-комнате обращены на меня. Я на работе, застряла в бесконечной петле встреч, и очевидно, в какой-то момент за последние десять минут я уплыла в Адамландию. Хелен стоит во главе длинного стола с открытым маркером в руке. За ней на белой доске написаны три слова: «Вечеринка Агентства Недвижимости».

Сажусь прямо и пытаюсь выдавить извиняющуюся улыбку.

— О, прости, Хелен. Похоже, сегодня утром мне нужно больше кофеина.

Она не смеется, поэтому я открываю ручку и смотрю на свой блокнот. Я не записала ни единого слова на протяжении собрания. Лори, наверное, собрала уже целую стопку заметок за последние пять минут.

Хелен вздыхает и поворачивается к белой доске.

— Хорошо, что ж, как я говорила, мы всё здесь поставим с ног на голову. Как вы знаете, мне нравится устраивать мероприятия компании раз в квартал, чтобы приобщить общество и распространить бренд «Недвижимость Гамильтона». Не следующих выходных вместо того, чтобы устраивать поздний завтрак в кофейне Гамильтона, мы устроим вечеринку в местной микропивоварне!

Лори хлопает так быстро и громко, что, думаю, у нее могут

треснуть запястья.

— Какая гениальная идея, Хелен!

Затем, конечно же, мы все начинаем целовать зад Хелен, прежде чем она продолжает объяснять свою логику.

— Я бы хотела, чтобы каждая из вас привела трех клиентов или потенциальных клиентов на эту вечеринку. Они не обязательно должны быть на рынке недвижимости в данный момент, подыскивать или продавать дом, а просто должны быть *потенциальными*!

Я уже мысленно пробегаю по списку людей, которых могу пригласить, и он оказывается немислимо коротким.

— Могу я рассчитывать на то, что уже сегодня вы отправите приглашения? — спрашивает она, указывая маркером на всех нас. — Нужно дать участникам время для ответа до следующей недели.

— Конечно! — произносит Сандра, вскидывая кулак в воздух.

Безмолвно киваю, соглашаясь привести людей, хоть и понятия не имею, кого смогу соблазнить подобной перспективой. Я могла бы попросить Адама, но это не кажется мне хорошей идеей. Черт, я даже не думаю, что должна показывать ему дома сегодня, вот поэтому и решила пригласить его маму и невестку на встречу днем. Это гениальный план: они могут сделать свой вклад в поиск домов, по которым мы будем ездить, и они станут моей подушкой безопасности, чтобы Адаму даже мысль в голову не пришла продолжить с того места, где мы закончили.

Я видела его на уроке дрессуры вчера вечером. Он был вежливым, красивым и таким добрым с Мышонком. Именно он предложил проехаться и посмотреть дома сегодня, и мне стало легче от осознания, что он еще хочет остаться моим клиентом, учитывая какими для нас оказались пара последних недель.

И все равно, учитывая обстоятельства, лучше нам не оставаться наедине. На прошлой неделе, когда я столкнулась с Кэти в бакалейном магазине, она дала мне свой номер и заставила меня пообещать позвонить ей, если мне понадобится компания. Я использовала ее номер сегодня утром по более эгоистичным причинам, но она оказалась не против. По факту, она звучала невероятно восторженно от возможности посмотреть с нами дома.

Я встречаюсь с Дианой и Кэти в «Кофейне Гамильтона», как и планировалось, а затем наш караван из трех человек направляется к первому из домов. Черная «Ауди» Адама уже припаркована перед ним.

Он прислонился к дверце с водительской стороны, смотрит что-то в телефоне, и я благодарна нескольким секундам, на протяжении которых я могу смело поглазеть на него. Он выглядит невероятно красивым в паре темно-синих штанов. Его подбородок начисто выбрит, кожа загорелая и каждый волосок на его голове идеально уложен. «Как он это делает?» — задаюсь вопросом я, пока паркую машину позади его. Он поднимает голову и улыбается, затем эта улыбка меркнет, когда взгляд переключается на его маму, на пассажирском сидении.

— О-оу, кажется, он не рад нас видеть, — комментирует Диана с хитрой ухмылкой. Она совсем не обижается на тот факт, что ее сын раздражен ее присутствием.

— А, ага, — я поворачиваюсь к Диане, готовая встретиться с неизбежным. — Я, может, не проинформировала его о том, что вы обе присоединитесь к нам, но это только к лучшему. Вы сможете внести женский взгляд в процесс, и, может, предоставите мнение, на которое сам Адам не способен.

Когда я объясняю это Адаму, он искренне не соглашается.

— Нет. Ничего подобного. Слишком много поварих на кухне.

— Пфф, — я отмахиваюсь от его опасений. — Это нонсенс.

Диана и Кэти стоят за мной, улыбаются и ждут, пока мы прекратим спор.

— Почему не сказала мне, что пригласила их? — спрашивает он, подступая ближе и понижая голос. — Это из-за того вечера?

Господи! Он с таким же успехом мог просто сказать это вслух — все с этой стороны Атлантического океана все равно слышали.

— А... — я поворачиваюсь осмотреть участок, игнорируя его вопрос и фокусируясь на насущной проблеме: продажа дома. — Как видишь, этот дом переделали под стиль ранчо, внеся в него множество современных удобств, — я рывком открываю папку, полную данных про особенности дома, и быстро передаю экземпляр каждому из присутствующих. — Участок слишком большой для этого района, а предыдущие владельцы очень переживали о том, чтобы сохранить дубы вокруг территории.

Диана и Кэти охают и ахают, Адам скрещивает руки и нацепляет на лицо самый хмурый свой взгляд, раздраженный тем, что я не обратила внимания на его вопрос. Я провожу их по всей наружной территории дома, затем мы идем внутрь. Адам вообще едва ли смотрит

вокруг. Его внимание на мне, а не на блестящих гранитовых столешницах, установленных в прошлом году.

— А я упоминала о раковине в фермерском стиле с углубленным дном и высоким краном? — спрашиваю я. — Они сейчас очень востребованы.

— О! — визжит Диана. — Я годами хотела поставить такую раковину на кухне. Посмотрите, какая она вместительная!

Кэти соглашается. Адам не говорит ничего.

Я улыбаюсь ему, пытаюсь сгладить его напряжение.

— Тебе нравятся фермерские раковины, Адам?

Он бурчит и отходит.

— Теперь мне понятно, зачем нужно было приглашать нас, — произносит Диана, метафорически глядя себя по спинке. — Ему, наверное, нет разницы до того, какая у него будет раковина, но его будущая жена захотела бы иметь такую.

— Я ХОЛОСТ И МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ФЕРМЕРСКИЕ РАКОВИНЫ! — кричит Адам из соседней комнаты.

Словно сговорившись заранее, мы вдвоем ведем себя так, словно не слышим его. Я тороплю их пройти в дверь, и мы продолжаем без Адама.

Вообще, показ не так уж и плох. Пока Адам ведет себя как самый худший и привередливый клиент из всех, с которыми я работала, Диана и Кэти — одно удовольствие. Они выслушивают мои короткие рассказы о каждом доме и задают вопросы, на которые у меня имеются развернутые ответы. Я уверенно убеждаю их в преимуществах каждого из домов, которые мы просматриваем, но, к сожалению, покупатели не они. Покупать дом будет Адам — мужчина, который говорит по телефону на заднем дворе, пока мы просматриваем четвертый дом за полдень. Я разочарована, так как оставила лучшее напоследок.

— Ого. Я *СДАЮСЬ*, — заявляет Диана, обводя рукой просторную кухню. — Этот мой самый любимый.

Я улыбаюсь — поскольку Адама нет в этой комнате — и признаю, что это и мой любимый дом. Он находится в паре минут езды на север от центра Гамильтона и расположен на двух акрах земли, а на его заднем дворе протекает мелкий ручей. Это переделанный белый фермерский домик с металлической крышей и крыльцом, огибающим весь дом, в нем четыре спальни, три отдельные ваннные комнаты и

удобства высшего качества по всему дому. Строители очень тщательно проработали детали, и если бы у меня был хотя бы один лишний пенни, я бы в мгновение ока сделала ставку на этот дом. Но, увы, у меня никогда не будет такого шанса.

Дом был выставлен на продажу два дня назад, и пошла молва, что на него есть уже несколько покупателей, готовых откликнуться на его цену. Я бы поторопила Адама с покупкой, если бы он проявил хотя бы чуточку интереса, но не думаю, что он даже заглянул внутрь.

— С кем он там разговаривает? — спрашивает Кэти.

Мы с Дианой пожимает плечами.

— Может, мне стоило дать ему знать, что вы приедете.

Диана корит меня упрямым взглядом.

— Не позволяй этому мелкому капризнику играть тобой. Ему не удастся просто топнуть ножкой и заполучить все так, как ему хочется. Я спускала его поведение с рук всю свою жизнь, и, может, пора прижать его немного.

Хоть я и согласна с ее заявлением о жесткой любви, я не связана родственно с Адамом. Я его агент по недвижимости — по крайней мере, сейчас — и моя работа в том, дабы убедить его как можно больше рассмотреть этот дом.

Выхожу на задний дворик как раз, когда он кладет трубку.

— По работе, — объясняет он с кратким кивком, засовывая телефон в карман своих штанов, прежде чем пытается пройти мимо меня.

— Я пригласила их в качестве подушки безопасности, — признаю я, надеясь положить конец напряжению между нами. — С прошлой недели я нервничаю, находясь рядом с тобой... И подумала, если они приедут, мы с тобой не окажемся в опасности начать с того места, где закончили прошлый раз.

Его зеленый взгляд ловит мой, и я вижу любопытство, сменяющее остатки его злости.

— Мы в домах других людей, Мэделин, — насмехается он. — Даже у меня есть *немного* самоконтроля.

Можно подумать, это кого-то останавливает.

Я поджимаю губы и киваю.

Он делает шаг ко мне и прижимает руку к моей спине.

— Давай, покажи мне дом. Мне понравился его экстерьер.

— Правда?!

— На данный момент он мой любимый.

Да. Да. Да.

Веду его назад в дом, пока Диана и Кэти ждут нас на кухне. Мы проходим мимо спален и гостиной, затем я обвожу рукой просторную хозяйскую спальню.

— Она великолепна, не так ли? Французские двери открываются прямо на крыльцо, и через них поступает много света.

Он кивает.

— Многовато места для одного человека.

— В комнате?

Он улыбается.

— В доме.

Он думает, что я навязываю ему большой дом? Может, он не хочет детей. Может, я предполагаю слишком много.

— Знаю, что четыре спальни кажутся чересчур, но ты быстро их заполнишь. Ты можешь устроить дома офис и спортзал, если захочешь.

— Пока не появятся дети.

Я избегаю зрительного контакта с ним всеми способами.

— Да, эээм... пока не появятся.

— Мэделин?

— Хмм?

— Почему ты не смотришь на меня?

Я фокусируюсь на старом дубе, который вижу через французские двери.

— Просто наслаждаюсь видом.

— Я не прошу тебя заводить со мной детей, — смеется он.

— Ха! Я знаю! — мой голос звучит напряженно, и мне хочется спрятать от него свое лицо. — Это просто *очень* странно. Обычно я не зажигаю с клиентами прежде, чем показать им дома.

Он подступает ближе.

— Странно. А я *всегда* зажигаю с агентом по недвижимости прежде, чем позволить ей показать мне дома.

Пытаюсь засмеяться на его шутку, но смех кажется пустым.

— Ты слишком много об этом думаешь.

— *Неужели?* — Я наконец поворачиваюсь к нему лицом. Он стоит в паре футов от меня, оперев руки в бедра. В глазах игривый блеск, а

сквозь поджатые губы прорывается улыбка. — А, может, это ты не думаешь об этом достаточно. Что-то изменилось? Ты внезапно готов встречаться? Или тебе попросту надоело удерживать дистанцию?

Адам лениво улыбается.

— И то, и другое? Ничего из вышеуказанного? Мэделин, не все должно быть черным или белым.

Может, для Адама — нет, но для меня — да. Мне надоело играть на серой стороне. У меня нет роскоши слоняться по кругу и ждать, когда Адам очнется. Большую часть времени после двадцатилетия я провела на свиданиях не с теми парнями: плохиш, эгоист, бабник. И все. Теперь же пора пойти другой тропой. Мне нужен кто-то, кто не струсит перед идеей о браке, кто не станет морщиться каждый раз, когда я завожу тему о детях.

— Мы можем делать по одному шагу за раз? — спрашивает он.

Если бы мне было двадцать два года, и я только что закончила бы колледж, его предложение звучало бы как мечта. Теперь мне нужно знать, чего ожидать в следующем месяце, в следующем году. Мне нужно начинать планировать будущее, иначе в сорок лет я проснусь одна с Мышонком в качестве компаньона.

Вздыхаю и качаю головой.

— Давай сосредоточимся сейчас на доме. У тебя осталось всего несколько минут, прежде чем придется возвращаться на работу.

— Но когда я снова тебя увижу? Можно пригласить тебя на свидание?

Пригласить? На свидание?

Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. *Потому что так и есть.* Провожу ладонью по лицу.

— Адам, хватит. Это неподходящее время.

— Мэделин.

Он делает шаг ближе, и я качаю головой. Повторяет то же самое — нарушает мое личное пространство, пока я не сдамся. Дважды это привело к неприемлемым последствиям. Третьему разу я случиться не позволю.

Я поворачиваюсь к крыльцу, и он становился рядом со мной.

— Мое агентство устраивает вечеринку, — смягчаюсь я, фокусируя внимание на дубе. — Мне нужно пригласить троих людей. Ты можешь прийти.

— Когда она?

— На следующей неделе.

Он качает головой.

— Слишком долго ждать. Можно я приду побегать с Мышонком?

«Побегать с Мышонком» теперь становится не чем иным, как эвфемизмом.

— Адам, вечеринка, — я скрещиваю руки, чтобы подчеркнуть свое предложение. И не сдамся. — Или принимай предложение, или забудь.

Уголкем глаза замечаю, как он ухмыляется.

— Мне никогда прежде не приходилось умолять женщину провести со мной время.

Теперь ухмыляюсь я.

— Ты долго не искал новую.

Он зарывается рукой в мои волосы на затылке. Мурашки пробуждаются, бегут по позвоночнику, но он продолжает свою скромную игру.

— Может, растерял сноровку.

Пожимаю плечами.

— Может.

Он смеется, а затем наклоняется, чтобы поцеловать мои волосы.

— Я сыграю в эту игру, Мэделин. Хочешь, чтобы я подождал до вечеринки? Я подожду.

Но он не убирает руку с моего затылка. Разворачивает меня, пока я не становлюсь к нему лицом. Мое дыхание начинает выходить короткими, слабыми рывками, а колени — дрожать. Я прилипла к месту, пялясь на него и сжимая кулаки по бокам.

— Вечеринка в следующую субботу в пивоварне в центре, — начинаю я.

Его рука движется вверх, и пальцы скользят по моим волосам. Он едва тянет за них, а я все равно делаю шаткий шаг ближе к нему, оказываясь у его груди.

— В пивоварне? — спрашивает он, наклоняясь ниже и прижимаясь поцелуем к моей щеке, в этот раз к уголку моих губ.

Безмолвно киваю.

— Во сколько? — спрашивает, обнимая рукой за талию.

— В семь вечера, — хриплю я.

Он мычит, наклоняясь и прижимаясь к моим губам в робком

поцелуе. Он заканчивается так быстро, что я успеваю лишь закрыть глаза, как Адам уже отстраняется. Я тянусь к нему, как цветок, отчаянно жаждущий чуть больше солнечного света.

— Мэделин? Я не стану снова целовать тебя.

Моргаю и распахиваю глаза.

— Нет?

В моем голосе слышно расстройство.

— Нет, — отвечает он, заправляя пару прядей мне за ухо.

О, до чего же изощренная пытка. Я могла списать наши прошлые ошибки как непредусмотренные нападки, но если я сейчас попрошу его поцеловать меня, мне не удастся избежать ответственности с моей стороны.

— Может, хотя бы кратенько? — предлагаю я. — Твоя мама ждет нас на кухне.

Адам смеется на мое оправдание, словно короткий поцелуй вообще поцелуем назвать нельзя. Затем делает шаг назад и отпускает меня.

— Покажи мне хозяйскую гардеробную.

А как же наш поцелуй? Мне хочется спросить. Ему не понравился мой компромисс?

— Мэделин, показывай, — снова говорит он, и в этот раз я ловлю его настойчивый тон, едва уловимое сдерживаемое им желание.

Я подрыгиваю, и он спешит за мной к встроенной слева гардеробной.

— Это одна из самых больших, которые я видела. Здесь есть...

Мое предложение затихает, когда дверь гардеробной закрывается, и я слышу звук поворота дверного замка. Мы остаемся в темноте, и я думаю, что Адам сейчас потянется и включит свет, но вместо этого его руки находят мои бедра.

— Продолжай.

— Что?

— Рассказывать мне о гардеробной.

Я смеюсь.

— Я больше не вижу бумаг.

Он сжимает мое бедро, а другой рукой берет мои документы и бросает их на пол.

— Ты видела их прежде. Рассказывай, что помнишь.

— Оу... эм...

Он подступает ближе, и мой мозг плавится. Он собирается поцеловать меня?

— Здесь есть встроенные в стену полки для обуви, а сложенную одежду...

Его рот находит мою щеку, и я резко вдыхаю.

— А что со сложенной одеждой? — спрашивает он, и хоть я не вижу его лица, то насмешливый тон слышен безошибочно.

— Для нее есть множество ящиков...

Мой голос затихает. Я не могу сконцентрироваться, пока его рот так близко к моему. Ладонью он обнимает мой затылок и откидывает голову назад. Я содрогаюсь, когда его пальцы погружаются в мои волосы.

Ресницы дрожат, я закрываю глаза, а Адам делает шаг ближе, потираясь об меня, пока наши тела прилегают друг к другу, как два кусочка пазла. Когда я поднимаюсь на носочки, наши бедра соприкасаются, а его руки находят мою талию, удерживая меня напротив него. Грудью касаюсь его, и он захватывает мочку моего уха зубами. Впиваюсь ногтями в его рубашку, внезапно и с нетерпением желая большего.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя, Мэделин? — он шепчет у моего уха.

Я киваю, но он ничего не делает.

— Скажи мне, — произносит Адам.

Сжимаю его бицепсы.

— *Поцелуй меня.*

В тот же миг его губы находят мои, и Адам целует меня, словно намеревается оставить метку. Кусает, тянет, высасывает из меня жизнь. Он страстный и жаркий — поцелуй больше напоминает секс. Его имя звучит в воздухе, со стоном сорвавшееся от кого-то, чей голос похож на мой. Его рука в моих волосах, ни вежливого приглашения, ни барьеров, пересеченных за недели скромной прелюдии. Я чувствую себя сумасшедшей, но затем ощущаю его ладонь на своей груди, и это чувство пропадает. Я чувствую себя живой в темноте гардеробной, когда мы опускаемся на ковер.

Адам нависает надо мной, удерживая свой вес на достаточном расстоянии, чтобы я могла вдохнуть, но недостаточном, чтобы сделать

это полноценно. Я не могу сделать полный вдох, он двигается бедрами напротив моих, мои пальцы впиваются в его плечи, убеждаясь, что он не отодвинется ни на дюйм. Мне не нужен воздух, мне нужен поцелуй, который Адам оставляет на моем животе. Мне нужно чувство скольжения моей шелковой блузки, которую он снимает через голову. Мы едва двигаемся в темноте, но наши движения интуитивны.

Мы поспешили прошлой неделе, но в этой гардеробной все происходит так, словно все ограничения сняты. Мы приходим в безумие, становимся дикими. Рубашка улетает, штаны расстегнуты. Его рот опускается на мою грудь. На мой сосок. Он прикусывает его, и я выгибаюсь над полом.

— *Адам.*

Он перемещается на другую сторону, даруя такую же комбинацию из нежного поцелуя и жесткого укуса моей второй груди. Мои соски становятся чертовски чувствительными, и он пользуется этим, лаская их языком, пока я чуть ли не плачу.

Я понимаю, насколько это неправильно, насколько неэтично заниматься сексом в гардеробной дома клиента.

— Мы не можем, Адам, не здесь...

— Нет, *здесь*, — он кусает меня в ответ, разъяренный идеей остановиться. Его рука двигается задрать мою юбку по бедрам. Одежда разбросана вокруг нас. Ковер царапает спину, плечи, мои голые бедра. Адам рукой впивается в мою плоть, проводя по каждому дюйму, который собирается взять. Минуты пролетают словно секунды, затем Адам находят чувствительный центр под моими трусиками и потирает его без предупреждения.

Я не узнаю сама себя. Не знаю эту женщину, лежащую в темной гардеробной и позволяющей мужчине потирать большим пальцем самое сокровенное ее место. Реальность ускользает. Я превращаюсь в комок нервов из воспламененных связок, пока Адам проводит пальцем вверх-вниз между моими раздвинутыми бедрами. Ему не нужно удерживать меня внизу или разводить ноги шире. Я сама делаю все это для него с удовольствием.

— Держи здесь, — произносит он, беря мою руку и направляя ее вниз туда, где мое белье прижато к бедру. Он смещает ткань в сторону, раскрывая меня, и когда моя рука заменяет его, внезапно это ощущается так, словно я предлагаю ему себя.

Вот.

Возьми меня.

«Забери все», — говорит мое тело, когда он наклоняется и дует на мои влажные складки. Мои бедра поднимаются над ковром, пока я пытаюсь унять нарастающее напряжение. Он рукой находит мое бедро и осторожным движением опускает меня на пол, когда повторяет только что сделанное. Прохладное дуновение. Поцелуй на верхней части моего бедра. Палец, едва прикасающийся к складкам, медленно погружается в меня, словно Адам хочет насладиться ощущением. Я туго сжимаюсь вокруг него и пытаюсь расслабиться. Он добавляет второй и растягивает меня. Выгибаюсь для него, позволяя ему трахать меня пальцами в темной гардеробной, потому что я больше не Мэделин Тэтчер. Это кто-то новый, кто-то, кто оставил свои запреты за дверью.

— Ты сможешь кончить для меня вот так? — спрашивает он, и я смеюсь.

«Разве ты не чувствуешь, что я начинаю дрожать? — хочется спросить мне. — Разве не чувствуешь, как я начинаю распадаться под тобой?»

Он наклоняется, и я хватаю его за волосы. Тяну за пряди, когда его губы все приближаются и приближаются, где я так отчаянно хочу их почувствовать. Влажное движение. Одна проба. Едва ли проходит пара секунд ощущений, но удовольствие разрывает меня. Он добавляет большой палец, вращая им по моему клитору, и я кричу для него.

Свободной рукой Адам накрывает мой рот, пытаясь заглушить крики. Проводит по мне языком. Я пытаюсь оставаться тихой, но его пальцы двигаются во мне, скользят внутрь и наружу еще быстрее. Словно он одновременно говорит мне молчать и кричать громче. Я дрожу. И так близка. Первые несколько волн удовольствия предупреждают меня, что я вот-вот разобьюсь и сгорю, и тогда его руке придется удушить меня, чтобы заставить молчать.

— Мэделин, — шепчет он, — *Мэделин...*

Мое имя воспринимается с другим значением. Это мольба и команда, и когда я кончаю для него, он повторяет его в третий раз, с каждым слогом вжимаясь в мое бедро.

Я медленно возвращаюсь на землю, складывая вместе кусочки нашего с Адамом рандеву в гардеробной, пока он слезает с меня и поправляет на мне юбку. Блузки на мне до сих пор нет. Лифчик

расстегнут, скошен на одной груди. Я вполне уверена, что у меня на спине ожог второй степени от ковра.

Адам уже стоит.

— А ты?

Думаю, вижу его улыбку в темноте.

— Мало времени.

Конечно, мало!

— О, боже. Не могу поверить, что мы сделали это, пока твоя мама и невестка там, в доме, — стону я, когда он тянет меня за руку, помогая встать.

Он хихикает и помогает мне поправить одежду.

Замок на двери в гардеробную отпирается, и мы открываем ее. Понятия не имею, сколько мы там находились, но достаточно долго, чтобы мне пришлось поморгать, дабы приспособиться к дневному свету в хозяйской спальне.

— Потрясающе выглядишь, — произносит Адам, поправляя свои теперь помятые штаны.

Он выглядит сексуально, но его волосы взъерошены, а губы покраснели. Брошенный в зеркало хозяйской спальни взгляд доказывает, что я выгляжу в миллион раз хуже. Макияж смазан. Одежда в складку. В волосах хаос, и сколько не чеши их пальцами, в норму их не вернуть.

— Расслабься, — говорит Адам, глядя на меня с дверного проема. — Они, наверное, даже не поняли, что нас не было так долго.

О, они как раз прекрасно все поняли. У Дианы на лице всезнающая улыбочка, когда мы входим в кухню пару минут спустя.

— Так что, это весь дом, — произношу я Адаму, словно пытаюсь завершить фальшивый показ дома.

— Ого. Вот это экскурсия, — произносит Кэти со смехом. — Мы здесь почти полчаса сидим.

Адам кивает.

— Ага, мне очень понравился дом. Захотелось, чтобы Мэделин показал мне каждый уголок и укромные места.

— Правда, Мэделин? — спрашивает Кэти с наигранной невинностью. — Ты показала Адаму *каждый уголок и укромные места*?

Адам пытается скрыть смех, но с треском проваливается.

Я притворяюсь, словно не понимаю ее сексуальный подтекст.

Если на то пошло, это самый смущающий опыт во всей моей

жизни, и я решаю, что не стану смотреть Кэти или Диане в глаза минимум месяц.

А, может, и год.

Глава 19

Адам

Я держу свое обещание, и встречаю Мэделин только на вечеринке на следующих выходных. Меня это не радует, как и мой рабочий персонал. Они не знают причин частой смены моего настроения, почему я так резко шиплю и раздражаюсь от малейших ошибок, но могу сказать, что им страшно находиться рядом со мной. В одно утро посередине недели я всего лишь пожелал доброго утра одной из сотрудниц, а она поспешила убратся из приемной так быстро, что разлила половину кофе на пол.

Я все понимаю. Со мной не весело, и виной тому Мэделин.

Каждый день я считаю дни до вечеринки. Просыпаюсь и думаю о той гардеробной в фермерском домике. Даже после утренней пробежки и дополнительного занятия боксом в спортзале, и усердной баскетбольной игры, воспоминания о ее вкусе никуда не делись, а стали только отчетливей.

В день вечеринки я спешу с работы прямо домой и быстро принимаю душ. Чувство такое, словно я вернулся обратно в старшую школу и вот-вот поведу девушку своей мечты на свидание. Тороплюсь подготовиться, а когда приезжаю на вечеринку вовремя, предполагаю, что буду первым из гостей.

К сожалению, парковка практически забита — побочный эффект пивоварни.

Это крутое заведение, простое и старое, ничего подобного в Чикаго не найти. Вместо здания, построенного с фундамента, пивоварня занимает место старого амбара из красного кирпича с проржавелыми

силосными машинами у задней стенки и индустриальными балками. Прямо сейчас, поскольку погода в Техасе хорошая по всем меркам, они открыли все застекленные двери, так что крыльцо ведет прямо в главный зал, где команда «Недвижимости Гамильтона» украсила место под стать вечеринке. Замечаю одну из агентов, Лори, как раз у входа, и она лхнет ко мне, как только я делаю шаг внутрь.

— Адам!? Не ожидала тебя сегодня, — говорит она, поддевая рукой мой локоть.

— Меня пригласила Мэделин.

— Правда? Интересно, не думала, что она способна найти гостей, ну разве что только Дейзи. Ну, а мне пришлось сильно урезать свой список, хоть Хелен и была не против, когда я сказала, что приведу *десять* потенциальных клиентов.

Высвобождаюсь из ее хватки и киваю, изображая заинтересованность.

— Точно, ну, отлично. Послушай, ты видела Мэделин?

Она закатывает глаза.

— Ага, она у бара, пытается договориться с Картером, как в старые добрые времена. Они встречались, кажется. Если честно, когда она научится не бросаться на каждого встречного парня? То есть, она красивая, но прямо умирает от отчаяния, если ты меня спросишь.

Я не спрашиваю. По факту, я начинаю отстраняться на половине ее ответа. Мэделин стоит возле барной стойки в платье насыщенного синего цвета и бежевых туфлях на шпильке. На Лори те же цвета, и быстрый осмотр комнаты говорит мне, что на всех агентах именно такие цвета для вечера. Так их легче заметить, хоть Мэделин и не нужна дополнительная помощь в этом плане.

Возле бара отирается очередь из мужчин, желающих поговорить с ней. О, конечно, несколько из них держат пиво и притворяются, что смотрят в свои телефоны, но я знаю, что они всего лишь выжидают, когда она отбросит очередного парня в сторону, и подойдут поговорить с ней под предлогом обсудить недвижимость.

Парень, с которым она разговаривает сейчас, какой-то мачо в черной футболке и джинсах, пялится на нее с сердечками в глазах. Лори упоминала его имя, но я его уже забыл. К счастью, Мэделин напоминает мне его, когда я подхожу.

— Картер, не могу поверить, что ты позволил Лори уговорить себя на

это.

Он наклоняется ближе.

— Я знал, что ты здесь будешь, хотел проверить и спросить, как поживаешь.

Прочищаю горло, и они одновременно поворачиваются ко мне.

Мэделин улыбается умопомрачительной улыбкой. Улыбка Картера выходит более фальшивой.

— Чего тебе, чувак? — спрашивает он. — Что-то нужно?

После этого я наклоняюсь и целую Мэделин в щеку.

— Прекрасно выглядишь, — говорю я, позволяя взгляду прогуляться по ее телу. Она и правда красивая. Платье обтягивает ее достаточно, чтобы показать убийственную фигурку, а из-за каблуков мне гораздо тяжелее отвести взгляд от ее ног.

Она краснеет от моего комплимента к тому времени, когда я поднимаю глаза на ее лицо.

— О, спасибо. Эм, Картер, это Адам. Адам — Картер.

Протягиваю руку Картеру, и он проделывает классический ход придурка, сжимая мои пальцы вместо всей ладони, поэтому я стою и выгляжу, как утонченная девчонка. Наношу встречный удар, сильно хлопая его по плечу.

— Рад познакомиться, чувак.

Это не правда. Разве Лори не сказала, что Мэделин с ним встречалась? Четко видно, что парень неровно к ней дышит. Мне стало интересно, когда это случится. Мэделин слишком фантастическая, чтобы ее не замечать столь долгое время.

— Мы с Мэделин вспоминали былые времена, — вступает он, подмигивая ей. — Я рассказывал ей, по какой причине позволил Лори уговорить меня посетить сегодняшнюю вечеринку: потому что я знал, что Мэделин здесь будет.

Мэделин улыбается и качает головой.

— О, да ладно, вспомнить старое — забавно, но уверена, что ты всех здесь знаешь.

Он пожимает плечами и делает шаг ближе к ней.

— Я бы солгал, если бы сказал, что не скучал по тебе. Чем ты занималась в последнее время?

До Оливии я бы ушел прочь, никак не среагировав. Но сейчас я отстаиваю свое.

— Она вообще-то встречалась со мной, — вступаю я, напоминая ему о своем присутствии. — Мэделин, можно поговорить с тобой секунду?

Ее взгляд мечется между нами обоими.

— О, конечно.

— Я думал, ты покажешь мне пару домов? — спрашивает Картер, словно этим разыгрывая свой главный козырь.

Сегодня все касается бизнеса, и Мэделин отчаянно нужны новые клиенты.

— Не проблема. Найди меня после, — я пожимаю ей плечами. — Я бы хотел выдвинуть предложение на тот фермерский дом.

У всех нас есть козырь, Картер.

Ее челюсть плюхается на пол.

— ЧТО?! Адам, ты серьезно?

Забираю у нее бокал вина, пока она его не разлила.

— Конечно. Это отличный дом, и отказавшись от такого предложения, я был бы дураком.

Она смотрит на Картера, руки прижаты ко рту от шока.

— Я не могу в это поверить.

Как и он. Мне не нужно смотреть на него, чтобы почувствовать, как из него сочится презрение. Мне не стоило бы гордиться своим поведением — оно подростковое и жалкое — но снова-таки, на войне и в любви все средства хороши, а сейчас чувство такое, что здесь понемногу и первого, и второго.

— Думаю, я найду тебя позже, Мэделин, — говорит Картер, кивая прежде, чем уйти. Другие парни вокруг нее улавливают намек и тоже пропадают. Занимаю место Картера у бара и наклоняюсь, чтобы поцеловать Мэделин, но она отворачивает голову в последнюю секунду. Отказ ощущается грубой пощечиной.

— Адам. Не здесь, — говорит она, осматривая комнату из-под ресниц. — Ты всего лишь второй клиент, которому я продаю дом после Дейзи и Лукаса. Я не хочу, чтобы Хелен получила неправильно представление.

— О? И какое же оно будет? — спрашиваю я, не в силах сдержать подавленную злость, нарастающую внутри меня. — Что мы вместе?

— Что мне пришлось раздвинуть ноги, чтобы ты купил у меня дом! — шипит она, уворовывая у меня свой бокал вина и приканчивая его одним махом.

— Ты именно так и думаешь?

— Конечно же, нет! — она не встречается со мной взглядом. — Но это, что *другие* подумают.

— О, да ладно, Мэделин. Ты отвергла меня, когда я пригласил тебя на свидание, а теперь еще и это? Я пришел на эту вечеринку, чтобы провести с тобой время, и теперь мне не позволено вести себя, словно мы...

Мой голос затихает от понимания, что я не знаю, как нас назвать. *Друзья, любовники, что-то другое, но важное?*

Она использует мою заминку в качестве средства защиты.

— *Именно.* Учитывая, что *мы сами* не знаем, кем являемся друг другу, лучше будет, если мы не станем страстно обниматься на глазах у моих коллег.

— Ладно, — я становлюсь прямо, машу бармену и прошу одно разливное пиво.

Мы стоим молча несколько минут. Могу сказать, что у нее осталась уйма невысказанного, но сейчас не подходящее время. Делаю глоток своего пива и смотрю поверх него. Она пялится вниз на стойку, обдумывая что-то серьезное, если учитывать ее выражение лица.

— Я не шутил по поводу дома, — добавляю я, зная, что ей нужно подтверждение. — Независимо от того, что между нами происходит, я все еще хочу согласиться на предложение.

Она поджимает губы, сдерживая улыбку, но я знаю, что долго она не продержится.

— Думаешь, он еще продается?

Мэделин радостно кивает.

— Я проверяла сегодня утром. Покупатели были, но владельцы ждут того, кто полностью согласится на их предложение.

— Тогда дай им знать.

Ее глаза округляются.

— Ты серьезно?

— По сравнению с недвижимостью в Чикаго, тот дом слишком хорош, чтобы быть правдой. И он стоит пятую часть стоимости продажи моего дома в Чикаго.

Она сжимает мою руку и ее взгляд опускается к моим губам. Секунду мне кажется, что она готовится нарушить собственное правило и поцеловать меня прямо здесь, но затем она качает головой и

поворачивается к толпе.

— Мне нужно сказать Хелен. Она не поверит.

И Мэделин права. Хелен не верит. По факту, она ведет себя так, словно Мэделин ошиблась.

— И *ты* показывала ему дом?

— Всего один раз!

— Ого, — она переводит взгляд с меня на нее. — И ты единственный агент, с кем он работает?

Мэделин светится.

— Да.

Почему Хелен так трудно в это поверить?

— Она была идеальным агентом, — добавляю я, даря Хелен улыбку.

Та кивает.

— Конечно. Я всегда считала, что у Мэделин имеется большой потенциал в нашей компании.

Когда она уходит парой минут спустя, я поворачиваюсь и выгибаю бровь.

— Это показалось странным, нет?

Она хмурится.

— Что? Хелен? Нет. То есть, правду говоря, в последние пару месяцев она была на грани того, чтобы уволить меня. Кажется, она не думала, что мне удастся продать дом.

— Но ты же продала дом Лукасу и Дейзи.

— Да, месяцы тому назад, и это на самом деле не считается.

— С тех пор у тебя не было клиентов? Как это возможно? Картер был готов купить у тебя дом пару секунд назад.

Она пялится на пустой бокал из-под вина.

— Было несколько, типа мистера Боггса. И он здесь сегодня. Я показала ему около тысячи домов, но он ни разу ничего не купил.

— Зачем ты продолжаешь развлекать его? Ему, скорее всего, попросту скучно.

Или хуже, он хочет проводить с Мэделин все свое время.

— Ага, ну, мне было неловко, — ее пальцы прослеживают по краю бокала. — Может, он по-настоящему хочет купить дом, просто пока места не нашел подходящего.

А, я понимаю ее проблему. Когда дело доходит до недвижимости, Лори — змея, а Мэделин с таким успехом может быть кроликом. Теперь

кое-что становится понятно.

— Поэтому ты так рьяно пыталась уговорить меня работать с тобой на первом нашем уроке дрессуры.

Она кивает.

— Хелен поставила меня на испытательный срок, и я знала, что если не продам что-то вскоре, она опустит гильотину.

Мимо нас проходит официант, я беру ее пустой бокал и меняю его на два полных.

— Ну, давай выпьем за то, что они оказались неправы.

Мэделин сияет и чокается своим бокалом о мой.

— И за то, что ты купишь фермерский домик своей мечты.

— Мэделин, вот где ты!

— Мистер Боггс, — говорит она с улыбкой. — Я как раз собиралась подойти к вам и показать несколько обновлений.

Он стонет и качает головой, ведя себя полностью соответствуя своей фамилии.

— Не переживайте. Я уже посмотрел. Там не оказалось ничего подходящего. Я еду домой. Скажите своему боссу, что нужно подавать больше еды на таких мероприятиях. Вина и пива в изобилии, но из еды — шаром покати.

Мэделин смеется.

— Даже я не сказала бы лучше. На самом деле, я припрятала пару батончиков мюсли в сумочке, если хотите.

Он настораживается при упоминании о еде.

— Они не из тех, что для здорового питания?

Она смеется.

— Да ладно, вы можете взять, какой вам понравится.

Без Мэделин я слоняюсь между людьми на вечеринке, узнавая в толпе лица с урока дрессуры и клиники. Пара из них даже останавливается, чтобы поговорить со мной, но я пытаюсь присматривать за Мэделин все это время. После того, как она заканчивает разговор с мистером Боггсом, Картер снова привлекает ее внимание, ловя ее у столика со списками «Недвижимости Гамильтона». Клянусь, она показывает ему каждый дом дважды прежде, чем парень остается доволен, и хоть мне хочется вступить, как и в прошлый раз, я знаю, что к добру это не приведет. Ей нужно продавать дома, если она хочет, чтобы Хелен слезла с ее спины.

К тому времени, как я приканчиваю свое второе пиво и стратегически прикрываю два зевка, она переходит к следующему потенциальному клиенту. Я готов уйти, но не хочу отвлекать ее. Она осматривает комнату и находит меня, поэтому я жестом указываю на парковку и беззвучно произношу:

— Я ухожу.

Она выпячивает нижнюю губу и также беззвучно отвечает:

— Останься.

Чувствую соблазн, но больше не хочу отнимать ее время. Ей нужно завлекать клиентов, а мне нужно поспать. Машу ей, а она выпячивает нижнюю губу еще больше. Вздыхаю и поворачиваюсь к машине, зная, что если не уеду сейчас, то не уеду, возможно, вообще.

Когда добираюсь домой, открываю дверь своего арендованного дома и включаю свет. Внутри все тихо, все на своих местах. Домработница, должно быть, приходила сегодня, потому что комнаты более чистые, чем обычно. Бросаю ключи в чашу у двери, включаю телевизор и свет в гостиной, не потому что хочу, а потому что они помогают скрыть тот факт, что я дома один. Успокаивающие звуки ESPN едва справляются с этой задачей.

Сажусь на диван, оставленный предыдущими владельцами. Весь дом меблирован, и это отчасти та причина, почему нахождение здесь кажется временным и, ну, грустным. Взять, к примеру, диван. Он из красного кожанаменителя, его цвет мозолит мои глаза каждый раз, когда я на него смотрю. Ароматическая смесь на журнальном столике, кажется, насыпана в ту же чашу последние тридцать лет. На стене висит гобелен с изображением собак, играющих в покер. Если вкратце, это не мой стиль. Я чувствую себя гостем в чужом доме, что было моим намерением изначально. Я не хотел пускать корни, но как долго я еще буду касаться лишь поверхности своей жизни?

У нас с Оливией был дом и собака, две прекрасные карьеры и большой круг друзей. Сомневаюсь, что кто-либо догадается, что мы расстались за несколько месяцев до свадьбы. Что она переспала с моим лучшим другом вместо того, чтобы сказать мне, что хотела порвать отношения.

И Молли. Тот факт, что я позволил ей забрать Молли, съедал меня последние несколько недель. Может, этот дом с его жалкой мебелью больше казались бы похожими на дом, если бы Молли была здесь и

приветствовала меня в конце рабочего дня.

Но опять же, может, и нет. Моя жизнь в Техасе не начнет ощущаться правильной, пока я не вытащу себя из этого странного шаблона, в который попал. Я устанавливаю параметры для жизни — никаких свиданий, никаких привязанностей — потому что это кажется правильным после того, как я закончил длительные отношения, но, может, в этом есть немного больше. Может, Оливия не только взяла ножницы и покромсала наши отношения, но также повредила мою уверенность. Черт, спустя восемь лет мне стоило знать, на что она способна, но я был ослеплен и не хочу, чтобы это повторилось.

Так или иначе, я также не хочу сидеть на этом красном диване еще хотя бы день, притворяясь, что не испытываю ничего к Мэделин. Она не хочет, чтобы ею управляли, а я не хочу, чтобы она ускользнула от меня. Поэтому все просто: пора намотать сопли на кулак.

Я пишу ей сообщение.

Адам: Завтра в восемь вечера. Будь готова, потому что я веду тебя на свидание.

Ожидаю сильного протеста, а в ответ получаю шутку.

Мэделин: УФ. Было бы мило, если бы ты заранее предупреждал. Все мои сексуальные трусики в стиральной корзине.

Адам: Займись стиркой. Или не занимайся... никто же не говорит, что тебе нужно надевать белье.

Мэделин: АДАМ ФОКС, мне кажется, у меня телефон покраснел.

Адам: Это «да»?

Мэделин:

.....
Хорошо. Ладно. ОДНО СВИДАНИЕ.

Глава 20

Мэделин

— Где ты была? Я все утро названивала тебе в офис!

— О, прости, — отвечаю я. — Просто показывала дома в центре *новому клиенту*.

Дейзи визжит.

— Ты серьезно? Новый клиент помимо Адама?

Я откидываюсь в кресле и пробегаюсь пальцами по настольному календарю. Он не такой заполненный, как хотелось бы, но я к этому стремлюсь, и сегодня после *собрания компании* у меня *свидание????*, взятое в кружок маленькими сердечками. Четыре знака вопроса казались значимыми сегодня утром. Точка на самом последнем была слишком нахальная. Конечно, вчера вечером Адам назвал это свиданием, но я не настолько наивная, чтобы принимать его слова за чистую монету. Может, он хочет свидание, а может, всего лишь найти еще одну темную гардеробную — так или иначе, это игра. Я просто буду держать свое сердце и ожидания на чеку. Все просто.

— Мэделин?

Прикрываю календарь клавиатурой, словно Дейзи заглядывает через мое плечо, а не ожидает на другом конце связи.

— Да! Это был новый клиент. Я встретила его на вечеринке. Тот, которого ты показала за пять минут до конца. Но я все равно должна тебе.

— О, да, это паршиво, но ты ничего мне не должна. Я украла вино на выходе.

— Классика.

— Это было «Совиньон», которое нам обоим нравится.

Гениально.

— Хорошо. Оставь его, пока не сможем выпить его вместе.

— Не могу обещать, что оно доживет до сегодня. Просто приезжай после работы. У меня последний пациент в 16.30.

Свидание???? дразнит меня из-под клавиатуры.

— Не могу. У меня планы.

— Планы? С кем? Я твоя единственная подруга. Другой не будет.

— Лори.

Слышу, как она очень «по-женски» сплюнула.

— Господи, я только что кофе пролила на экран. Скажи, что шутишь.

Я улыбаюсь.

— Ага. Вообще-то, я встречаюсь с Адамом.

— *Встречаешься с Адамом?*

— Ага. Это просто встреча.

— Да назови как есть.

— Он назвал это свиданием, но я называю обычным ужином двух взрослых людей по обоюдному согласию.

— Боже, ты бесишь, — стонет она. — Ты просто не можешь позволить хорошим вещам случиться с тобой? Почему тебе нужно срывать все еще до начала?

— Срывать!? — я наклоняюсь вперед в своей кабинке и понижаю голос. — Ты уже забыла сцену в ХАМЛ, когда я пригласила Адама на обед, а он меня продинамил? Едва ли две недели с тех пор прошло! А теперь он внезапно такой *давай встречаться, и давай запремся в темной гардеробной!*

Подруга мычит.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, это очень резкая смена планов. Может, он страдает от психоза? Биполярного расстройства? Депрессии?

Мои глаза расширяются от тревоги. Дейзи — врач, и она должна знать подобные вещи.

— Ты серьезно?

Она смеется.

— Нет! Да ладно, я пошутила. Он вправе менять решение. Он же не сделал тебе предложение. Просто пригласил на свидание. Расслабься. Вообще-то, если кто и страдает от психоза, то это ты.

— Спасибо за диагноз, доктор Тэтчер. Лучше поработайте над своими манерами.

— Кстати о манерах, вы уже трахнулись?

Я дергаюсь вперед в своей кабинке, словно ее голос прозвучал на весь офис.

— Дейзи!

— Ой, да ладно, не секретничай мне.

— Нет, вообще-то, ничего не было.

Она мычит и тянет время, прежде чем ответить:

— Умно. Лучше не занимайтесь сексом, пока оба не будете готовы к этому.

— Почему?

Она вздыхает.

— Разве детям сейчас не объясняют поговорку о том, что зачем покупать корову, если можешь получить молоко бесплатно?

— Дейзи, сейчас тебе не 50-ые года. Я независимая женщина, которая может получать «свое молоко» в любой точке города, если захочет.

Она фыркает.

— И кто я такая, чтобы вмешиваться. Но если это тот случай, есть еще одна поговорка, которую нужно запомнить: не плачь над разбитым корытом.

— Какого черта? Ты пытаешься стать какой-то жуткой духовной феей?

— Может быть.

— В тебе даже духовности нет.

— Я ходила на курсы медитации пару месяцев назад, Мэделин. Назови хоть одного человека в своей жизни, кто был бы более духовный, чем я.

— Моя мама. Моя собака. И мой почтальон. Леди, которая продает Библию возле бакалейного магазина.

Она бросает трубку, и как раз вовремя, потому что Сандра проходит мимо моей кабинки секундой позже и цокает языком. *О, заткнись, Сандра. Мне приходилось слушать твою личную телефонную болтовню последний год и угадай что? Мои веселые и остроумные разговорчики с Дейзи бьют твои еженедельные телефонные звонки педикюрше. Экстренное сообщение: никто не хочет слушать, как ты говоришь о креме от натоптышей.*

— Уже закончила на сегодня, Мэделин? — спрашивает она, пытаясь подозрительно просмотреть документы на моем столе. Что, по ее мнению, я здесь храню, коды взрыва ядерных бомб?

— Осталось закончить всего несколько дел.

Это правда. Хоть мне ничего другого и не хотелось бы, кроме как закончить все поскорее и начать готовиться к «обычному ужину» с Адамом. Мне все еще нужно срочно отправить е-мейл Кайлу Фостеру — моему новому клиенту, который ищет кондо — и составить беглый список домов, что мы просмотрели сегодня утром. Я запланировала еще один день показов на неделе, но хочу убедиться, что мы оба двигаемся в одинаковом направлении.

Мистер Боггс потребовал очередной список домов, и хоть все говорят, что это трата времени, я составляю списки всех новых домов и отправляю ему.

Затем спустя несколько телефонных звонков и короткий разговор с Хелен, в котором она говорит мне о «правильном направлении» и «ты больше не на испытательном сроке!», я направляюсь к двери в нетерпении увидеть Адама.

Мое внимание приклеено к телефону, хоть и я уверяю себя, что не жду от него сообщение. *Он же не отменит свидание в последнюю минуту, правильно?* Как только я озвучиваю вопрос в уме, собачий лай возвращает меня в реальность. Поднимаю голову вверх и замираю, полностью застигнутая врасплох видом передо мной. Машина Адама припаркована у обочины, и он опирается на пассажирскую дверь как Джек Райан из «Шестнадцати свечей».

— Вот это сюрприз, — я подступаю ближе, впитывая весь дразнящий меня вид в паре ярдов: его сексуальные джинсы, белая рубашка на пуговицах, букет подсолнухов в крафт-бумаге, который он сжимает в правой руке.

Пытаюсь нормально улыбнуться, усмирить свои запросы, пока поднимаю взгляд на него. Он изучает меня, пока я рассматриваю его.

— Тебе нравятся подсолнухи?

— О, они для *меня*?

Он склоняет голову набок, и его очаровательная улыбка практически убивает меня.

— Ну, я мог бы отдать их Мышонку, но он, скорее всего, попытается их съесть.

Киваю и подыгрываю:

— Ему больше нравятся розы.

Он наклоняется и целует меня в щеку.

— Запомню для следующего раза.

Для следующего раза. СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА. У меня сердце взрывается.

— Я люблю их. Спасибо, — он передает мне подсолнухи, и я прижимаю их к груди, когда он открывает для меня дверь машины. — Ты знаешь, что приехал на пару часов раньше?

Его дорогая машина оживает, и мы выезжаем на главную дорогу.

— Подумал, что в ожидании нет смысла.

— О, серьезно? А может, я хотела переодеться или поправить макияж, или еще что, — шучу я.

— Нет надобности. Ты отлично выглядишь.

— Хмм... в своем рабочем платье? Я выгляжу так, словно собираюсь на совет директоров.

— Значит, я буду сидеть рядом с тобой в конференц-зале.

Я прослеживаю его взгляд туда, где приподнялось мое платье. Когда я стою, оно приличной длины, но кожаное сидение его «ауди» задрало мою юбку на пару дюймов выше по бедрам, которые теперь выставлены на общее обозрение. Кладу подсолнухи на колени и улыбаюсь, когда все прикрыто.

— Спасибо за цветы, — произношу я с ухмылкой.

— Может, мне все-таки отдать их Мышонку?

— Нет, они слишком красивые. Куда мы едем?

— В бакалейный магазин. Я подумал, что нам нужно купить кое-что, и мы поедем к тебе готовить.

— Да? А как же дорогой ресторан на первом свидании? Что случилось с правилом «накорми и опои женщину»?

Взгляд его зеленых глаз пересекается с моим, когда он сбавляет газ перед красным светом светофора.

— Я *очень* хороший повар.

— Серьезно?

— Любой мужчина может отвести тебя в ресторан и заплатить за еду, но не все могут сделать знаменитую лазанью.

— *Красивый, ветеринар, еще и повар.*

— Тебе включить кондиционер? Ты выглядишь покрасневшей.

— Ха, ха, а как насчет того, что ты просто поедешь, весельчак?

Несколько минут спустя мы направляемся в бакалейный магазин, и я предлагаю стратегию.

— Давай поделимся и посоревнуемся, потому что я уже голодная, а лазанья готовится вечно.

На самом деле я собираюсь открыть пакетик чипсов и съесть его, пока буду бродить между рядами.

— Ладно, вот, — он разрывает список своих покупок пополам и передает мне одну из частей. — Я возьму овощи и найду тебя.

Смотрю вниз и восторгаюсь почерком из области «курица лапой».

— До чего же романтическое свидание.

— Притворись, будто я с тобой, очаровываю.

— Может быть, наши руки соприкоснулись бы, если бы потянулись за одной и той же пачкой лапши для лазаньи, и мы бы покраснели, отвернувшись. Но теперь мы никогда не узнаем.

Он начинает отходить, улыбаюсь и качаю головой.

— Я думал, ты проголодалась.

Тянусь за пакетиком чипсов со вкусом сметаны и лука на одном из стеллажей в ряду. Разрываю его и бросаю чипсину в рот. *Вкуснятина*. А если еще представить, что это здоровый зеленый сок, то никакого вреда.

— Тебе придется за них заплатить, ты же знаешь?

— Заплачу, — произношу я, пожимая плечами. — А теперь *иди*. Держу пари, что смогу закончить закупку своего списка быстрее тебя.

Он выгибает бровь.

— Это вызов?

Сую еще одну чипсину в рот и киваю, а затем срываюсь на бег в противоположном направлении прежде, чем он поймет, что я делаю. Технически, я жульничаю, но игнорирую его крики позади, пока едва ли не сталкиваюсь с тележкой какой-то пожилой женщины. Она показывает мне кулак, словно я бестолковый подросток, и, черт, может, так и есть. Я бегаю по бакалейному магазину, поедая краденый товар, но это ради высшего блага — или, по крайней мере, ради хорошего, здорового соревнования.

Я понимаю свою ошибку минуту спустя, когда смотрю на список Адама. Его корявый почерк, которым я так «восторгалась» ранее, сейчас, кажется, станет причиной моего поражения. Черт его дери, что такое «завинные памедоры». Я прищуриваюсь и понимаю, что второе слово явно «помидоры». *Но все равно, что, блин, такое «завинные помидоры»?*

Спрашиваю всех в отделе помидоров и пасты, кто не против мне помочь.

— Дамочка, я не имею понятия. Я всего лишь пытаюсь выбрать соус для спагетти.

Подхожу к другому покупателю.

— Прости, сэр, вы не слышали о «завинных помидорах»?

Он качает головой и продолжает пристально смотреть на меня, пока толкает свою тележку мимо, словно предполагает, что я сорвусь и выхвачу ее.

— Я не сошла с ума! — говорю ему, как и сделал бы любой здравомыслящий человек. — Я просто не знаю, что такое «завинные помидоры»!

Затем я вскидываю руки в воздух в отчаянии и сбиваю одну из башенок из консервных банок, которые так ровно выстроили. Ползаю по полу, ловя банки, чтобы те не укатились слишком далеко, и у меня даже получается сделать такую же башенку, как у человека, который выстроил ее изначально. *Миссия завершена.* Смотрю вниз и читаю надпись на банке: давленные помидоры. ДАВЛЕННЫЕ, а не завинные! Я приняла «д» за «з», и «ле» за «и». Кричу об этом мужчине, который считает меня сумасшедшей, и тот отвечает, что мне лучше оставить его в покое.

Я знаю, что отстаю. Адам, наверное, уже скупил свой список и направляется к кассе. Со злостью вычеркиваю томатный соус и лапшу для лазаньи, а затем провожу целых пять минут в отделе сыра, пытаюсь расшифровать его почерк. Пармезан и моцареллу легко разобрать, но есть и третий сыр, от названия которого хочется рвать и метать. Я просматриваю все возможные варианты на полке, когда кто-то выкрикивает мое имя позади.

— Мэделин? Это ты?

Я поворачиваюсь и вижу Картера, пришедшего за покупкой овощей в его полицейской форме. *Вот же блин.* Теперь я понимаю, что если бы он надел такой наряд на первое свидание, второе явно произошло бы.

— Картер! Привет!

Я рада видеть его по двум причинам: в последний раз, когда я проверяла, он подыскивал дом, и думаю, что он поможет мне расшифровать почерк Адама. Начинаю с последнего.

— О, да это же рикотта.

Шлепаю себя по лбу.

— Ну точно же! Верняк. Спасибо.

Он находит его на полке раньше меня и кладет на собирающуюся стопку продуктов у меня в руках. Стоило взять корзинку, но в спешке я ее забыла.

— Удержишь? — со смешком спрашивает он.

— Ага. Это все очень стратегически сбалансировано и должно остаться на месте, пока я не делаю резких движений.

Он снова смеется, и я спрашиваю, как у него дела после

вечеринки.

— Неплохо. Беру дополнительные смены, когда могу, чтобы не гулять без дела.

— Звучит весело. Какой-нибудь из домов привлек твое внимание?

Я сама прямота. В конце концов, мне еще предстоит победить соревнование по закупке.

— Знаешь, если быть честным, сейчас не лучшее время, чтобы вкладывать деньги в недвижимость. Меня скоро повысят, и если это случится, мой доход, на который я смогу рассчитывать, повысится.

Я бы подняла руки, чтобы остановить его, если бы они не были заполонены.

— Конечно! Поверь мне, я понимаю. Я и сама мечтаю съехать из своей стареющей квартиры когда-нибудь.

Он улыбается и его внимание переключается на другого покупателя, который *слииииишком* медленно проходит мимо со своей тележкой. Как я и сказала — все дело в униформе.

— Я также ищу себе девушку.

Мое внимание переключается на него.

— Что?

— Да ладно, Мэделин. Я знаю, что прошлый раз ничего не получилось, но мы же хорошо проводили время, не так ли?

— Ты так и не позвал меня на второе свидание, — скромно заявляю я.

Его брови взлетают вверх от шока.

— Я, наверное, был занят работой или чем-то еще, потому что поверь мне, тогда я был заинтересован, и сейчас ничего не изменилось.

— О... ха. Не думаю... то есть, я польщена.

Серьезно. Еще несколько недель назад я бы ползала на четвереньках ради мужского внимания, а теперь внезапно меня зовут на свидание в бакалейном магазине, пока я *собственно нахожусь на свидании*. Меркурий сменил направление своей орбиты, или что? *Подождите, что это вообще значит?*

— Да ладно, ты же ни с кем не встречаешься, да? Я спрашивал у Дейзи на вечеринке, и она сказала, что ты встречалась, но ничего серьезного.

В этот самый момент я замечаю Адама, выталкивающего тележку из-за угла, и по какой-то причине паникую. Чувство такое, словно я ему

изменила, словно выскользнула посредине нашего свидания на randevу с Кратером в отдел сыров. Выражение на лице Адама, когда он видит меня с Картером, только усугубляет мое чувство вины. Падает тяжелым камнем в желудке.

— Мэделин? — зовет Картер, пытаюсь понять, почему я внезапно замолчала.

Адам останавливает тележку возле нас и смотрит между мной и Картером.

— Камерон, привет.

— Вообще-то Картер.

— Точно. Мэделин, все взяла по списку?

Я смотрю на жалкую кучку в своих руках. У меня еще несколько пунктов на листочке, а со стороны выглядит так, словно я стою и отлыниваю здесь с Картером вместо того, чтобы делать покупки.

— Возникли проблемы с одним сыром, — нескладно заявляю я.

Картер смеется.

— Я помог. Не проблема.

Адам не смеется, и я не уверена, но думаю, половина сыров расплавилась на полке от того, каким взглядом Адам прожигает Картера.

Чтобы снять напряжение, я кладу свою стопку продуктов в тележку Адама. Картер замечает это и поднимает руки в невинном жесте.

— Простите, вы ребята... вместе? Я бы никогда...

— О, да. То есть...

— Ты не сказала, что ты здесь не одна.

Теперь Адам прожигает взглядом *меня*. Я стреляю таким же взглядом в него.

— У меня не было шанса.

Мое извинение кажется жалким даже для меня.

— Эмм, — низенькая женщина среднего возраста с ребенком на груди проходит мимо нас. — Я смогу добраться до сыра на секундочку?

— О, да, конечно.

Я отхожу и даю ей место, чтобы пройти.

Картер отходит назад и кивает.

— Увидимся позже. Мне нужно купить продукты домой прежде, чем мой желудок снова на меня зарычит.

Смеюсь и машу ему, надеясь, что напряжение улетучится вместе с ним.

Шокирующе, но этого не происходит.

Адам идет без настроения, пока мы толкаем нашу тележку вместе по магазину, заканчивая с первой половиной списка. Я пытаюсь отвлечь его своей самой победной улыбкой, но когда она не срабатывает, то бросаю в тележку печенье «Орео». Все любят «Орео», так ведь? Хмурость на его лице никуда не девается, даже если в печенье двойная начинка.

— Я была там так долго, потому что застряла в отделе соусов, — смеюсь я. — Ты понимаешь, что у тебя *самый худший* почерк, да?

Он забирает список из моей руки, не отвечая мне улыбкой.

— Персонал в клинике прекрасно его разбирает.

С таким же успехом он мог бы стать мистером Морозом, судя по тому, с каким холодом во взгляде он покупает со мной остальные ингредиенты.

Я даже не пытаюсь заговорить с ним после этого, просто доедаю пачку чипсов и занимаюсь своими делами. Если он хочет поиграть в мистер Ревнивого, пусть играет сам.

На кассе он отказывается от моих денег за половину продуктов, и кажется даже оскорблённым тем, что я их предложила. Думаю, что бы я сейчас ни сделала, он найдет в этом мою вину. *Целлофановые пакеты?! Кто покупает целлофановые пакеты?!*

— О, и это, — говорю я кассиру, передавая свой пакетик из-под чипсов штрих-кодом вперед. Она сканирует его, не глядя, и я выхожу из магазина и направляюсь к машине Адама с благодарной улыбкой.

Когда мы оба садимся внутрь, напряжение и молчание становится едва выносимым. Чувствую соблазн наклониться вперед и включить музыку, но на этой дурацкой панели около миллиона кнопочек, и всё, что я знаю, что то, что одна из них может выбросить меня из сидения, как в мультфильме. Вздыхаю и откидываюсь назад, больше не испытывая желания прикоснуться к чему-либо.

Мой вздох не действует на Адама, как я надеялась, поэтому у меня не остается выбора, кроме как проиграть игру в молчанку, в которую мы тайно играем.

— Это смешно, — я поворачиваюсь и собираю достаточно мужества, чтобы посмотреть на его кулаки, сжатые на руле. — Если ты

злишься на меня за что-то, просто скажи, чтобы мы могли разобраться.

— Я не злюсь на тебя.

Я фыркаю.

— Не принимай меня за дурочку.

Его кулаки на руле сжимаются, и я отворачиваюсь.

— Меня раздражает то, что Картер вмешался в наше свидание, вот и все.

— Ну, сейчас его нет, а единственный, кто портит наше свидание, это *ты*.

Он выпускает тяжелый выдох и выезжает на пыльную дорогу, которую мы проезжали ранее. Мы были в паре минут езды от моей квартиры, а теперь едем в никуда. Хочется спросить его, что он делает, но я боюсь его ответа.

Мы делаем еще пару поворотов и останавливаемся возле старой водонапорной башни. Изначально она была окрашена в небесно-голубой, чтобы соответствовать цвету старшей школы Гамильтона, но большая часть всей краски облупилась. Здесь поставили ограду, чтобы предостеречь нарушителей, дабы они не лазали на лестницу, но это никогда не останавливало меня в прошлом. В старшей школе мы все лазали на самый верх в качестве испытания.

— Я плохо справляюсь, — тихо признает Адам, и его мягкий тон застает меня врасплох.

Я готовилась к сражению, а не к капитуляции.

Поворачиваюсь и всматриваюсь в его профиль. Его взгляд направлен не на башню. Он смотрит прямо перед собой. Сегодня, здесь, его глаза кажутся более изумрудными, чем когда-либо, жесткими с непоколебимым взглядом. Его челюсти сжаты, губы стиснуты в прямую линию. Руки до сих пор сжимают руль, даже если двигатель уже не работает.

— Кажется, я тоже, — признаю я.

Он кивает и смотрит за окно, а затем, наконец-то на меня.

— Я никогда не ревновал Оливию, — очевидно, что меня выдает шок от его заявления, потому что он качает головой и отворачивается. — Я никогда не был тем типом парней, которым нужно заявить права на свое и стучать кулаком в грудь. С Оливией у нас были на самом деле легкие отношения, и я был уверен, что это обоюдно. Я никогда даже не думал приревновать к другому мужчине. Мы были вместе восемь лет, и

затем она трахнулась с моим лучшим другом. Не знаю, может, если бы я был более *подозрителен*, больше расспрашивал о мужчинах, то не был бы так шокирован узнать, что они были вместе.

Внезапно до меня доходит. Всё его поведение мачо становится понятным. Он чувствует себя так, словно не сделал достаточно, чтобы защитить свои последние отношения, поэтому пытается наверстать в новых.

Я откидываю голову назад и улыбаюсь.

— Я не против ревности. Меня злят обвинения и нехватка доверия, — он открывает рот, чтобы ответить, но я продолжаю: — Я знаю, для того чтобы построить доверие между нами, потребуется время, но прямо сейчас, по крайней мере, хотя бы не сомневайся во мне. Я не Оливия. Я никогда не пересплю с твоим лучшим другом, даже если по странной случайности это окажется Крисс Пратт, — Адам расслабляет кулаки на руле. — Это же не Крис Пратт, да?

Он улыбается и качает головой, наконец-то поворачиваясь ко мне.

— Тебя по-королевски обвели вокруг пальца, Фокс. Я думаю, досталось не только тебе.

Он кивает.

— Когда я уехал из Чикаго, то думал, что оставляю все позади, но кажется, я привез кое-что с собой.

— Сколько?

— Что?

— Сколько ты привез с собой? Мне лучше знать это сейчас. С ревностью и поведением мачо я еще справлюсь, но мне нужно знать, чего еще ожидать.

Он смотрит в окно, мимо моего плеча, словно пытаюсь припомнить другие проколы.

— Думаю, в последнее время я слишком быстро слетаю с катушек.

Я улыбаюсь.

— Ага, я немного повидала, но нет ничего, с чем я бы не справилась.

— Ну а ты? — спрашивает он, потянувшись за моей рукой. Переплетает наши пальцы, и мне нравится это ощущение. У него большие мужские руки, мои выглядят крохотными по сравнению с ними.

— Ничего такого, — пожимаю плечами. — Идеально

приспособленная взрослая особа.

Он ухмыляется.

— Да?

— Адам... Я щепетильно складываю еду в холодильнике и храню зимнюю одежду в посудомоечной машине. Поверь мне, есть мноооогого чего такого, что ты узнаешь, встречаясь со мной. К счастью, у меня никогда не было ужасных отношений в прошлом. Нет старых ран, которые можно беречь или злых бывших парней, скрывающихся в тени. По факту, я не встречалась ни с кем серьезно уже длительное время.

— Даже с Картером?

— Мы сходили только на одно свидание, — признаю я.

Его, кажется, это удивляет.

— Теперь я вроде как чувствую себя дураком от того, что завелся из-за него.

Я пожимаю плечами.

— Все дело в униформе. Из-за нее он кажется более угрожающим, чем есть на самом деле.

Он смеется и кивает, отворачиваясь к старой водонапорной башне.

— Может, мне тоже такую раздобыть?

Мое воображение проделывает работу за меня, и представления Адама в полицейской униформе достаточно, чтобы у меня закоротило мозг. В машине внезапно становится холодно. Хочется опустить окна, но я не знаю, какая кнопка отвечает за стекла.

Я поворачиваюсь к Адаму и вижу, что он изучает мой профиль. Его глаза больше не кажутся драгоценными камнями, в них царит угроза.

— Поедем домой? — спрашивает он, поднося наши сплетенные ладони ко рту и целуя мою ладонь.

Я содрогаюсь и качаю головой.

— Пока нет.

Нам стоит поехать домой — у нас в багажнике скоропортящиеся продукты, — но мне нравится сидеть в его машине с ним. Я отстегиваю свой ремень безопасности, чтобы повернуться к нему лицом. Нас разделяет только маленькая консоль.

— Ты хочешь поехать домой? — спрашиваю я, и слова звучат как приглашение.

Его взгляд опускается, останавливаясь на моих губах на

мгновение, прежде чем скользнуть по моей шее и груди. Он изучает мое платье — нет, он изучает *мое тело* под тканью. Улыбка на его лице медленно ширится, становится немного навязчивой... сексуальной.

— Нет.

— Я могу тебя поцеловать? — спрашиваю я, и голос звучит чуть громче шепота.

Он обнимает меня рукой за шею и притягивает ближе. Наши губы встречаются над центром консоли, и сначала это безобидный, всего лишь краткий поцелуй. Чувствую улыбку Адама губами. Мы смеемся, и его рука еще больше запутывается в моих волосах. Он удерживает меня, пока я снова его целую, и в этот раз я добавляю жара. Прикусываю его нижнюю губу, и его рука напрягается. Этот поцелуй поглощает меня.

Я отстраняюсь, и наши взгляды встречаются. Между нами повисает немой вызов.

«Здесь?», — спрашивает он, склонив голову.

«Сейчас», — отвечаю я с кроткой улыбкой.

Чтобы заняться сексом с Адамом, приходится смириться с некоторыми неудобными моментами. Когда он тянет меня через консоль, я теряю туфли и ударяюсь локтем о руль. Мои колени едва помещаются по обеим сторонам от его бедер, и когда его ладони поднимаются по моим бедрам, я выгибаюсь назад так сильно, что ударяюсь о клаксон. Он так громко гудит, что я подпрыгиваю на месте, а Адам смеется, тянет меня вниз и целует. Здесь неудобно, но только не Адаму. Его ладони точно знают, как взобраться под мое платье, чтобы добраться до светло-голубых трусиков. Они кажутся таким гладким, утонченным материалом напротив его джинсов. Я потираюсь об него бедрами вперед и назад, пока он целует меня, и ощущение пытается нас обоих.

Одна рука опускается мне на бедро, Адам выравнивает темп и скорость наших движений, словно он уже внутри меня, словно показывает, как хорошо будет через несколько минут. Может, в следующий раз, мы будем полностью обнажены и в постели, с мягким светом от свеч и сексуальными песнями в плейлисте на заднем плане, но прямо сейчас мы в замкнутом пространстве на переднем сидении, и Адам отодвигает мои трусики в сторону, чтобы его средний палец мог проникнуть в меня. Я опускаю голову на его плечо и тяжело дышу, очень *тяжело*, словно мне не хватает воздуха. Окна запотели, а в Техасе

жарковато для подобной деятельности. С меня скатывается пот, а сердце стучит, словно молот. Адам вводит второй палец, и я прикусываю мочку его уха, шепча его имя.

— Произнеси его снова, — командует он, и я повинуюсь.

Я шепчу его имя каждый раз, когда он выводит пальцы и снова медленно погружается в меня. Как раз, когда он глубоко во мне, чувствую, как распадаюсь пополам, произнося его имя.

— Раздвинь ноги, — произносит он, но не ждет, пока я послушаюсь. Он кладет руки на мои бедра, раздвигая их, словно я — эластичный бинт, и, может, мои колени впиваются в дверь и консоль, может, он разрывает мои утонченные голубые трусики — те, которые я надеваю всегда, когда нахожусь в углу ящика — но затем его пальцы снова на мне, *во мне*, мне плевать на синяки и трусики. Я хочу то, что он предлагает.

— Я так близко, — обещаю я, и его большой палец начинает по кругу двигаться на моем клиторе.

У меня и ранее были первые разы с мужчинами. Были странные и неуклюжие, типа новых не разношенных туфель, но здесь — пока Адам пальцами заставляет меня кончить, пока я выгибаюсь назад и кричу в его тихой машине — здесь нет места ни для чего, кроме жара и страсти. Его рот на моей шее, молния на моем платье стянута вниз. Лифчик на мне тоже голубой, в пару к трусикам, которые были испорчены пару минут назад. Адам замечает это и клянется, что заменит их, произнося эти слова возле моей груди, затем его губы опускаются на мой сосок. Он мог бы пообещать мне Тадж-Махал, а я бы и не заметила.

— Кому какая разница. Кому какая разница.

Мои пальцы в его волосах, и когда я тяну за них, он кружит языком вокруг моего соска. Мне нравится это рвение отдавать и забирать. Может, и ему тоже.

— Я снова заставлю тебя кончить, — обещает он, тяжело дыша. — Но мне нужно быть в тебе.

Я киваю потому что, конечно же, ему нужно быть во мне: этот вечер никак по-другому не закончится. Когда он появился с подсолнухами возле моего офиса, он мог взять меня прямо там перед зданием.

Его джинсы расстегнуты и едва спущены вниз, но этого достаточно, чтобы разместиться подо мной. Я встаю на колени, и он

потирается об мою влажность. Дрожь спускается по моему позвоночнику от ощущения, и он делает это снова и снова, покрывая член ею, пока не становится скользким.

Я впиваюсь ногтями в его плечи.

— Адам, *прекрати*. Ты меня убиваешь.

Он не останавливается. Прикасается к моему клитору, и у меня сжимается желудок. Я снова собираюсь кончить, а он еще не внутри меня. *Нет!* Я хочу почувствовать себя вокруг него, так что тяну руку вниз и размещаю член под собой. Прежде чем Адам может двинуться, я опускаюсь на его член. Он едва оказывается во мне, медленно растягивая, но мои бедра горят, а глаза крепко зажмурены. Я не могу сфокусироваться — потеряла счет каждому ощущению, кроме его прикосновения. Кажется, я умоляю его о чем-то, но едва слышу свои слова и не слышу его ответа. Адам удерживает меня, дразня дюйм за дюймом. Не думаю, что смогу ждать дольше. Удовольствие уже разрывает меня, и под закрытыми веками я вижу звезды.

— Мэделин? — произносит Адам.

Я издаю вздох, который сдерживала, и звезды теряют свой блеск.

— Да?

— Посмотри на меня.

Он приподнимает мой подбородок, ожидая, пока я открою глаза. Я не могу. Как только его светло-зеленый взгляд встретится с моим, он всё это увидит. Это первое свидание, и я вполне уверена, что не должна сидеть у него на коленях, впиваться пальцами в плечи, медленно теряя рассудок.

Адам наклоняется вперед и прижимается поцелуем к моей щеке. Он такой романтичный и нежный. Мне хочется поймать поцелуй в банку и сохранить на потом, через месяц, когда от нас с Адамом ничего не останется. Я могла бы открывать ее время от времени в память о былых временах, и чувствовать то, что чувствую в данный момент. Он полностью входит в меня, я содрогаюсь. Наконец, наши взгляды встречаются, и пути назад нет. Он двигается во мне, потираясь и вращая бедрами в таком сладком эротичном ритме. Кажется, на моих глазах появляются слезы, но я отказываюсь признавать их. Может, он тоже их видит, потому что притягивает мое лицо к себе и прижимается губами к моим.

В таком положении он решает мою проблему контроля. Мои стоны

исчезают в его рту. Тело содрогается, и он удерживает меня возле себя, шепча напротив моей щеки.

Позже, когда я безопасно оседаю на пассажирское сидение и напрасно пытаюсь расправить свою одежду, поправить волосы, вытереть рот, Адам тянется и сжимает меня за бедро. Легким, уверяющим прикосновением.

— До сих пор голодна? — спрашивает он с ленивой ухмылкой.

Это ухмылка мужчины, который только что удачно соблазнил женщину, ухмылка, которая не дает мне спать позже, когда я ложусь в постель, и не в силах заснуть, ощущаю гудение в теле после самой лучшей ночи в своей жизни.

Глава 21

Мэделин

— У тебя был секс.

Я бросаю свой маффин. Он плюхается на пол и катится под столик рядом с нашим.

Поднимаю руки и смотрю на Дейзи.

— Из-за тебя я уронила маффин.

— Думаю, ты не только его уронила.

— Что это должно означать?

— У тебя был секс, и ты не рассказываешь мне об этом.

Проходит несколько секунд, в течение которых я взвешиваю все «за» и «против» того, чтобы поднять свой маффин. Плюсы: я не потеряю два доллара семьдесят центов, которые отдала, а съем его и смогу не смотреть на Дейзи еще несколько секунд. Минусы: столик занят, маффин определенно уже выкатался в пыли и грязи, и мне удастся избежать Дейзи *только* на несколько секунд — не так уж и долго.

— Мы можем поговорить о чем-то другом? — спрашиваю я, откидываясь назад в кресле и скрещивая руки.

Дейзи отламывает половину от своего маффина и кладет мне на салфетку. Это предложение мира, и я его принимаю.

— Ладно, ладно. Мы с твоим братом много занимаемся сексом.

Мне хочется треснуться лбом о стол, желательно с такой силой, чтобы вызвать кратковременную потерю памяти.

— Как насчет того, что мы вообще опустим тему секса?

— Что? Это все, о чем я думаю. Оплодотворение тут, оплодотворение там.

Мне становится не комфортно за то, что шиплю на нее.

— Как продвигаются дела?

Она пожимает плечами.

— Я должна пройти тест на беременность через несколько дней. Прошлой ночью у меня были боли в правом боку, которые могли бы обозначать нидацию — ранний признак беременности.

Я хмурюсь.

— Да ладно, Дейзи, ты же лучше знаешь. Нельзя верить в подобные вещи. Ты просто сойдешь с ума. Вспомни, несколько месяцев назад ты клялась, что тебя пучило больше обычного?

Она отщипывает от своего маффина.

— Да, ну, сейчас у меня другое ощущение.

У меня не хватает наглости разразиться смехом, не тогда, когда она так долго пытается забеременеть.

— Ну, через несколько дней мы точно это узнаем.

— Да, — она кивает, не встречаясь со мной взглядом. — Если бы у меня было что-то, чем можно было отвлечься до тех пор. Столь долгое ожидание похоже на пытку...

Я стону.

— Ладно! Хорошо. Вчера мы занимались сексом, — шепчу я. — В его машине.

Она хлопает в ладоши.

— ДА! Я знала это. Твое лицо кирпичом — фигня. Я имею в виду, ты улыбалась своему маффину, а никто *так сильно* не любит их с лимонным вкусом.

Я стараюсь удержать улыбку, но это невозможно.

— Он остался на ночь?

— Нет. Мы вернулись ко мне и приготовили ужин, выпили вина, играли с Мышонком. Это было невероятно нормально, учитывая то, что

мы делали буквально несколько минут до этого, но я не приглашала его остаться. Подумала, что пространство нам сейчас не помешает.

— Да. Кажется, в этом есть смысл. Он хорош?

Мои щеки теперь напоминают красную кирпичную стену рядом с нами.

— Черт! Я знала, что он не промах. Нельзя выглядит так хорошо и не знать, что делать в постели. Это была бы такая пустая трата... Оу! Вспомнишь дьявола.

Я оборачиваюсь через плечо и вижу, как Адам входит в кафе в шортах для тренировки и футболке. Вчера вечером я упомянула, что постоянно пью кофе с Дейзи в субботу утром в «Кофейне Гамильтона». Уверена, что он здесь специально, и когда просматривает помещение и находит меня, его улыбка это подтверждает.

— Ты его приглашала? — с любопытством спрашивает Дейзи.

— Нет.

Да.

— Ха. Тогда ты, должно быть, тоже была хороша. Он не может держаться подальше.

Но он держится подальше. После того, как делает заказ у стойки, берет газету и забирает кофе на столик в противоположной стороне помещения рядом с окном. Меня это невероятно раздражает. Конечно, он пришел ко мне... так ведь?

Дейзи кажется, что он делает это нарочно.

— Было бы странно, если бы он пришел и прервал наше кофейное свидание. Может, он хочет тебя видеть, но не против подождать, пока я не уйду.

— Тогда уходи!

Она встает и ворует последний маффин.

— Я съем его в отместку. Получай удовольствие с мистером Ауди.

Все за окружающими столиками слышат ее — черт, Адам, вероятно, тоже — и мне требуется вся моя сила воли, чтобы не сделать подруге подножку, пока она проходит мимо моего стула. Единственная причина, по которой я воздерживаюсь, это то, что она *может быть* беременной.

— Я позвоню тебе позже, — обещаю я.

Она машет Адаму по пути к выходу, и после он смотрит на мой столик. Я киваю головой на пустой стул Дейзи. Он встает, берет свой

кофе и газету.

— Проезжал мимо? — подстегиваю я, когда он садится.

Парень улыбается.

— Был по соседству.

— Мхм.

— Надеюсь, я не прервал твое короткое кофейное свидание.

— Неее, мы здесь уже некоторое время.

Это правда. Пошел наш *второй* раунд маффинов за утро.

— Значит, я не буду чувствовать себя так плохо.

Не думаю, что он вообще плохо себя чувствует.

— Дейзи думает, что ты не можешь держаться подальше, потому что прошлая ночь была очень веселой.

— Какая конкретная ее часть? Ты сверху на мне в моей машине?

Клянусь, женщина, сидящая за нами, поперхнулась.

Я закатываю глаза.

— Да, эта часть.

— Может, я просто захотел кофе.

— Или, может, ты не мог держаться подальше.

Он склоняет голову, изучая меня.

— Может.

Я улыбаюсь.

— Как дважды два.

— Что делаешь после этого?

— Веду Мышонка в парк. На улице хорошо, и в течение последних нескольких дней я обещала ему побросать мяч. Хочешь поехать?

— Мне можно сначала допить свой кофе?

Я киваю и встаю.

— Ага, мне все рано нужен другой маффин.

* * *

Три дня спустя мне приходится везти Мышонка обратно в клинику на очередные прививки. У меня есть ровно тридцать минут, чтобы свозить его на прием, отвезти домой и вернуться на работу вовремя. Адама не волнует нехватка у меня времени. Мы находимся в смотровой, где он должен сделать прививку моей собаке, а вместо этого прижимает меня к двери, скользя рукой под мое платье... как любой правильный

ветеринар.

— Ты делаешь это со всеми своим пациентами? — дразню я, всего лишь полушутя отбивая его руку.

На это нет времени, не говоря уже о том, что у меня нет ни расчески, ни косметики, и нечем привести себя в порядок, если он решит трахнуть меня перед работой.

Он прокладывает дорожку поцелуев вниз по моей шее, и мои глаза закрываются.

— *Адам.*

Кто-то стучит в дверь смотровой, и мы отскакиваем. Это просто его ассистентка с вакцинами для Мышонка.

Я провожу рукой по шее, которая, очевидно, розовая из-за губ Адама, и сажусь на один из стульев.

— Как вы сегодня, мисс Тэтчер?

Я улыбаюсь ассистентке.

— В порядке, — оттягиваю свою юбку, которая на несколько дюймов выше, чем следовало бы. — Хорошо, да. Как у вас дела?

Она тщетно пытается подавить улыбку.

— Отлично. В последнее время у доктора Фокса очень хорошее настроение.

Адам занимается шприцами, а затем щедро угощает Мышонка лакомствами. Но я все равно вижу улыбку, которую он пытается скрыть.

Когда ассистентка делает шаг, чтобы выйти из комнаты, я встаю.

— Это все? Я пойду с вами, чтобы оплатить счет.

Женщина смотрит на Адама, затем на меня.

— О, он не сказал вам? У нас скидка на семью и друзей.

Я подергиваю бровью, глядя на Адама.

— Как же мне повезло.

Когда я уйду через несколько минут, каждая пара глаз в приемной приклеена ко мне. Сплетни быстро облетят город, и хоть я должна быть против, но нет. Ни капли не возражаю.

Сегодня вечером Адам собирается приготовить жареного цыпленка с картофелем и розмарином, а после этого я соблазню его на диване. Не уверена, какая часть меня больше волнует.

Нет, цыпленок.

Определенно, цыпленок.

* * *

Через неделю Адам покупает фермерский домик. Мы проводим все утро в компании, подписываем документы и решаем последние несколько оставшихся вопросов. Я едва могу усидеть в своем кресле, зная, что через несколько секунд отнесу чек с комиссионными в банк. У меня все распланировано: я собираюсь заплатить за аренду (и позаботиться обо всех просроченных платежах), положить деньги на сберегательный счет и, может быть, наконец отвези машину в ремонт. Не знаю, кого больше волнует последнее, Адама или меня.

Я предлагаю ему помочь с переездом. У него не очень много вещей, так как дом, который он снимал, полностью меблировался. Есть несколько коробок с одеждой и личными вещами, и все равно мы укладываемся в две ходки. Оставляем коробки в гостиной, убирая их с прохода, и я останавливаюсь на секунду, чтобы осмотреть пустое пространство.

Это дом мечты — дом *моей* мечты — но я не сказала об этом Адаму. Кажется странным — объявить такое мужчине, с которым вы только что начали встречаться. *Кстати, дом, который ты только что купил, именно тот тип дома, где я хочу завести свою будущую семью. Круто, да?* С таким же успехом я могла бы принести ему бумажку с размером моего безымянного пальца. Слишком много давления. Мы даже официально не встречаемся. Дейзи спросила об этом вчера вечером.

— *Он, по сути, не мой парень, — объясняю я.*

— *Что ты имеешь в виду? В последнее время вы были неразлучны.*

— *Ага, ну, все только начинается, и не нужно спешить с ярлыками.*

Она мычит, как будто не совсем мне верит.

— *Ты хочешь избежать ярлыков, или Адам?*

— *Я. Адам. Мы оба, думаю.*

— *А тебя ничего не смущает?*

— *Что должно смущать?*

— *Вы, ребята, моногамны?*

— *Я — да.*

— *А Адам?*

Я вздыхаю, пытаюсь передать, как меня бесит ее раздражение.

— Я не знаю, Дейзи.

— ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ?!

— Я не видела его ни с кем другим! И, честно говоря, я не знаю, где ему взять время. Мы вместе каждый день, — я на девяносто девять процентов уверена, что он не встречается ни с кем другим, но я не спрашивала. Это кажется, тяжелым и неловким разговором для такой ранней стадии отношений.

— Звучит, словно вы почти не понимаете друг друга.

— Странно, я думаю, то, что сейчас мне не хватает общения. Сигнал становится хуже. Надо идти.

— Скажи своему парню — о, я имею в виду твоего друга без ярлыков и никаких привязок, — что я передаю «привет».

Я повесила трубку.

Сейчас, спустя сутки, меня бесит понимание того, что семя слов Дейзи укоренилось в моих мыслях. *Мы моногамны? Я вообще хочу быть моногамной?* Ха. Девушка, которая на протяжении последних нескольких лет была вечно одинокой, не уверена, готова ли она осесть. Роскошно. Месяц назад я бы отправилась на свидание с мистером Боггсом, если бы он вежливо попросил.

Я вырываюсь из своих мыслей, когда Адам открывает французские двери, ведущие на крыльцо с перилами по кругу, и говорит мне подождать его там. Мышонок бежит передо мной, в полной мере используя забор вокруг территории дома Адама. Ближайший сосед с таким же успехом может жить на другой планете. Здесь, кажется, весь мир для нас двоих.

Я сажусь на ступеньки крыльца и наблюдаю, как Мышонок отслеживает белку и срывается с места. Затем видит кролика и летит обратно. Он в собачьем раю.

Адам приносит охлажденную бутылку шампанского и два пластиковых стаканчика.

— Время отпраздновать? — спрашиваю я, беря стаканчики, чтобы он мог открыть пробку.

— Кажется уместным. Не каждый день ты продаешь дом.

Я улыбаюсь.

— Не каждый день ты покупаешь дом.

Он смеется и наливает мне так много шампанского, что оно разливается через край маленького стаканчика. Я визжу и отстраняюсь назад, но шампанское уже на моей блузке. Адам проделывает чистую работу, снимая ее через мою голову, чтобы она могла «высохнуть на крыльце».

Я смеюсь, когда он притягивает меня ближе.

— Не думаю, что это так работает.

— Она высохнет в мгновение ока, — обещает он, прижимаясь к моей шее.

— О, да? А как насчет моего лифчика?

Он уже пытается снять его с меня.

— Кажется, на нем тоже есть шампанское.

— Нам лучше зайти внутрь.

Эти слова слетают с моих губ, но они не более чем полусерьезный шепот.

— Никто нас не увидит, — обещает он, подталкивая меня к крыльцу. Адам переставляет левую ногу, затем правую, и моим приходится сделать то же самое. Достаточно скоро я оказываюсь загнанной в ловушку.

— Мышонок может увидеть, — шучу я.

Губы Адама оказываются на моей груди, целуют ключицу, а затем ниже.

— Он слишком занят белками.

Нет, Мышонок не слишком занят белками, он катается в луже грязи. Я знаю, потому что через несколько секунд он подбегает к крыльцу и отряхивается на нас с Адамом. Мы оба полностью покрыты грязью и отскакиваем друг от друга, а Адам бранит Мышонка с притворным гневом. Мышонок отвечает тем, что убегает прямо от крыльца к луже и вымазывается в грязи еще больше.

— А он точно не наполовину поросёнок? — спрашиваю я, становясь за Адамом и обнимая его за талию. Голой грудью я прижимаюсь к его футболке и поворачиваю голову, позволяя щеке прижаться между его лопатками. Мы никогда не делали этого — случайная интимность, *объятия*. Мы были на пути к тому, чтобы заняться сексом на крыльце, и, вероятно, продолжим через несколько минут, но сейчас я не против просто постоять здесь и почувствовать, как его сердце бьется под моей ладонью.

Он смеется.

— Прямо сейчас, я честно не могу сказать.

Делаю шаг, чтобы отступить, но Адам тянется вниз, удерживая мои руки на себе, поэтому у меня не получается отстраниться. Я рада, что он не видит, как сильно я улыбаюсь за его спиной.

* * *

На следующее утро я просыпаюсь одна в новой спальне Адама. Его недавно приобретенный воздушный матрас лежит на полу, а наши одеяла разбросаны повсюду. Мы сразу занялись боевым крещением пространства. Стена, дверь, пол из твердых пород дерева — все сыграло свою роль для нашей ночи. Черт, я бы, наверное, повисла на потолочном вентиляторе, если бы достала. *Думаю, всегда будет следующий раз...*

Но сначала мне нужна еда. Шампанское и пицца, которыми мы ужинали вчера, давно закончились. Я сажусь в постели, оборачивая белую простыню вокруг груди. Затем слышу голоса внизу, и не уверена... но, кажется, я также улавливаю запах свежееиспечённого хлеба. Выпечка, может, калачи. *О, да.*

Я, как можно скорее, сползаю с матраса и набрасываю единственную одежду, которая у меня есть: вчерашняя грязная блузка и юбка-карандаш. Чувствую соблазн одолжить что-то из одежды Адама, но его здесь нет, чтобы предложить ее мне, а я не буду предполагать, что все будет в порядке. Может, он подумает, что я сумасшедшая, раз пытаюсь украсть его футболку и оставить зубную щетку у его раковины. Хотя зубная щетка в этот момент оказалась бы очень кстати. Как бы то ни было, выдавливаю зубную пасту на палец в его ванной и «чищу» зубы, избавляясь от утреннего дыхания. Уверю себя, что это лучше, чем ничего.

Когда выхожу из комнаты Адама, то убеждаюсь, что с нижнего этажа определенно доносятся голоса, и это не телевизор — я знаю, потому что вчера вечером у нас не было времени, чтобы настроить его. Расшифровка: мы были заняты сексуальной активностью.

Я прохожу полпути вниз по лестнице, прежде чем определяю, кто говорит.

Мама Адама.

Сукин...

— Я была так же потрясена, как и ты. Я имею в виду, она просто появилась на моем крыльце! Что я должна была сделать?

— Посадить ее на первый же самолет обратно в Чикаго, — разочарованно отвечает Адам.

Мне хочется взбежать вверх по лестнице, но теперь я достаточно близко, чтобы *точно* понять, что на этой кухне есть свежая выпечка. Моя любовь к теплым углеводам перевешивает способность интерпретировать социальные сигналы. Может, они смогут продолжить свой личный разговор, когда я прошмыгну, наберу полную тарелку и поскачу обратно наверх.

— Мэделин! Я понятия не имела, что ты здесь.

Я замираю на нижней ступеньке, пока Диана окидывает взглядом мою грязную одежду, взъерошенные волосы и засос, о котором я только что вспомнила. Я хлопаю рукой, чтобы прикрыть его, но она подмигивает.

— О, да... — я бурчу разумное оправдание. — Я просто проверяла Адама, чтобы убедиться, что он... эм... знает, где все включатели света.

Адам качает головой и смеется.

Его мама ведет бровью, глядя на меня и веселясь.

— Какой причудливый наряд для воскресного утра.

Пожимаю плечами.

— О, вы знаете, только потому, что это выходной, не значит, что нельзя одеваться ради успеха!

Пора бросать свою роль. Я никого не обману, даже Мышонка. Он сидит рядом с Дианой, глядя на меня — клянусь вам — с ухмылкой.

— По-моему, к твоему плечу носок прилип, — отмечает она.

На самом деле, *два* носка, и они Адама. Я медленно убираю их и кладу на столешницу. Мгновенно подумываю выдать шутку про «Добби свободен!», но кажется, время не подходящее (*прим. ред.: В фильме «Гарри Поттер и Тайная комната» есть сцена, когда Гарри освобождает домашнего эльфа Добби от Люциуса Малфоя, подарив ему (Добби) носок якобы от хозяина. В понятии домашних эльфов, если хозяин подарил что-нибудь из одежды — эльф свободен. И он говорит фразу «Хозяин подарил Добби носок — теперь Добби свободен!»*). Вместо этого неловко улыбаюсь и пожимаю плечами.

— Мама, Мэделин здесь не потому, что занимается недвижимостью. Она моя девушка. На этот раз по-настоящему.

ДЕВУШКА.

Выкуси, Дейзи.

Я улыбаюсь Диане, но знаю, что улыбка больше похожа на прямую линию над стиснутыми зубами, как у смайлика, который я использую в моменты паники.

Диана хлопает ладонью по груди и притворяется шокированной.

— Что?! *Нет.* Я бы никогда не догадалась.

Руку с шеи можно опустить. Больше нет смысла пытаться поддерживать свою роль.

— Если бы я знала, что вы здесь, то постаралась бы выглядеть более презентабельно, — смущенно признаюсь я.

— По-моему, ты отлично выглядишь. А моему сыну, с другой стороны, не помешал бы душ.

Смотрю и улыбаюсь. Адам опирается на кухонную столешницу в майке и пижамных штанах. Его светло-каштановые волосы торчат во все стороны, он выглядит сонным и очаровательным. Я бы бросилась на него, если бы его мать не стояла в десяти футах.

— Длинная ночка? — спрашивает она, и я становлюсь клубничного цвета.

— Мама, почему ты задаешь вопросы, на которые не хочешь знать ответ?

— Потому что мне нравится наблюдать, как ты извиваешься, — говорит она с уверенной улыбкой.

— Мне можно украсть одну из вкусняшек? — спрашиваю я, указывая на светло-розовую коробочку на столешнице. Если я должна вести светские беседы с матерью моего *парня* в воскресное утро, мне нужно делать это, пока я буду слизывать глазурь с булочки с корицей.

Она толкает коробочку мне, а затем передает мне бумажную тарелку.

— Бери сколько хочешь. Я принесла их для тебя.

— Кажется, ты сказала, что не знаешь, что она здесь, — указывает Адам.

Диана усмехается.

— Я не настолько наивна, как ты, кажется, думаешь, сынок.

Он кивает.

— Понял.

Молча откусываю выпечку, и на кухню опускается тишина. Мне

вспоминается разговор, который я прервала своим приходом. После того, как я заканчиваю свой первый кусочек, говорю им, что буду на крыльце с Мышонком. Никто за мной не идет. Ясно, что им есть что обсудить. К сожалению, даже снаружи я слышу каждое слово. Французские двери не предназначены для того, чтобы заглушить обсуждение Оливии.

Я улавливаю детали, которые пропустила, пока спала. Оливия, видимо, неожиданно показалась в доме Дианы вчера вечером. Диана впустила ее и предоставила ей комнату на ночь, что заставило меня захотеть раздавить булочку с корицей ладошкой. Я сопротивляюсь, потому что... ну, это же булочка с корицей.

— Чего она хочет? — спрашивает Адам.

— Поговорить с тобой, естественно.

Он смеется, и смех звучит ужасно, угрожающе.

— Есть такая мелочь, называется телефон. Если бы она хотела поговорить, у нее были последние пять месяцев, чтобы позвонить мне.

— Она предположила, что ты не ответишь.

— Ну, в этом она оказалась права, — говорит он. — Я бы, наверное, не ответил.

— Она привезла Молли.

Его любимую собаку.

— Зачем ей, черт возьми, это делать? Какая-то ловушка для пробуждения сочувствия?

Мама пытается его успокоить.

— Я не знаю, о чем она хочет поговорить с тобой, но если хочешь, чтобы я сказала ей, что ты не готов для этого, то я скажу. Тем не менее, я дам тебе несколько советов, которые, думаю, тебе следует хорошо обдумать. Вы с Оливией не разобрались. Не решили все до конца, не порвали должным образом и оставили за спиной мосты. Они будут преследовать тебя, пока ты не доживешь до моих лет. Если хочешь двигаться дальше и оставить Оливию в прошлом, думаю, ты должен поговорить с ней лично. Если сейчасотреагируешь злостью, то, думаю, пожалеешь об этом.

НЕТ. Не пожалеешь!

Ненавижу Диану. Выбрасываю булочку с корицей на газон — я не буду есть еду своих врагов, а она именно враг, раз хочет усадить Адама с Оливией. Он любил ее столько лет. Боже, и, вероятно, все еще любит.

Если они увидят друг друга, все эти чувства вспыхнут, и тот факт, что она привезла Молли, — эта сумасшедшая сука точно знала, что делает. Я топаю по газону и футболу булочку еще пару метров. Приятно уничтожить что-то, хотя теперь я понимаю, что умираю с голоду.

Несколько минут спустя, когда Адам кричит, чтобы я вернулся внутрь, его мама уходит. Ее глупая выпечка все еще стоит на столешнице, и я чуть не соблазняюсь взять новое лакомство.

— Похоже, что Оливия вчера вечером появилась в доме моей мамы, — первым начинает Адам.

Он готовится выдать всю информацию, которую я знаю благодаря подслушиванию, поэтому поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Я слышала ваш разговор даже оттуда.

— Она думает, что я должен поговорить с ней.

Я не могу встретиться с его глазами. Смотрю на Мышонка, который блаженно не знает, что значит, когда ваше сердце разрезают посередине.

— И ты собираешься?

Он проводит рукой по волосам и отворачивается.

— Я не знаю. То есть, я думаю. Она прилетела аж из Чикаго.

Мой желудок скручивается.

— Ты должен, — говорю я, и слова обдают мой язык кислотой.

— Думаешь?

Я пожимаю плечами.

— Прощание — это всегда хорошо, так ведь?

— Я больше не люблю ее, Мэделин.

Наконец я встречаюсь с его взглядом и обнаруживаю, что он изучает меня, склонив голову в сторону. В его глазах, может быть, даже есть жалость. Мне вдруг хочется отвернуться.

— Я знаю... то есть, *не знаю*, но это... — качаю головой, пытаюсь очистить мои хаотичные мысли. — Ты должен сделать все, что считаешь правильным.

Молчание повисает между нами, и я не могу стоять на его кухне больше ни секунды.

— На самом деле, мне как раз пора возвращаться домой, — говорю я, удивленная тем, насколько уверена в этом.

— Сейчас? Уже?

— Да. У меня скоро показ домов для мистера Боггса, и мне нужно

принять душ и переодеться.

Адам кажется разочарованным, или, может быть, дело в моем воображении.

— Точно. Хорошо. Я могу отвезти тебя и Мышонка домой.

Поездка на машине пропитана напряженностью и невысказанными словами. Мы громко включаем радио, чтобы заглушить тишину, но этого недостаточно, чтобы утихомирить мои страхи, и когда мы приезжаем в мою квартиру, я стараюсь не вдумываться в то, что он только что оставил мне целомудренный поцелуй на щеке.

Да, Дейзи, у меня есть для тебя ярлык: *все сложно*.

Глава 22

Мэделин

После ночи беспокойного сна и часов размышления о том, что будет или не будет с Адамом, я решаю сыграть в игру. Утром просыпаюсь и притворяюсь, что Адам никогда не был частью моей жизни. Прогуливаюсь с Мышонком по окрестностям, а затем возвращаюсь домой и готовлю себе сытный завтрак. Принимаю душ и собираюсь на работу, достаю из шкафа модное платье. Волосы завиваю, словно никогда не завивала их прежде, и наношу макияж, как человек, знающий в этом толк. Я хорошо себя чувствую. Мысли об Адаме и Оливии парят на периферии, но я отказываюсь позволять им приближаться.

Когда вхожу в «Кофейню Гамильтона» побаловать себя заслуженным латте, то оцениваю улыбку мужчины позади меня в очереди. Приятно знать, что в мире, где Адам никогда не существовал, я все еще могу привлекать внимание противоположного пола. Он даже спрашивает меня, что я хотела бы заказать. Говорю: «Ванильный латте», и он кивает баристе: «Два латте». И хотя я настаиваю на оплате, он отказывается.

Вхожу в офис с небольшой легкостью в шаге, и меня даже не беспокоит, когда Лори устраивает мне засаду в обеденное время с новостями об Адаме.

— Вы с Адамом Фоксом встречаетесь, так ведь?

Это первое, о чем она меня спрашивает, и я не решаюсь ответить. Я не могу уйти, ибо моя пицца греется в микроволновке, на таймере осталось всего сорок пять секунд, а это значит, что я в сорока пяти секундах от пищевого рая.

— Ничего серьезного, — пожимаю я плечами.

Она мычит.

— О, ну ладно. Просто я видела его вчера вечером за обедом с потрясающей блондинкой.

Мои вены наполняются льдом.

— Почему это должно меня волновать? — смеюсь я, глядя на тикающий таймер на микроволновке, торопя ее всей силой моей мысли. *Готовься, перперони, ГОТОВЬСЯ.*

— Ну, меня бы заботило, если бы мой парень сидел с другой женщиной за столиком для влюбленных в «Беллиссимо». Я была там с несколькими подругами по книжному клубу. В этом месяце мы читаем «Жизнь и цель собаки» — очень трогательно. Как любитель собак, я не могу от нее оторваться.

Я мычу от скуки.

— И мы уже обсудили половину наших вопросов, когда вошел Адам и его пара. Клянусь, что весь ресторан сразу пошел сплетнями. *Кто она? Где она раздобыла это платье?* Оно было красивым, безусловно, от высококлассного дизайнера, а не то, что носят здесь.

Тычу большим пальцем по кнопке на дверце микроволновки, и она открывается так быстро, что Лори приходится отскочить назад.

— Спасибо за информацию, но мне нужно возвращаться к работе.

Я хочу выйти из кухни, но ее слова останавливают меня.

— Казалось, им очень уютно вместе. Ее рука лежала на его предплечье большую часть ужина. Я просто подумала, что будь я на твоем месте, то хотела бы знать.

Я смеюсь с сарказмом.

— *Нет*, Лори, ты хотела плюнуть мне в лицо фактом, что Адам был на свидании с красивой блондинкой.

Она изображает негодование.

— Зачем мне... это абсолютно не тот случай!

Я пожимаю плечами и выхожу из кухни, гордая собой, что, наконец, возразила ей. Она может притворяться, что я неправа, так же,

как я могу притворяться, что свидание Адама и Оливии не возмущает меня, но мы обе знаем правду.

* * *

Позже тем вечером Адам звонит мне, пока я готовлю ужин. Я парю рядом с плитой, подогревая соус для спагетти, когда его имя высвечивается на экране моего айфона. Я плююсь на него на столешнице. Технически я не могу ответить, потому что у меня соус на пальцах, но я не трусиха. Мою руки и добираюсь до телефона до того, как звонок переадресуется на голосовую почту. Я громко дышу, когда отвечаю.

— Мэделин, привет.

— Привет.

— Как дела? У тебя был хороший день?

Мы никогда этого не делали. В последние несколько недель мы не были людьми, которые звонили по телефону в конце дня; нам не нужно было, потому, что чаще всего мы были вместе. Теперь, кажется, все изменилось.

— Я в порядке, — отвечаю я, пытаюсь не хрипеть. — На работе порядок, — порядок, порядок... По-видимому, я не знаю другого слова, чтобы описать свою жизнь. — А твой?

— О, да. Также. Порядок.

Мы оба смеемся, потому что это больно. Это уровень боли от свиданий по телефону. Мне хочется спросить его об ужине вчера вечером, но не хочу, чтобы он подумал, будто я слежу за ним. Хуже того, я решаю, что поднимать эту тему — его обязанность, а не моя. Но он этого не делает. На протяжении короткого телефонного разговора мы не обсуждаем Оливию. Не обсуждаем нас.

Хочется вернуться к игре, которую я изобрела утром.

— О, мои спагетти готовы. Я лучше пойду.

По правде говоря, они готовы уже пять минут, грустно и опустошенно ждут в дуршлаге в раковине.

— Хорошо, да. Ты ведь придешь завтра на урок дрессуры?

Урок дрессуры, ну конечно. Я забыла о нем, и теперь, когда он вспомнил, мне больше ничего не хочется, как пропустить его, но Мышонок этого не заслуживает. Я не хочу быть причиной того, что

Мышонка выгонят из собачьей школы, он превратится в собачьего преступника и в конечном итоге окажется задержан за контрабанду костей через границу.

— Да, конечно. Я бы его не пропустила.

Я заканчиваю звонок, а затем грустно ем свой ужин в своей печальной квартире. Оказывается, я придумала еще одно слово, описывающее мою жизнь: Г.Р.У.С.Т.Н.О.

* * *

Я показываю мистеру Боггсу дом на следующий день, когда Дейзи наконец перезванивает мне. Извиняюсь и иду на улицу, чтобы ответить.

— Дейзи! Наконец-то!

— Извини, я была с пациентом. Что происходит? Почему ты сказала моему секретарю 9.1.1?

— Потому что мне нужно, чтобы ты позже пошла со мной на урок дрессуры с Мышонком.

— Это твоя чрезвычайная ситуация? Ты понимаешь, что значат эти цифры?

— Да. Это чрезвычайная ситуация, — настаиваю я. — Ты можешь приехать?

— Извини, Мэделин, у меня назначена встреча с доктором.

Я паникую.

— Ты серьезно? Перенеси... или еще лучше, просто поставь диагноз сама себе.

Она смеется.

— Да, только вот на самом деле так не делается. Однако я ценю креативный подход.

Я отхожу еще на несколько шагов от дома и прижимаю руку к телефону, чтобы мой голос не было слышно из дома.

— Дейзи, я не смогу сделать это в одиночку. Я не смогу с ним встретиться.

— Нет, сможешь. Ты раздуваешь большую проблему из этой Оливии, чем она есть на самом деле. Не позволяй Лори влезать в твою голову.

— Я не раздуваю проблему! Они были обручены в течение пяти лет, Дейзи. Они, вероятно, родственные души, и сегодня вечером после

урока он собирается оттащить меня в сторону и мягко расстаться. Я не могу этого сделать. Я не хочу, чтобы Мышонок увидел меня такой. Мои эмоции мне изменяют.

— Ага, не дай Бог, ты позволишь ему узнать, что ты чувствуешь.

— Да, *не дай Бог*, Дейзи! Как жалко это будет выглядеть, когда он попытается расстаться со мной, а я начну плакать. Я имею в виду, я даже не уверена, что он должен мне разговор на тему расставания! Как ты и сказала, мы не встречались официально или что-то еще.

Она вздыхает.

— Нет, встречались.

На ее конце линии появляется еще один голос — ассистент врача, который напоминает Дейзи о приеме, и она сообщает мне, что ей нужно идти.

Мне хочется ненавидеть ее за то, что она бросает меня в такое время, но я не могу. Она права. Я взрослая женщина и могу встретиться с Адамом с высоко поднятой головой, и я делаю именно это, вплоть до тех пор, пока я не подхожу к ХАМЛ с Мышонком и не попадаю под проливной ливень. Весь день было безоблачное голубое небо, но почему-то, когда я заезжаю на стоянку, день внезапно превращается в сезон дождей. Я остаюсь внутри, пытаюсь переждать наихудший порыв, но проходят минуты, и я опоздаю, если не побегу сейчас. Другие участники выходят на стоянку с зонтиками, в резиновых сапогах и дождевиках, которые прикрывают их с головы до ног. Я роюсь в своей машине и нахожу остатки полиэтиленового пакета, который едва накроет мою голову.

К сожалению, это придется сделать.

Мы с Мышонком бросаемся к входной двери. Он отклоняется от курса, чтобы поплескаться в каждой луже, которую сможет найти, но я бегу прямо к входу. И все же это бесполезно. Когда открываю дверь и вхожу внутрь, я мокрая до нитки. Мои некогда идеальные завитки волос свисают грустно и уныло. Джинсы прилипают к бедрам, а туфли скрипят при каждом шаге.

Адам уже в спортзале с большинством других участников. Все снимают дождевики и сушатся, как только могут. Мышонок встряхивается и разбрызгивает воду по всей комнате.

— Вот, это немного поможет, — говорит Адам, протягивая мне небольшое полотенце для тренажерного зала, которое он, должно быть,

нашел в одном из шкафов. Я использую его, чтобы промочить им одежду и превращаюсь из мокрой в почти мокрую. Затем Адам забирает у меня полотенце и вытирает им Мышонка.

— Спасибо. Я и не думала упаковать что-то от дождя.

Он улыбается и смотрит на меня. Мы встречаемся взглядами, и его бледно-зеленые глаза заставляют желудок перевернуться. Я не видела его два дня. Это ничто — едва ли глазом моргнуть успеешь — и все же момент чувствуется напряженным. Я моргаю и первой отвожу взгляд.

— Не был уверен, что ты придешь, — признается он, вставая.

Если честно, я тоже.

— Я почти решила не ехать.

Адам вздыхает.

— Да, наверное, последние два дня были странными, если не сказать больше.

— О? — я звучу обыденно и отрешенно.

— Адам, — зовет одна из участниц. — Мы начнем вовремя или подождем отставших?

Конечно, класс дрессуры — причина, по которой мы оба здесь, причина, по которой десятки людей смотрят на нас, удивляясь, почему Адам еще не начал урок.

Он оглядывается на меня, хмуря брови и смущаясь.

— Ты останешься после урока, так ведь?

Я киваю. Конечно, останусь.

К сожалению, обещание выполнить не получится.

Первая половина урока проходит как обычно. Адам увеличивает сложность команд, и мы работаем с нашими собаками, тренируем их, кликаем и даем им лакомство каждый раз, когда они слушаются. Мышонок уже понимает «сидеть», «лежать», «рядом», а у меня получается «избегать», «улыбаться», «кивать» всякий раз, когда Адам приходит проверить меня. Могу сказать, что он хочет отвести меня в сторону и поговорить, но нет причин делать это посреди класса. Если он скажет мне, что они с Оливией снова вместе, или что она останется в Техасе, или что он снова сделает ей предложение с *более крупным и лучшим* бриллиантом на кольце, я хочу, чтобы мы остались наедине, желательно в темной комнате, чтобы он не увидел, как я расклеюсь у него на глазах.

— У него хорошо получается, — говорит Адам, похвалив Мышонка

после очень долгого его нахождения в положении «сидеть».

Я наклоняюсь и глажу Мышонка по голове, когда двери спортзала открываются и привлекают внимание всех в помещении. Входит красивая блондинка в шикарной белой блузке и черных брюках. Всё безупречно смотрится на ее фигуре, вероятно, специально сшито для ее костлявого маленького тела. Какой бы дождь ни лил на улице, пока я ехала, должно быть, он закончился, прежде чем она вышла, потому что каждая волосинка ее коротких светлых волос уложена на своем месте. На ее губах яркий оттенок красного, а туфли на каблуках кажутся дорожке моего дивана. Вокруг ее запястья — тонкий коричневый кожаный поводок, ведущий к золотистому ретриверу среднего размера. Короче говоря, она — самая соблазнительная женщина, которую я когда-либо видела в реальной жизни.

Оливия.

Конечно, это Оливия, а очаровательная собака с хорошим поведением у ее ног — Молли.

Бывшая семья Адама — *красивая* бывшая семья Адама.

Девушка бежит прямо к нам, и мой мозг кричит мне сделать хоть что-то. *Беги! Срывайся, пока можешь!* Я просматриваю оба выхода, задаваясь вопросом, могу ли я дойти хоть до одного из них, прежде чем она доберется до нас, но уже слишком поздно. Я улавливаю тонкий аромат роз ее парфюма, прежде чем могу сделать хотя бы шаг.

— Прости, я опоздала. Во всем виноват дождь.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Адам. — Мама сказала, что я буду здесь?

Мой взгляд приклеен к полу, и я слишком окаменела, чтобы взглянуть на Оливию и впитать ее красоту с такой близости. Бьюсь об заклад, она выглядит как модель с подиума показа мод.

— Она упомянула об этом сегодня, поэтому я подумала, что приведу Молли обновить знания.

Девушка звучит так уверенно рядом с ним, и я предполагаю, что все правильно. На сколько обедов они вместе сходили? Сколько раз съездили в отпуск? Бездельничали по утрам в воскресенье?

— Оу! Это кто? — спрашивает кто-то позади меня.

Остальные участницы начинают собираться вокруг, любопытничая о богине, которая попросту прервала наш урок.

Оливия смеется, и этот звук напоминает смех сотни младенцев-

ангелов.

— О, я Оливия, невеста Адама.

— *Уже нет!*

Все взгляды обращаются ко мне, и я, наконец — наконец-то — смотрю на Оливию. Она пристально смотрит на меня суженными глазами, и я понимаю, что сказала это не к месту. У них личный разговор, а мне стоило прикинуться несуществующей пылинкой.

— *Уже нет-терпится*, — исправлюсь я. — Мышонок только что сказал мне, что ему нужно в уборную.

Вот как я прикрываю свой нелепый фальшивый выпад — использую мою бедную, невинную собаку в роли козла отпущения, — но Мышонок не должен им становиться, он недостаточно подготовлен к такой ответственности. Я пытаюсь заставить его следовать за мной, чтобы мы могли выйти из спортзала и уехать, пока не достигнем мексиканской границы, но он упирается лапами в пол. Его внимание сосредоточено на Молли.

— Он действительно хорош в команде «сидеть», — смеюсь я, снова пытаюсь потянуть его. — Прекрати паясничать, Мышонок, *пошли*.

Он не двигается с места.

— Думаю, она ему нравится, — говорит Оливия, очаровывая всех в комнате.

Мышонок взволнованно вздрагивает, а затем игриво выгибается, пытаюсь привлечь внимание Молли, но она держится изо всех сил, вежливо сидя в ногах Оливии.

— Мэделин, я могу поговорить с тобой секунду?

Адам пытается оттянуть меня в сторону комнаты за локоть, но, как и Мышонок, я не двигаюсь. Вступает мой инстинкт «бей или беги», и мне хочется убежать.

Я тяну Мышонка, и он, наконец, слушается.

— Я просто выведу его на улицу, — говорю я, не глядя на Адама или Оливию.

Не хочу участвовать в этой неудобной ситуации.

— Это та подруга, о которой ты мне рассказывал? — я слышу, как Оливия спрашивает, когда ухожу, но не слышу ответа Адама, и, возможно, это к лучшему. Как бы то ни было, я могу заполнить его ответ тем, чем захочу.

Да, это та подруга, о которой я тебе рассказывал, та, в которую

я безумно влюблен!

Ха.

Когда выхожу из ХАМЛ, то вижу, что дождь снова начался. Ну конечно же. Он останавливается для женщин, таких как Оливия, а для меня всегда готова грозовая туча над головой. Я даже не спешу к машине. А смысл? Моя одежда все равно еще мокрая.

Весь путь до машины Мышонок пытается вырваться обратно, и его скуление становится только громче, когда я открываю для него пассажирскую дверь. Он не хочет уходить, пока новая любовь в его жизни остается там, в спортзале.

— Поверь мне, это просто щенячья любовь, — настаиваю я. — Ты справишься.

Мы оба справимся.

Чувствую себя трусихой от того, что ухожу до конца урока. Адам просил меня остаться, чтобы мы могли поговорить, но как нам теперь это сделать, если Оливия рядом? Я не ожидала, что она до сих пор осталась в Техасе. Если бы она попросту хотела попрощаться официально, то не привела бы Молли на урок, а была бы сейчас на полпути в Чикаго. И если она все еще была достаточно уверена, чтобы без приглашения показаться со своей собакой, значит, что у нее еще есть надежда и между ними все сложнее, чем я думала.

Сложно.

Это снова мое любимое слово.

Моя машина заводится после второй попытки (слава Богу), и Мышонок скулит. Я чувствую, что мне нужно держаться за нас обоих. Если я начну плакать, возврата не будет. Дождь бьет по лобовому стеклу те несколько минут, что я еду назад в свою квартиру. Я хочу поддаться чувствам жалости к себе и печали, что надвигаются и загоняют меня в угол, но не делаю этого. Моя жизнь может показаться такой же сложной сегодня, как была несколько недель назад, но все изменилось.

Я продала дом.

Заплатила свою просроченную арендную плату.

Мистер Холл не преследует меня, требуя деньги.

У меня назначена встреча в понедельник у механика.

Хоть чувство такое, словно все потеряно, на протяжении всей короткой поездки домой, это не тот случай.

Гроза становится на порядок сильнее к моменту, когда я

добираюсь до своего жилого комплекса, и мы с Мышонком бежим, пока порыв ветра почти сбивает меня с ног как бульдозером. Я быстро вожусь со своими ключами, надавливаю на тонкую дверь, впуская Мышонка как можно быстрее. Он встряхивается, разбрызгивая воду повсюду. Обычно мне не все равно. Но сейчас мне просто нужен душ. Простой горячий душ.

Я не тороплюсь, позволяя воде превратиться из теплой в очень горячую, прежде чем ступаю под струи. Это не решает всех моих проблем, но помогает. Мой гель для душа с запахом лаванды оказывает на меня успокаивающий эффект. Через десять минут кожа вымытая и сморщившаяся, и я решаю, что все будет хорошо, несмотря ни на что. Если Адам и Оливия снова сойдутся и отправятся в брачное блаженство, я могу с этим справиться.

Мы же с ним не давали обеты друг другу. Мы провели несколько недель с удовольствием. Предположительно, я позволила себе фантазировать о большем, особенно в последнее время. Мне не хотелось тешить себя, но то, что он купил белый фермерский домик, я почти приняла за знак. Это дом моей мечты, и он купил его. Конечно, я недостаточно сумасшедшая, чтобы съезжаться с парнем всего через несколько недель после знакомства, но в перспективе... Я думала, что мы будем жить вместе: Адам, Мышонок и я.

Дождь, кажется, только усилился, когда я закончила с купанием. Гром грохочет, словно его источник внутри моей квартиры — признак того, что гроза не скоро пройдет, а это тоже хорошо. Дождь прекрасно соответствует моему нынешнему настроению.

Я выхожу и обсыхаю, ожидая, что Мышонок бросится и слижет капли воды с моих голеней. Он не приходит, что, вероятно, означает, что он все еще дует на то, что пришлось уехать с урока без его возлюбленной.

— Мышонок, поверь мне, она бы просто разбила тебе сердце! Я дам тебе курицу на ужин! Как тебе?

Я не слышу перезвона пряжек на собачьем ошейнике, никаких признаков того, что он вообще меня слушает.

Упрямая собака.

Обертываюсь полотенцем и выхожу из ванной.

Входная дверь распахнута настежь, прижатая к стене сильным ветром и дождем. Я мчусь и закрываю ее, почти поскользываясь в луже

воды в прихожей. Должно быть, я не заперла ее перед тем, как пойти в душ, а чтобы открыть эту старую дверь, хватит легкого толчка. *Еще одна вещь, к которой мне нужно привлечь внимание мистера Холла теперь, когда я снова плачу за аренду.*

Я спешу обратно в ванную, чтобы достать полотенце и вытереть беспорядок, и вот когда до меня доходит.

О, боже, где Мышонок?

Я поворачиваюсь и проверяю квартиру. На кухне его нет. В моей спальне тоже, как и в ванной. Квартира крошечная, и мне требуется пять секунд, чтобы сделать вывод, что Мышонок убежал. Он выбежал через открытую дверь. Удрал, пока я была в душе, и теперь он там, в разгар грозы.

Я открываю входную дверь и зову его.

— МЫШОНОК! МЫШОНОК!! Иди сюда, малыш!

Я бегу к концу пешеходной дорожки и снова зову его по имени, но его нигде не видно. Не могу сказать, как долго была открыта дверь. Может, десять или пятнадцать минут. Я бросаюсь обратно в квартиру и набрасываю первую попавшуюся под руки одежду. Ключи у меня в руке, и я босиком бегу к своей машине.

Этого не происходит.

Я отказываюсь признавать, что Мышонок убежал.

Он никогда не делал ничего подобного раньше. Входная дверь и ранее случайно распахивалась, и его никогда это не волновало. Он всего лишь щенок. Вероятно, он испугался, когда дверь ударилась о стену, и удрал.

Я с силой вставляю ключ в зажигание и привожу машину к жизни. Она сопротивляется, но, тем не менее, заводится.

Первым делом, я объезжаю всю парковку квартирного комплекса. Опускаю окно и зову его, не обращая внимания на крупные капли, ударяющие мне в лицо и стекающие внутрь моей машины.

— МЫШОНОК!

Ничего, только дождь.

— МЫШОНОК! ИДИ СЮДА, МАЛЫШ!

Но его здесь нет.

Глава 23

Мэделин

Я стараюсь не паниковать, но чувство беспокойства желчью поднимается в горле.

Он не может убежать.

Это же мой Мышонок.

Он — постоянная в моей жизни.

Он зависит от меня, а я — от него.

Я возвращаюсь в свою квартиру, чтобы убедиться, что я не сумасшедшая, и что он не спит на диване. Питаю ложное чувство

надежды, что он был там все время, что не убегал от меня. Жаль, что это не так. Я бегу обратно.

— МЫШОНОК! — кричу я еще раз, прежде чем вернуться к своей машине и расширить область своего поиска. Я сворачиваю направо по улице. Хочется стать математическим волшебником, рассчитать, как далеко он мог уйти, если бы покинул мою квартиру пять минут назад, десять, пятнадцать.

Я придерживаюсь правой полосы и еле тащусь, выкрикивая его имя в полумрак.

Автомобили сигналият мне и обгоняют, раздраженные моим улиточным темпом.

Я почти не замечаю их, все кричу, кричу и кричу.

Проверяю автостоянку ХАМЛ. Это далеко, но у него есть причина быть там.

Урок закончился, а стоянка пуста. Я петляю и ищу черно-коричневый мех Мышонка, пытаюсь заметить хотя бы маленькое пятно белого, что имеется у него возле глаза. Еще одна вспышка молнии освещает небо, а затем зловещий БУМ. Гром сильный, слишком сильный. Мышонок, должно быть, напуган и совсем один.

Я поддаюсь отчаянному всхлипу, но только одному — если я расклеюсь, толку не будет.

Нужно держаться. Я должна найти свою собаку.

Петляю по ближайшим окрестностям, затем проверяю у дома Дейзи и Лукаса. Смотрю через улицу, на старый арендованный Адамом дом, но там и собаки на крыльце нет. Я завожу машину и продолжаю.

Я без понятия, где искать, кроме мест, которые мы часто посещали с Мышонком в прошлом. Вот «Кофейня Гамильтона», у них есть внутренний дворик для посетителей с собаками, но моей там нет. Я пялюсь на выставленную там миску для воды для собак, которую сейчас заливает дождем, и вспоминаю, как недавно мы с Мышонком пришли в кофейню рано утром в субботу. Он ждал, пока я уходила заказать кофе, и мы сидели там часами. Я читала, и он наблюдал за людьми, сидя у моих ног, принимая любые свободные поглаживания по голове или почесывание за ухом от всех, кто шел ему навстречу. Но теперь миска переполнена дождем, а мне приходится ехать дальше.

Затем, я въезжаю в парк для собак и объезжаю его несколько раз. Дождь льет стеной, так что мне приходится щуриться, чтобы поймать

какое-либо движение снаружи. Его нет в огороженной области. Нет снаружи. Я закрываю глаза и пытаюсь подумать. Он там, в грозу, испуганный и одинокий. Он может быть где угодно. Ужасные образы его, дрожащего под мостом или скрывающегося в канаве, вызывают еще один всхлип. «Не думай о таком», — напоминаю я себе. Он — Мышонок, он, по большей части проводил свою жизнь, намокая и валяясь в грязи. Мне просто нужно найти его, прежде чем веселье закончится.

Я глубоко вздыхаю, и, поскольку вздох приносит хорошее ощущение, делаю еще один.

Я найду его и приведу домой.

Сдаю назад, планируя вернуться и проверить, не прибежал ли он в квартиру, но машина не двигается. Шины прокручиваются в грязи, зарываясь все глубже и глубже.

ДЕРЬМО.

Я ударяю руками по рулю.

ДЕРЬМО. ДЕРЬМО. ДЕРЬМО.

Все мое тело дрожит. Паника начинает расти, обгоняя логику и разум. Я подавляю ощущение и оцениваю ситуацию: я в городском парке для собак в нескольких милях от моей квартиры. На улице бушующая гроза, и теперь мой автомобиль застрял в грязи.

Я смотрю вниз, сердце кувыркается у меня в груди.

Когда я выбежала из своей квартиры ранее, то была в панике. Предположила, что найду Мышонка за пару минут. Я не подумала о том, чтобы надеть обувь. Или взять кошелек. Или телефон. На мне остались только шорты и майка.

— Ладно, ладно, ладно, — говорю я себе, пытаюсь успокоиться.

Трясущимися руками сжимаю руль и даю себе три секунды, чтобы отчаяться в своей полной глупости. У меня нет телефона. *У меня нет телефона*, что значит, я не могу позвонить кому-либо и позвать на помощь. У меня нет телефона, что означает, я застряла здесь, пока не смогу вытащить свою машину из грязи. Мои легкие не справляются. Я не могу дышать. Кажется, у меня паническая атака, но нет никого, кто мог бы подтвердить это или опровергнуть. Я одна, потерянная, без Мышонка.

Глава 24

Адам

Мэделин не отвечает на телефон, и это начинает меня раздражать. Я понимаю, что нахождение Оливии в городе выбивает наши новые отношения из равновесия, но это не повод для того, чтобы прекращать связь.

Снова набираю номер и попадаю лишь на голосовую почту.

Час назад закончился урок дрессуры. Оливия вернулась в дом моей

мамы, пакует вещи на ранний рейс завтра утром. Она уезжает, и я не жалею. На самом деле, мне только легче от того, что она уберется из Техаса.

Она приехала сюда под предлогом извинений, но на самом деле ползла на четвереньках, пытаясь подобраться туда, на чем мы остановились. После нескольких бокалов вина за ужином два дня назад она рассказала, что за последние несколько месяцев ее жизнь резко спикировала вниз. Райан, мой бывший лучший друг, кинул ее пару недель назад. Оказывается, начинать отношения с интрижки не самая яркая гарантия долгосрочной стабильности. Очевидно, он изменял ей, и она пыталась выкрутиться, когда «Бог дал ей понять», как я себя чувствовал, когда это случилось со мной. Можно подумать, то, что ее обвели вокруг пальца, станет каким-то связующим звеном для нас. Я приложил все усилия, лишь бы не засмеяться. Извинился и пожелал ей всего хорошего.

Сначала она не восприняла меня всерьез. В течение стольких лет Оливия вила с меня веревки. Говорил «прыгай», а я спрашивал лишь «как высоко?». Думаю, она предположила, что может прилететь сюда, и я прыгну прямо в ее объятия.

Ее появление на уроке дрессуры было последней попыткой убедить меня, что она серьезно относится к желанию снова сойтись. К сожалению, она зашла слишком далеко. Сказать классу, что она была моей невестой, было коварным способом пристать к Мэделин, «подруге», о которой я рассказал ей за ужином.

«Я серьезно отношусь к ней», — сказал я.

Оливия мне не поверила. Фактически, она рассмеялась над этим.

«Ты думаешь, что собираешься осесть с какой-нибудь девочкой из Техаса, с которой познакомился несколько недель назад? Разве ты не видишь, что это очередная фаза, Адам? Ты предназначен для гораздо большего, чем этот дерьмовый город».

Я улыбнулся, попросил чек и сказал ей заборонить рейс обратно в Чикаго.

«Между нами все кончено».

Теперь я смотрю на свой телефон, задаваясь вопросом, сколько звонков придется сделать Мэделин, прежде чем я превращусь в сталкера. Затем я делаю кое-что получше — хватаю ключи и направляюсь к своей машине. Дождь идет все время, пока я еду к ее

квартире. Я мог бы подождать до утра и увидеть ее, но для этого нет причин. Она предполагает худшее, я это знаю. Думает, что, поскольку мы были вместе всего несколько недель, я собираюсь вернуться к Оливии. Это моя вина, и я должен это исправить. Может, она не хочет отвечать на мои телефонные звонки, но дверной она проигнорировать не сможет.

Паркуюсь в своем обычном месте и направляюсь по дорожке. Лай вырывает меня из мыслей, и я поднимаю взгляд, чтобы заметить Мышонка, сидящего снаружи квартиры Мэделин. Его мех мокрый и покрыт грязью. Похоже, он последний час катался в лужах.

— Что ты здесь делаешь, малыш?

Он подпрыгивает, когда я приближаюсь, и виляет хвостом. Большинство собак ненавидят грозы, но он даже не замечает дождя, льющегося с навеса.

Я поворачиваюсь и стучу по двери Мэделин.

Никто не отвечает. Я замечаю следы грязных лап на двери.

— Мэделин, давай. Мышонок здесь. О чем ты думала, выпустив его в такую грозу?

Я снова стучу и жду несколько минут. По ту сторону ничего, кроме молчания, и меня начинает заполнять чувство страха. Зачем оставлять Мышонка одного на улице? И где Мэделин?

— Мэделин? — зову я, стуча в дверь сильнее, чем раньше. Дряхлая штукавина гремит на петлях, и я знаю, что, если ударю чуть сильнее, вся чертова дверь рухнет.

— Молодой человек, ее нет дома.

Оборачиваюсь и вижу старика через дорожку, выглянувшего в щель между дверью и рамой.

— Что значит «нет дома»?

— Она ушла некоторое время назад, чтобы найти свою собаку.

Я хмурюсь, смутившись.

— Ее собака здесь.

— Да, ну вот поэтому и странно, что она ее ищет.

— Вы видели, куда она ушла?

Он пожимает плечами и отступает, прикрывая дверь.

— Собака здесь, поэтому она скоро вернется.

— До утра объявлено штормовое предупреждение.

Он пожимает плечами.

— Ну, вы нашли собаку. Думаю, теперь нужно найти девушку.

С этим он закрывает дверь и оставляет меня на площадке, предоставленного самому себе. Мышонок ложится у моих ног, абсолютно не встревоженный тем, что его владелица ищет его в разгар грозы. Я стараюсь думать быстро. Мэделин в безопасности. Она села в свою машину и отправилась на поиски Мышонка. Должна вернуться в любую минуту, поэтому я опираюсь спиной на ее дверь и жду. Мышонок засыпает. Я проверяю часы. Проходит еще пятнадцать минут. Пытаюсь позвонить ей снова, и звонок ее телефона слышен из квартиры. *Ну, это объясняет, почему она не ответила ни на один из моих звонков.*

Проходят минуты. Что-то не так.

Я бегу к своей машине и нахожу завалявшийся чек в держателе для чашки.

*Мышонок в безопасности. Он у меня. Позвони мне.
Адам.*

Стучу в дверь соседа, пока он не открывает, а затем прошу скотч, чтобы приклеить записку к двери Мэделин.

— Она вернется в любое время, — говорит он, качая головой, пока идет в свою квартиру.

Через секунду возвращается с несколькими кусочками скотча, которые сорвал с рулона. *Скряга.*

Я использую каждый кусочек, чтобы приклеить бумажку к ее двери прямо на уровне глаз, поэтому нет никаких шансов, что она пропустит ее, а затем запускаю Мышонка в свою машину. С болью вспоминаю день барбекю, когда Мэделин настаивала, чтобы мы взяли ее машину во избежание сцены передо мной: большая собака превращает интерьер моей машины в бардак. Прямо сейчас мне все равно.

Вспышка молнии разрезает небо в нескольких ярдах впереди, а затем звучит раскат грома. Я глажу Мышонка, чтобы успокоить его, но больше себя.

— Мы ее найдем, — уверяю его, когда мы выезжаем на дорогу.

Глава 25

Мэделин

Мои три секунды отчаяния превращаются в минуты. Я не знаю, как долго сижу, застывшая в панике. Гром раскатывается в нескольких милях от меня, и это напоминает мне, что я должна что-то делать. Я не могу сидеть здесь, пока Мышонок там один, но я недостаточно наивна, чтобы попытаться идти домой одна, ночью, без телефона, без обуви и кошелька.

Мой единственный вариант — вытолкнуть машину из грязи. Я видела, как папа делал это пару раз. Мне нужно найти деревяшку и вставить ее под колеса моей машины, чтобы у них было достаточно сцепления, и они могли начать двигаться. Для этого мне нужно выбраться из машины. Я смотрю и задаюсь вопросом, как долго продлится этот дождь. Конечно, он не может лить вечно, но у меня нет времени ждать. Я открываю дверь и выбегаю, направляясь в густой лес, расположенный в нескольких ярдах отсюда. Мои волосы все еще мокрые после душа, и дождь пропитывает все остальное за несколько секунд. Я смахиваю воду с глаз и осматриваю землю. В грязи лежат палки, но ничего такого, что действительно даст мне силу сцепления.

Поиски длятся не долго. Честно говоря, я сомневаюсь, что найду что-нибудь полезное. Мне нужен массивный кусок фанеры, но я не найду его на краю леса рядом с парком для собак. Собираю вместе столько палок, сколько могу найти, и возвращаюсь к машине, морщась, когда острые камни врезаются в мои босые ноги на каждом шагу.

Обе мои задние шины застряли в грязи. Правая больше, чем левая, поэтому я начинаю с нее. Стопы увязают во влажной грязи, когда я приближаюсь. Я бросаю палки на землю и стараюсь вспомнить, что делал папа. *Мне нужно положить палки под шину, так ведь? Но как я могу это сделать, если шина застряла в грязи?* Я наклоняюсь и использую руки, чтобы убрать часть грязи, но она похожа на зыбучий песок, и сразу же попадает в полость с такой же скоростью, с какой я ее убираю.

Я так близка к тому, чтобы сдать. Дождь неумолим, и теперь мои руки слишком грязные, чтобы вытирать глаза. Я моргаю и пытаюсь очистить их, но мое зрение все еще затуманено. Может, это не дождь. Может, я сейчас плачу.

Наклонившись, копаю и копаю, пытаюсь вычерпать достаточное

количество грязи, но заполняется еще больше, что делает невозможным решение проблемы. Я стараюсь изо всех сил и прилагаю все усилия, и все же этого не достаточно. Из этой дыры не выбраться, и сейчас я это понимаю. Эта дыра, эта вонючая куча грязи — моя жизнь.

Я понимаю, что, когда другие люди ходят на любимую работу и вступают в браки, больше похожие на сказку, я, Мэделин Тэтчер, обречена на более жесткую жизнь. Ничего не дается мне легко, и с каждой грудой грязи, которую я вычерпываю, мне становится лучше. Большинство людей уже сдались бы, но не я. Я жесткая. Я могу сделать это. Я копаю и копаю, вставляя палки под колеса моего автомобиля, пока мне не становится достаточно, чтобы изменить ситуацию.

Прежде чем вернуться в машину, я стряхиваю с рук и ног столько грязи, сколько могу. В боковой двери со стороны водителя есть несколько салфеток, и я использую их, чтобы вытереть руки. Этого недостаточно, но хоть что-то.

Я завожу машину, включаю задний ход, а шины вращаются и вращаются, извергая из-под себя грязь и палки.

Часы на приборной панели показывают 22:45. Я торчу здесь около часа и не становлюсь ближе к освобождению.

Дождь продолжается, неумолимый и неподатливый.

Я опускаю голову на руль и закрываю глаза от слез.

Прости, Мышонок.

Мне очень жаль.

* * *

Стук. Стук. Стук.

Капли дождя лениво стекают по моему окну, едва вытаскивая меня из глубокого сна.

СТУК. СТУК. СТУК.

Звук становится громче.

Я стону и пытаюсь украсть еще минутку или две, дабы поспать. Я не знаю, сколько время, но еще слишком рано вставать. Мышонок не тычет в меня носом, а это значит, что сейчас, должно быть, середина ночи. Он более надежный, чем будильник.

Мышонок...

МЫШОНОК!

Рывком просыпаюсь и тру сонные глаза, с удивлением обнаруживая себя на переднем сиденье своей машины, а не дома в постели. Я, должно быть, случайно заснула. Я сидела здесь, пытаюсь вывести мою машину во второй раз. Немного поплакала, съела раздавленный батончик-мюсли, который нашла между задними сиденьями, поставила компакт-диск с печальными песнями и представила себе, что это моя жизнь, еще поплакала, а потом в какой-то момент я, должно быть, опустила голову на центральную консоль и задремала.

СТУК. СТУК. СТУК.

Я подпрыгиваю и обращаю свое внимание туда, где кто-то стоит по ту сторону двери с моей водительской стороны, светя фонариком в мое окно. Не дождь меня разбудил, а *он*.

Через несколько секунд в моей голове разыгрывается тысяча сценариев из фильмов про маньяков. Я далеко от людей. До сих пор идет дождь. Там человек, одетый во все черное, пытается попасть в мою машину. Сначала я переживаю, что он захочет развлечься со мной, но потом вспоминаю, что я покрыта грязью, немного воняю и вообще выгляжу как страшная девушка из «Звонка».

— У МЕНЯ НЕТ ЗДЕСЬ НИЧЕГО ХОРОШЕГО! — кричу я. — У меня нет денег, и никто меня не любит, поэтому вознаграждение вы не получите!

Фонарик выключается, и все темнеет.

Я закрываю глаза и готовлюсь к быстрой смерти.

Глава 26

Адам

Отъехав от квартиры Мэделин, я позвонил Лукасу, чтобы предупредить его о ситуации. Он привлек Дейзи, и через несколько минут казалось, что все в городе начали поиски Мэделин. Мышонка я отвез к себе и помыл его. Убедившись, что у него есть еда и вода, и, проверив, чтобы все двери были надежно заперты, я поехал обратно и сам присоединился к поиску.

Дождь не утихал часами, и около полуночи Дейзи настояла, чтобы мы позвонили Картеру. Я не решался привлечь полицию — в конце концов, не без вести же она пропала — но по мере того, как шло время, и никаких признаков Мэделин не было, я решил, что мы могли бы использовать всю помощь, которую могли получить.

Я возвращаюсь в ее квартиру около полчетвертого утра. Записка, которую я оставил на двери, валяется на земле в нескольких футах, промокшая. Я звоню ей на мобильный, и на этот раз рингтон из квартиры не слышно. Без сомнения, телефон разрядился. Сколько людей пыталось позвонить ей за последние несколько часов?

Я поворачиваюсь и опускаюсь на землю, сгибаю колени и утыкаюсь в них лбом. Меня измучили и истощили идеи. Я знаю, что могу быть не здесь и делать куда больше — возможно, есть места, которые мы еще не проверили.

Гамильтон — невелик, но, когда вы ищете одну женщину среди сотен акров и сельскохозяйственных угодий, затея кажется безнадежной.

Она в порядке.

Она в безопасности.

Даже повторяя это про себя, в голове не укладывается.

Если бы она была в порядке, то уже вернулась бы. Пришла бы за своим телефоном или проверила вернулся ли Мышонок, а если бы она это сделала, то увидела бы записку и позвонила мне, или Дейзи, или

Лукасу.

Ничто не имеет смысла.

Я знаю, что должен поднять голову и встать, вернуться туда и продолжать искать ее, но идти некуда. Хочется быть здесь, когда она вернется, поэтому я закрываю глаза и жду.

В какой-то момент засыпаю, на несколько минут или несколько часов — не могу сказать.

Моргаю и смотрю на часы. Едва шесть утра, а Мэделин еще нет. Она бы разбудила меня, если бы заходила внутрь.

Я звоню Лукасу, и когда он не отвечает, борюсь с желанием швырнуть телефон о стену. Это бесполезно. Мне больше некому позвонить. У меня нет номера Дейзи или Картера. Я снова пытаюсь дозвониться до Лукаса, и меня перебрасывает сразу на голосовую почту.

Затем к квартирному комплексу Мэделин подъезжает полицейская патрульная машина. Фары гаснут, но сквозь тонированные окна мне ничего не видно. Предполагаю, что копы здесь из-за звонков о пропавшей без вести — возможно, Дейзи заставила их ускорить процедуру — но потом вижу, что из машины кто-то выходит, а с пассажирской стороны за ним следует Мэделин.

Я вскакиваю на ноги.

— Мэделин!

Она поднимает глаза, и я сразу вижу ее истощение. Она полностью разбита. Ее ноги по колени в грязи, руки так же грязные. На плечах серое полицейское одеяло, а когда она идет ко мне босиком, то вздрагивает, словно от боли.

Картер спешит обойти машину, чтобы помочь ей, но я оказываюсь там раньше, по большей части придерживаю ее, пока мы идем к квартире.

— Что с тобой случилось? — спрашиваю я, весь мой остаточный гнев и усталость исчезли.

Я так счастлив видеть ее, узнать, что с ней все в порядке.

Она улыбается мне немного застенчиво.

— Длинная история. Ты видел Мышонка?

— Он у меня дома, возможно, уже хочет в туалет.

Она на мгновение закрывает глаза и вздыхает, словно находит умиротворение после самой длительной ночи в ее жизни.

— Я хочу пойти с тобой, когда ты его выпустишь.

Картер стоит рядом с нами, когда Мэделин открывает дверь. У меня так много вопросов к ней. Где ее машина? Ее обувь? Почему она уехала из дома без телефона? Как Мышонок вообще выбрался? Почему Картер привез ее в патрульной машине?

Вместо того чтобы забросать ее вопросами, я проглатываю каждый и спокойно иду за ней внутрь.

Она стоит в пороге, пытаюсь собраться.

— Картер, после того как я возьму обувь и мобильный, я собираюсь к дому Адама. Ты можешь встретить нас там.

— Что? — спрашиваю я, глядя между ними.

Мэделин кладет руку на мое предплечье.

— Картер попросит своего друга помочь с моей машиной. Она застряла в грязи в парке для собак, в нескольких милях отсюда.

Чувство собственного достоинства поднимается во мне, словно я раздраженный шестнадцатилетний пацан.

— Я могу помочь тебе с машиной. Уверен, что Картер устал.

Ее пальцы сжимают мою руку, а глаза умоляют услышать ее.

— Просто пусть это сделает он. Я хочу, чтобы ты отвез меня к себе, чтобы я могла увидеть Мышонка, а затем мне нужны кофе и еда. Я умираю с голоду.

Оглядываюсь на Картера, который смотрит на Мэделин, как на фарфоровую куклу.

— Ты уверен, что все в порядке? — спрашиваю я. — Я всегда могу приехать и помочь тебе после того, как отвезу Мэделин.

— Нет, — отвечает Мэделин за него. — Я хочу, чтобы ты остался со мной.

Картер отводит взгляд, а затем встречается глазами со мной. Все намеки на восхищение Мэделин исчезли, на их месте — взгляд полицейского.

— Без проблем. Я возьму еще одного офицера по дороге в парк, а затем он сможет пригнать машину Мэделин к тебе. Долго мы задержаться не должны, дождь наконец-то стих.

— Спасибо, Картер, — говорит Мэделин, освобождая мою руку, чтобы быстро обнять его. — Серьезно, я в долгу перед тобой.

* * *

Предполагалось, что у нас с Мэделин будет время поговорить в

машине по дороге ко мне, но у нас нет ни секунды. Как только она подзаряжает мобильный и включает его, на него приходит сообщением за сообщением. Каждую минуту в машине и первые полчаса у меня дома она перезванивает и уверяет всех в том, что они с Мышонком в порядке.

Когда я выхожу из душа, она с недовольным выражением смотрит на кухонный стол.

— Скоро придут Дейзи и Лукас. Я попыталась сказать им, что все в порядке, но Дейзи настояла.

Киваю, стараясь не показывать свое разочарование.

— Ее не обвинишь. Они оба беспокоились о тебе.

Мэделин открывает рот, чтобы что-то сказать, но затем качает головой и смотрит вниз. Мышонок у ее ног. Он был рядом с ней с момента ее прибытия, когда она обняла его и заплакала. Он облизывал ее лицо и махал хвостом, так же радуясь воссоединению.

— Ничего, если я на скорую приму душ?

Слова возвращают меня в настоящее.

— Конечно. Идем, я покажу тебе, где полотенца.

Она все еще не собрана после прошедшей ночи, но нет ничего, что не может исправить быстрый душ. Я складываю кусочки того, что произошло, по ее телефонным звонкам другим людям — дождь, грязь, забуксовавшие шины, от чего она застряла на ночь. Картер нашел ее сегодня утром, и вот она, в моей ванной, ждет, когда я выйду, прежде чем снять майку.

Это глупо. У нас был секс. Я видел ее голое тело с ног до головы. Знаю, что у нее немного веснушек на левой груди, прямо наверху.

— Адам? — она улыбается, и на ее щеках, хоть и покрытых грязью, появляется самый легкий оттенок розового.

Я тянусь поцеловать ее, когда машина приближается к подъездной дорожке.

— Оу! Держу пари, что это Дейзи, — говорит она, когда мой рот оказывается почти в дюйме от ее.

Вздыхаю и стою там, давая нам немного пространства.

— Я задержу их, пока ты принимаешь душ.

Она прикусывает губу.

— Ты уверен? Я могу подождать и помыться позже.

Я смеюсь.

— Мэделин, не обижайся, но ты воняешь. Теперь я пойду, достану

тебе маленьких кухонных полотенец, чтобы ты могла высушиться.

Она выгоняет меня из ванной и закрывает дверь. Замок защелкивается за мной, а затем я слышу, как она зовет меня.

— Адам?

Я прижимаюсь к двери.

— Да?

— Я просто... Спасибо, что поехал в мою квартиру, чтобы проверить меня вчера вечером. Дейзи сказала, что ты инициировал весь поиск. Если бы ты не пришел, я бы, вероятно, все еще торчала там.

Мне кажется странным, что мы разговариваем, когда между нами дверь, но опять же, мы с Мэделин еще не успели придать нашим отношениям направление. Возможно, это все, на что она может решиться. Я прижимаюсь лбом к двери и закрываю глаза, наслаждаясь этим моментом.

Глава 27

Мэделин

Последние двенадцать часов стали полной катастрофой, и хотя я не хотела бы ничего, кроме как заползти в постель Адама и проспать весь день, мы, похоже, затеяли полномасштабную вечеринку.

— Эй, просто так *поисковой операцией* это не называется, — говорит Дейзи, чокаясь своей чашкой с кофе с моей.

Сопровствляюсь желанию закатить глаза.

К тому времени, как я закончила с душем, они с Лукасом уселись за обеденный стол, разложив пищу, которую прихватили по пути, пончики и калачи, булочки с корицей и мини-кексы. Адам посвятил их в недостающие детали прошлой ночи, и я едва успела положить булочку с корицей себе на тарелку, когда Картер и один из офицеров остановились на подъездной дорожке с моей машиной.

Если это вообще возможно, моя рухлядь выглядит еще хуже, чем прошлой ночью, как будто я подобрала ее где-то на загородной дороге. Зеркало с пассажирской стороны еще как-то держится за жизнь с помощью скотча, но пар, поднимающийся из-под капота, довольно трудно игнорировать.

— Мне неприятно это говорить, Мэделин, но машине хана, — говорит Картер, поднимая капот. Клубы пара поднимаются вверх, и Адам стреляет в меня знающим взглядом.

— Ага, у меня на самом деле были планы проверить ее сегодня утром, но, очевидно же, что я была занята другим.

Картер отмахивается от пара.

— Только если ты не хочешь выбросить пару тысяч на новый двигатель, то нет смысла пытаться спасти эту штуковину. Это что, раритет?

Опускаю руки на бедра.

— Чтобы вы знали, я вожу эту машину со средней школы, и она была надежной...

— Неправда, — разрезает Адам.

— И заслуживает доверия.

— Не-а.

— Все эти годы.

— Да она заводится через раз, — говорит он Картеру.

— Ну, я не собираюсь ее просто так выбрасывать!

Адам хлопает Картера по плечу, а затем кивает другому офицеру.

— Спасибо, что забрал ее машину, мужик. Вы двое хотите выпить кофе? Дейзи принесла столько пончиков, что хватит накормить целую армию.

Картер поглаживает свой плоский живот, его друг делает то же самое, а затем они вдвоем исчезают в доме.

— Не волнуйся, — шепчу я в своей машинке. — Я не избавлюсь от

тебя.

Утро медленно влачится, когда мы все толпимся на кухне, доливая себе кофе и возвращаясь за пончиками, и сидим здесь уже часами. Я продолжаю предполагать, что все, в конце концов, извинятся и уйдут, но никто не спешит. Видимо, все взяли отгулы на работе.

— Никому не нужно, чтобы я диагностировала пациентов, проспав всего два часа, — объясняет Дейзи.

И вот так решается, что никто никуда не уходит.

Адам ведет парней по собственности, а Дейзи устраивает меня на кухне.

— Вы с Адамом ведете себя очень странно.

— Неужели?

— Ага, не включай дурочку. Ты сидела рядом с ним раньше, а когда он положил руку на твой стул, вздрогнула. Что это было?

Вздыхаю и смотрю, чтобы убедиться, что ребята все еще на улице.

— Вчера вечером Оливия пришла на урок дрессуры...

Она хмурится.

— Оливия. Оливия...

— Его бывшая невеста! Оливия!

Ее глаза чуть не выпадают из орбит.

— Оу! *Оливия!* Боже, держу пари, это было неловко. Почему она там была?

Я пожимаю плечами.

— Вообще-то, я не уверена. Возможно, он пригласил ее. Отсюда и странное поведение.

Она качает головой.

— Что значит, ты не уверена? Я думала, вы двое встречаетесь. Зачем ему приглашать Оливию на урок дрессуры?

— Я не знаю... — пялюсь на свою чашку кофе. — Может, они снова сошлись.

Подруга ударяет меня по руке и кофе выплескивается на переднюю часть футболки, одолженной мне Адамом.

— Эй! Ты что творишь?

Она скромно промокает пятно бумажным полотенцем.

— Извини, извини. Мне нужно больше деталей. Как он может сойтись с Оливией? В последний раз, когда мы говорили, я думала, что они просто пошли на ужин, дабы расставить токи над «i» или ради

подобной ерунды.

— Ну, вчера вечером она появилась в ХАМЛ, похожая на принцессу из «Диснея», а затем объявила классу, что все еще является невестой Адама.

Дейзи в шоке хлопает ладонью по губам.

— *Нет!*

— Да. Поэтому я ушла раньше, и именно поэтому была одна, когда Мышонок пропал без вести.

— У тебя были весьма насыщенные двенадцать часов.

Рассмеяться не получается.

— К сожалению.

— И вы с Адамом не разговаривали с тех пор?

— Не-а. Насколько я знаю, он на данный момент все еще может быть помолвлен.

— Ну, хороший знак в том, что Оливии здесь нет. Но, очевидно, вам, ребята, нужно поговорить.

Я фыркаю.

— Почему, ты думаешь, я пинала твою ногу под столом во время завтрака?

— Я думала это Лукас!

— О, Господи, — закатываю глаза я.

Теперь, когда Дейзи на моей стороне, я предполагаю, что она пойдет к мужу и настоит на том, что им нужно уйти. Она действительно пытается, но Лукас качает головой.

— Мы поедем через некоторое время.

«Некоторое время» превращается в несколько часов. Пиццу заказывают также и на обед, а я сижу в гостиной, молча приговаривая свою третью чашку кофе и задаваясь вопросом, как убедить всех уйти. Адам сидит напротив, разговаривает с Картером о машинах... или выращивании овощей, не знаю. Я потеряла нить разговора полчаса назад.

— Кто-то тормозит у подъездной дорожки? — спрашивает Дейзи.

— *Ты, должно быть, шутишь.*

Пять пар глаз резко поворачиваются ко мне, и я смеюсь.

— Я имею в виду, ты должно быть шутишь, как это круто, ха-ха, — повторяю я вынужденным веселым тоном. — Еще доброжелатели для одной маленькой меня?!

Адам смеется, и я думаю, он единственный, кто чувствует мою боль.

В другом конце комнаты Мышонок издает звук, который я никогда от него не слышала. Такой медленно зарождающийся вой, который наталкивает меня на мысли, что пес умирает.

— Мышонок? Дружок? — я бросаюсь к нему, но его внимание сосредоточено на окне. Следую за его взглядом и обнаруживаю, что мама Адама идет по дорожке с Молли рядом.

Мышонок издает еще один гортанный стон, а затем спрыгивает с дивана. Он бросается к двери и подпрыгивает, царапая ее, чтобы добраться до золотого ретривера, который, по-видимому, является его единственной настоящей любовью.

— Мышонок! Нет! Плохая собака, — я пытаюсь вернуть его, но он слишком сильный. Адам подходит сзади и хватает его за ошейник, оттягивая обеими руками.

— Что с ним не так? — спрашивает Дейзи.

— Он Капулетти, а его Монтекки прямо за дверью, — шепчу я.

— Что?

— Это Молли? — спрашивает Адам. Его улыбка исчезает. — С Оливией?

Мое сердце разбивается.

— Нет, с твоей мамой.

Вероятно, Оливия вскоре появится, как только закончит наносить идеальную подводку для глаз и укладывать свои волосы.

Передняя дверь открывается, и в порыве под названием «воссоединение влюбленных», Мышонок вырывается от Адама и срывается в сторону Молли на полной скорости. Я закрываю глаза руками, готовясь к худшему, но, когда снова открываю их, Мышонок лежит на спине, вскинув лапы в воздух — универсальный признак подчинения. Я видела, как он делал это сто раз с другими собаками, но с Молли, похоже, он упал на пол, и умоляет ее взять его.

«Я люблю тебя», — умоляют его глаза. Молли стоит рядом с ним, окидывая его взглядом секунду, прежде чем начинает лаять и облизывать его морду. Затем они срываются на бег, мчась через дом с головокружительной скоростью.

— Открой заднюю дверь! — кричит Адам Лукасу.

Именно это он и делает, пока они мчатся мимо и вырываются

прямо на газон.

— Они влюблены, — объясняю я полной любопытных зрителей комнате. — Кажется, именно поэтому он сбежал прошлой ночью. Пошел искать ее.

— Оу! — восклицает Дейзи. — Как мило.

Мы все выглядываем в заднее окно. Конечно, они резвятся на траве, поочередно преследуя друг друга. Это похоже на коммерческую рекламу-клише для собак.

— Диана, вам налить кофе? — спрашиваю я, поворачиваясь к группе.

Пожалуйста, скажи «нет», пожалуйста, скажи «нет».

Ее глаза загораются.

— На самом деле, я с удовольствием. Встала очень рано и забыла взять его с собой в дорогу.

Конечно. Почему я вообще осмелилась надеяться на что-то иное? Мы с Адамом никогда не останемся одни. Этот парад людей будет продолжаться до тех пор, пока, в конце концов, я не потеряю оставшееся чувство здравомыслия, не прижму его к стене за лацканы и не прокричу:

— ТЫ ВСЕ ЕЩЕ С НЕЙ!? ПРОСТО СКАЖИ МНЕ!

А пока топаю на кухню, как робот, наливаю кофе Диане и считаю от десяти до одного, чтобы не растерять собранность перед всеми. Слышу шаги позади и ожидаю, что это будет Диана, но потом улавливаю запах геля для душа Адама. Горная свежесть заставляет меня напрячься и остановиться.

— Я могу ее забрать, — говорит он, протягивая руку за кружкой. — Ты не обязана всех обслуживать. Ты делала это все утро, и, должно быть, устала.

Он не преувеличивает. Мне так плохо от того, что все провели ночь в моих поисках, что я удостоверяюсь, что у каждого хватит кофе, пончиков и салфеток на всю жизнь.

Пожимаю плечами.

— Я не против.

— Но ты хочешь, чтобы все ушли.

Мой взгляд мечется к нему.

— Это так очевидно?

Он ставит мамину кружку на столешницу позади меня и

приближается. Наши бедра соприкасаются.

— Я тоже хочу, чтобы они ушли.

— *Адам.*

Его рука оказывается на моем затылке, и он мягко наклоняет мою голову назад, поэтому перед ним открывается прекрасный путь к моим губам. Он пользуется преимуществом, оставляя на них мягкий поцелуй, прежде чем смех из другой комнаты заставляет меня отпрыгнуть.

Он смеется.

— Нам можно целоваться.

— Можно?

Адам хмурится.

— Оливия уехала сегодня утром.

Неправильно так говорить, но он произносит это так, словно это все объясняет. Что ж, не объясняет.

— И что? Она вернется? Уехала в Чикаго, чтобы собрать ее вещи и переехать сюда на постоянное место жительства?

— Нет, конечно, нет. Между мной и ей все кончено.

— Она объявила всему классу, что она твоя невеста — В НАСТОЯЩЕМ времени, а НЕ В ПРОШЕДШЕМ!

Его глаза вспыхивают от гнева.

— Да, потому что она сумасшедшая, Мэделин. Я мог бы все тебе объяснить, если бы ты не убежала.

Он серьезно ожидал, что я останусь после такого?

— Извини за то, что ушла, а не осталась выглядеть душой перед комнатой, полной незнакомцев!

— Я бы не позволил этому случиться.

— Было слишком поздно! Я не услышала, чтобы ты оспорил ее слова о твоей невесте.

— Что я должен был делать? Сказать всем в комнате, что у нее галлюцинации? Мне казалось, что с личной жизнью лучше разбираться наедине.

— Мне показалось, что тебя больше волнуют чувства Оливии, чем мои.

Он проводит рукой по волосам, явно раздражаясь мной.

— Да ладно, Мэделин, ты просто... Попытайся успокоиться.

— Нет, пожалуйста, скажи, что собирался. Что я смехотворна? Ну, как именно я должна вести себя прямо сейчас? Быть вежливой?

Благодарной? Извини, я не красотка из Чикаго. Здесь, откуда я родом, мы не засовываем свои эмоции под коврик и не притворяемся, будто все в порядке.

— Что так долго? — спрашивает Диана из дверного проема кухни, не обращая внимания на полномасштабную ссору, которую она только что прервала.

Я резко беру кружку и передаю ее ей.

— Вот, возьмите, он еще теплый. Извините за задержку, мы с вашим сыном ссоримся.

Адам фыркает позади меня.

Брови Дианы взлетают на середину лба, а на губах растягивается широкая улыбка.

— Хотите, чтобы я ушла, и вы могли продолжить?

Мгновение назад мне бы не хотелось ничего больше. А теперь? Думаю, ей стоит остаться на обед.

Беру ее под локоть и провожаю к остальным в гостиную.

— Чепуха, у нас весь день для ссоры. Прямо сейчас я хочу еще один пончик.

Глава 28

Адам

Мэделин избегает меня, и делала это весь день. Мы все сидим в моей гостиной, она разместилась в кресле напротив.

Она отводит глаза, отказывается смотреть на меня, не обращается ко мне по имени, когда я говорю с ней. Я вот-вот закричу на нее при всех.

— Итак, я подъехал и увидел машину Мэделин, застрявшую в грязи, и понял, что она там, вероятно, в истерике после ночи, проведенной в одиночестве...

Картер пересказывает историю спасения Мэделин в сотый раз. Моя мать в восторге. Мэделин смотрит сквозь французские двери на Молли и Мышонка.

— Почему Оливия оставила Молли здесь в Техасе? — спрашивает она, прерывая историю Картера. *Слава Богу.*

Хороший вопрос, который я пока не подумал задать.

Мама пожимает плечами.

— Думаю, она держала ее в качестве выкупа или приманки. Когда стало ясно, что она не вернет Адама, думаю, Молли стала для нее бесполезной. Ну и хорошо, потому что Адам всегда любил эту собаку.

Лицо Мэделин искажает замешательство, вероятно, потому, что она не может себе представить, как кто-то может сделать нечто настолько порочное другому человеку.

— Ты же оставишь ее, да? — спрашивает Мэделин.

— Конечно.

Это даже не вопрос. Молли — моя собака, и я счастлив вернуть ее. Тот факт, что она и Мышонок хорошо ладят, — дополнительный бонус.

— Хорошо, — кивает она. — Нам нужно будет создать для них график свиданий.

Все в комнате замолкают оттого, что подразумевается в ее заявлении: если мы встречаемся, Мышонок будет с Молли все время; если нет — нам придется составить график их встреч.

Дейзи встает.

— Знаете, думаю, пора домой. Картер, ты не мог бы проводить нас к нашей машине?

Парень кажется смущенным.

— Это же всего лишь до подъездной дорожки...

— Картер, в этом странном мире нам бы действительно было лучше с сопровождением полицейского, — выплевывает она, указывая кивком на входную дверь. Наконец он понимает не такой уж и тонкий ее намек и поднимается на ноги. Его друг офицер присоединяется к нему, а затем за ними следует и моя мама.

У Мэделин хватает наглости надеть туфли, словно она тоже уходит. Я благодарю всех за помощь в поиске и обещаю вскоре увидеться с ними снова, а затем, когда Мэделин пытается проскользнуть через дверь, выставляю ногу и блокирую ее.

Девушка почти спотыкается, но я подхватываю ее за руку, чтобы она не упала.

— Извини, — говорит она спокойно и решительно.

— Хватит. Все ушли, и пора поговорить.

Мэделин скрещивает руки на груди, высоко поднимает голову и пожимает плечами.

— Хорошо.

Мы возвращаемся в гостиную, и я сажусь на диван. Мэделин садится напротив, ноги скрещены, взгляд прямо на меня. Кажется, я вижу улыбку, готовую вот-вот появиться, но не тороплю.

— Мило выглядишь в моей футболке, — говорю я с ухмылкой.

Она кусает нижнюю губу, *пытаясь* сдержать улыбку.

— Очевидно.

— Оливия уехала.

— Как ты и сказал.

— Между нами все кончено.

— Она приехала сюда решить все раз и навсегда, как ты и предполагал?

— Нет. В Техас она приехала, планируя возродить наши отношения, но этого не произошло.

Она смотрит на свои ногти, притворяясь безразличной.

— Неужели? Ну, печально слышать о тебе и Оливии. Но это не помогает объяснить, что происходит между нами.

— Что ж, очень рад, что ты подняла эту тему. Потому что я хочу, чтобы ты знала... я встречаюсь кое с кем.

Улыбка прорывает ее броню, но в мгновение ока исчезает.

— Ха. Должно быть, она очень хороша, если ты уходишь от бешеной Оливии к ней.

— Она...

Я отворачиваюсь, пытаюсь придумать прилагательное, чтобы описать Мэделин, но ничего не приходит на ум. Смешная, удивительная, замечательная — все слабое. Я использовал эти слова для описания женщин в прошлом, а Мэделин не похожа ни на одну из них. Она уникальна.

Краем глаза ловлю ее движение. Мэделин обходит журнальный столик и приближается ко мне. Она в моих спортивных шортах и футболке, которые висят на ней мешком.

— Необычная, — говорит она, низко наклоняясь и ставя одну коленку возле моего бедра, потом вторую возле другого моего бедра, а затем садится на меня на диване. Я откидываюсь назад на подушки и смотрю на Мэделин, убирая назад свободно упавшие на ее лицо каштановые пряди. Веснушки рассыпаны по ее носу, а глаза сияют от озорных намерений.

— Захватывающая. Смехотворно красивая. Достаточно умная, чтобы присоединиться к «Менса» (*прим. перев.: Mensa — некоммерческая организация для людей с высоким коэффициентом интеллекта*), но никогда этого не сделает, потому что, вероятно, посчитает это позерством.

Я смеюсь и притягиваю ее к себе.

— О нет! — вздыхает она. — Что эта загадочная женщина подумает о том, что ты держишь меня вот так?

Прижимаюсь губами к ее губам, и она вздыхает под ними, наконец, отвечая мне на поцелуй, которого я хотел весь день. Он начинается так невинно. Мэделин чуть возвышается надо мной, в свободной одежде и без макияжа, но я пробую ее на вкус и слышу стон. Она опускается ниже и наши бедра соприкасаются. Разрываю поцелуй и обнимаю ее за спину, спуская ее вниз, пока она не оказывается на уровне моей груди.

— Прости меня за последние несколько дней. Мне стоило разобраться быстрее.

— Забудь, Фокс, — ее дыхание становится тяжелым, а мы едва начали. — Поверь мне, я забыла... или, по крайней мере, собираюсь.

Она вращает бедрами, желая продолжить, но я удерживаю ее напротив себя, пытаюсь понять свои эмоции. Закрываю глаза, и последние двенадцать часов проносятся в голове — появившийся страх, когда я приехал в квартиру Мэделин, а обнаружил, что ее нет, восторг и ревность, когда она вышла из патрульной машины Картера, укутанная и в безопасности в том сером одеяле. Теперь я чувствую, как ее сердце бьется напротив моей груди, и у меня появляется желание рассказать ей о своей любви. Прошло всего несколько недель, и теперь внезапно мне хочется поторопиться и попросить ее переехать ко мне, убедить ее, что Мышонку нужно быть здесь, в фермерском домике, а ей нужно быть со мной.

Это сумасшествие, поэтому я молчу и жду, пока чувство пройдет.

Вот только оно не проходит.

Я заключаю лицо Мэделин в ладони и поворачиваю, чтобы увидеть ее глаза. Она витает в облаках, смотрит на меня, так ничего и не произнеся.

Эмоция, что поднимается во мне — это совершенно новое чувство. Я влюблялся в Оливию медленно, на протяжении многих лет. То была

любовь, основанная на комфорте и рутине. А с *Мэделин* — это новая любовь и страшная. Она ощущается ненадежной, но и хрупкой одновременно, например, если я не буду осторожен, то могу потерять ее так же легко, как нашел.

— У тебя руки дрожат, — говорит Мэделин, поднимаясь, чтобы прижать мою ладонь к своей щеке.

Я смеюсь и отворачиваюсь.

— Это пустяки.

— Адам.

Она не продолжает, пока я не поворачиваюсь к ней.

— Я чувствую то, что чувствуешь ты, — признается она, наклоняясь вперед и прижимаясь мягкими губами к моему подбородку, к щеке, к губам. Это короткие, дающие надежду поцелуи, и я закрываю глаза, задаваясь вопросом, может ли то, что она сказала, быть правдой. — Клянусь, я тоже это чувствую.

Но мы ничего не произносим вслух. Пока нет.

Вместо этого я стягиваю с нее футболку через голову и швыряю за диван. Шорты следуют туда же, и там, на диване, под солнцем на потолке через окно, мы проводим самый медленный, самый интимный полдень, полный секса. Я перекаत्याю ее на спину и удерживаю свой вес над ней, отчаянно запоминая моменты, которые кажутся такими мимолетными: ощущение ее кончиков пальцев, скользящих по задней части моих предплечий, утонченная мягкость ее шеи, когда она выгибается и шепчет мое имя, ее пятки, вдавливающиеся в низ моей спины, кожа, покрытая таким румянцем, что она выглядит почти сожженной нашей любовью.

— Мэделин? — шепчу я ее имя.

Она укладывается на меня, засыпая. Не думаю, что она проснулась, но хочется, чтобы не спала.

— Хммм? — мычит она лениво.

Я люблю тебя.

Переезжай ко мне.

Выходи за меня.

Опускается тишина, и Мэделин моргает, открывая глаза.

— Ты вообще знаешь, что еще даже не попросил меня быть твоей девушкой.

Я смеюсь над абсурдностью ее слов, учитывая мысли в моей

голове.

— Разве?

— Нет. Ты сказал о нашем статусе своей маме, но меня так и не спросил.

Мои пальцы очерчивают ее обнаженную спину.

— Мэделин, не дури. Ты моя девушка.

Она улыбается, и, может быть, пока что этого достаточно.

— По мне будут скучать на встречах одиночек. Я была душой компании.

— Не сомневаюсь.

— И мне придется удалить свои аккаунты со всех приложений для знакомств.

— Сначала я хочу увидеть твои страницы.

— Зачем?

— Чтобы оценить твои фото и биографию. Что в ней говорится?

Она отводит взгляд.

— Не помню.

Я усмехаюсь.

— Нет, помнишь.

Мэделин закатывает глаза.

— Хорошо. *Полногрудая бомбезная брюнетка ищет миллиардера, чтобы решить свои финансовые проблемы. Миллионерам просьба не писать.*

— Мэделин...

— *Сексуальный агент по недвижимости хочет показать вам свою однокомнатную квартиру.*

— Простовато для тебя.

— *Секс-робот ищет настоящие человеческие чувства.*

Я стону.

— Ладно, хорошо, вот настоящая. *Восхитительная, несостоятельная девушка двадцати с хвостиком лет ищет красивого ветеринара. Рассмотрю только серьезные предложения.*

Глава 29

Мэделин

Три месяца спустя я стою на кухне Адама, почти опаздывая на работу. Надела пока только одну туфлю на высоком каблуке, бигуди все еще в волосах. Кофе стоит остывший и забытый на столешнице.

— Вот, съешь это, — говорит Адам, передавая мне миску с мюсли

и йогуртом. Свежая порезанная клубника уложена сверху. Последнее обновление: мюсли я теперь ем не в батончиках.

— У меня нет времени!

Он обвивает рукой мою талию и прижимает меня к себе.

— Три ложки. Тебе это полезно.

Стону так, словно меня бесит то, что он заставляет меня позавтракать, а затем насильно кормит меня. *Значит, война!*

— Я даже добавил чернику, — говорит он, хлопая меня по заднице по пути, уходя покормить Молли и Мышонка. Двое влюбленных сидят очень терпеливо перед своими мисками в ожидании утреннего корма.

Я съедаю несколько больших ложек мюсли, затем бросаю миску в раковину.

— Я помою позже, клянусь!

Он смеется, потому что знает, что это неправда. В наших отношениях Адаму досталась короткая соломинка почти во всем. Я ужасный сожитель. Я неряха по своей природе. Не особо часто и не очень хорошо готовлю, и если бы мне можно было сделать по-своему, то наша обувь валялась бы общей кучей в прихожей рядом с входной дверью. Как по мне, в этом есть смысл.

— Во сколько ты будешь дома сегодня вечером? — зовет Адам из коридора.

Я снимаю бигуди так резко, как только могу, а затем расчесываю волосы, поэтому у меня остаются мягкие, простые волны.

— Может, в пять? Зависит от того, сколько времени займет показ для мистера Боггса. Он может продержаться меня все утро.

Адам стонет.

— Да ладно. Я думал, на прошлой неделе ты мне сказала, что закончила показывать ему дома.

— Да! Клянусь, после этого раза я больше не поведусь на его милые разговорчики!

— Почему я в это не верю? — кричит он из другой комнаты.

Потому что я говорю то же самое каждую неделю последние несколько месяцев. Ничего не могу с этим поделать. У меня слабость к мистеру Боггсу — слабость к каждому жесткому клиенту в агентстве. Лори по-прежнему остается самым успешным агентом, но за последний месяц я завершила две продажи, и оба раза это были клиенты, с которыми никто больше не хотел работать. У меня есть терпение, и

думаю, оно окупается.

— Не забудь, — кричу я. — Лукас и Дейзи собираются на ужин сегодня вечером, чтобы мы могли узнать пол их ребенка!

Это девочка. Дейзи позвонила мне в секунду, когда узнала, но будет приятно увидеть выражение Адама, когда они откроют секрет за ужином.

Он входит в ванную и заканчивает застегивать рубашку.

— Я приготовлю свою коронную лазанью.

Из меня вырывается стон удовольствия.

— Да. Сколько слоев?

— Девять.

— Бооже мооой!! — я пускаю слюни.

— Может, и десять, — говорит он, соблазнительно понижая голос.

— Прекрати, Адам, — стону я. — У меня нет времени менять трусики.

— Ну, вот тебе менее сексуальные новости — мне нужно, чтобы ты сделала салат. Винегрет уже готов. Я сделал его сегодня утром.

— Значит, в основном ты доверяешь мне нарезать овощи и смешать их?

— В основном. Может, мы подпишемся на кулинарный урок, когда у нас будет время?

Я наклоняюсь к зеркалу и крашу губы губной помадой, встречая его взгляд.

— Или мы могли бы просто заказывать еду и заниматься сексом каждую ночь?

Он улыбается.

— Мудрая женщина.

Я сжимаю губы, распределяя помаду, а затем бросаюсь в нашу общую гардеробную (*ту самую гардеробную!*), чтобы достать другую туфлю. Молли любит таскать их по дому. Она не жует их, нет, просто носит. Мы называем ее Великий Переместитель. К счастью, на этот раз моя туфля на высоком каблуке ждет меня прямо там, где и должна — редкое явление в этом доме.

— Ты говорила с мистером Холлом о прекращении твоей аренды? — спрашивает Адам.

— Да. Он воспринял это так, как я и ожидала.

— Едва скрывая ликование?

Я смеюсь.

— Именно. Он даже не требовал уведомления за два месяца. Думаю, он испугался, что я передумаю и захочу остаться.

Надеваю туфлю и направляюсь обратно в ванную. Адам одет на работу в серые брюки и белую рубашку на пуговицах. Иногда он ходит на работу в шортах, но не сегодня. Сегодня я получаю полный эффект доктора Фокса — то, к чему я еще не привыкла.

— Что? — спрашивает он, когда у меня не получается оторвать от него взгляд.

— Ничего.

Он усмехается.

— У тебя такой взгляд.

— Мне просто нравится, когда ты так одеваешься, вот и все.

— Если вернешься домой к без пятнадцати пять, я соблазню тебя, прежде чем мы начнем готовить ужин.

Я подмигиваю ему.

— Идёт.

Приближаюсь и целую его на прощание, но не подхожу *слишком* близко, иначе из-за него я опоздаю. Выбегаю из ванной, обещаю, что вернусь ровно в без пятнадцати пять, а затем резко мчусь к парадной двери. Я должна встретиться с мистером Боггсом для показа первого дома через пятнадцать минут, и не хочу портить ему настроение опозданием. Я глажу Молли и Мышонка, обещаю побросать им мяч позже, а затем выхожу за дверь.

— Мэделин! — Адам кричит мне вслед, когда я бегу по тропинке.
— Люблю тебя!

— Я ТОЖЕ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

Хоть мы говорим это несколько недель, по мне по-прежнему распространяется тепло. Мне нравится слышать, как он произносит эти слова, и особенно нравится слышать, как он кричит на весь передний двор.

На телефоне меня ожидает голосовое сообщение от мистера Боггса, как только я завожу свой старый драндулет (да, я по-прежнему вожу эту машину), и я выезжаю с подъездной дорожки. Он хочет изменить график и съездить к другому дому — дому, по которому у меня нет данных. Он называет адрес, но мне ничего это не говорит, и у меня нет времени, чтобы вернуться в дом и просмотреть базу данных по

продаже собственности.

Ему просто придется понять, что у нас есть список, который мы оговорили, и я знаю те дома, как свои пять пальцев. Если он хочет посмотреть другую собственность, я не смогу рассказать ему о ней каждую деталь.

Я ввожу адрес в свой телефон и следую указателям.

Пятнадцать минут спустя я подъезжаю к «Ранчо Гамильтона» — самой старой собственности во всем городе. Сейчас она находится на окраине Гамильтона, хоть ее территория такая большая, что город «обнимает» ее периметр. Я даже не подозревала, что она продается. Слухи всегда заключались в том, что владельцы передавали ее из поколения в поколение несколько десятков лет.

Паркуюсь перед воротами и, конечно же, мистер Боггс прислоняется к одному из столбов.

Адам убьет меня, если узнает, что я занимаюсь этим показом. В последние несколько месяцев просьбы мистера Боггса становились все более и более смехотворными. Я даже не говорю Хелен о половине из них, потому что знаю, что она тоже начнет приставать ко мне с просьбой бросить этого клиента.

— Утро доброе, мистер Боггс, — говорю я, выходя из машины и останавливаясь на неровном ландшафте.

Если бы знала, что мы будем путешествовать по ранчо, то выбрала бы более практичную обувь. Например, теннисные туфли или четырехколесный велосипед.

— Утро доброе, Мэделин.

Он уже разблокировал ворота.

— Откуда вы знаете комбинацию?

Он не отвечает. Вместо этого прокручивает до последней цифры, тянет замок, а затем старые ворота открывают нам дорогу.

Холмы перед нами простираются настолько далеко, насколько может охватить взгляд. Во всех направлениях забор по периметру тянется, как будто никогда не закончится. Нельзя сказать, насколько велико ранчо, но оно очень красивое. Дубы и кедры разбросаны по всей собственности, и я не уверена, но, думаю, в полумиле по грунтовой дороге есть старый фермерский дом, который когда-то использовался первыми владельцами.

— Я никогда здесь не была, — признаюсь я, немного пораженная

масштабами собственности. Невозделанная земля ранчо является редкостью в нашем старом городке, хотя я не слышала о ней в последние годы, или с тех пор, как перестали использовать рогатый скот.

— Вы знаете, сколько акров в этой собственности? — спрашивает мистер Боггс, пока мы поднимаемся по грунтовой дороге.

— Пара сотен? Может, тысяча? Я могла бы проверить, если бы вы меня предупредили.

Он хихикает.

— Не нужно. Здесь около тринадцати тысяч.

У меня отвисает челюсть.

— Вы же не серьезно. Кто здесь живет?

— Ну, скоро буду я.

Как же мне становится смешно.

— О, да? Так вы, наконец, нашли себе дом, мистер Боггс? Спустя все это время вы поселитесь на таком большом участке земли, что его можно увидеть из космоса?

Мой сарказм попадает прямо в цель.

— Да. Поэтому мы здесь.

— Ну, стоит отдать вам должное. Я знала, когда вы, наконец, выберете недвижимость, это будет что-то грандиозное.

— Мэделин, я не могу избавиться от чувства, словно вы надо мной насмехаетесь.

— Насмехаюсь над вами?! Мистер Боггс, да ладно. Тринадцать тысяч акров в этой части Техаса буду стоять сколько, тридцать миллионов долларов? Сорок?

— Около пятидесяти.

Я смеюсь. Мы могли бы с таким же успехом поговорить о деньгах в игре «Монополия».

— Ну, кто бы ни владел этим ранчо, окажется *очень* богатым. Я даже не знала, что оно выставлено на продажу.

Он поворачивается лицом к территории, прищуривая глаза.

— Официально его выставят на продажу только завтра, поэтому я хочу выдвинуть предложение сегодня.

Больше года я мирилась с мистером Боггсом и его непрерывными требованиями. В городе нет собственности, которую мы не просмотрели хотя бы один раз. Он звонит каждый час каждый день,

включая выходные. Я ни разу не потеряла с ним терпения и не приставала к нему с мольбой купить дом, но *это* — чересчур. У меня есть работа, другие клиенты, которым я нужна.

— Мистер. Боггс, извините, но я не думаю, что это сработает. Я не могу позволить себе играть в эти игры весь день.

— Мэделин...

— Теперь вы просто злоупотребляете моим терпением. В течение года я показывала вам дома, и, если вы не собираетесь покупать ни один из них, вам лучше сказать мне об этом сейчас, чтобы я больше не тратила свое время. Мне понравилось работать с вами в качестве клиента, но у всего есть грань.

— Мэделин, я когда-нибудь, за все наше время наших встреч, сказал, что хочу выдвинуть предложение хотя бы на один из домов?

— Нет, — это я знаю стопроцентно.

— Так послушайте меня, когда я говорю, что хотел бы владеть этим ранчо. Я присматривался к нему несколько лет, и, наконец, оно выставлено на продажу. Мне нужен был агент по недвижимости, когда оно, в конце концов, станет доступным.

Как для сумасшедшего он звучит невероятно уверенно.

Я решаю повеселить его.

— Значит, весь прошлый год вы выматывали меня до мозга костей, чтобы я оказалась «под рукой», когда вы купите это ранчо?

Он улыбается.

— Признаю, я изрядно потрепал вам нервы, но мне пришлось по душе ваша трудовая этика. Теперь мне не придется сомневаться в том, чтобы заплатить вам комиссионные от этой продажи.

Я смеюсь, ну невозможно же сдержаться.

— И какие комиссионные будут от продажи такой собственности?

— Я думал об этом. Миллион кажется справедливым.

— Ха, — говорю я. — После долгих размышлений мне придется согласиться.

— Я когда-нибудь говорил вам, чем я занимался, прежде чем переехать в Гамильтон?

Я качаю головой, ошеломленная. Весь этот разговор кажется сном.

— Мой отец основал B&G Steel, и когда ушел на пенсию, компания была передана мне. Я работал в ней всю свою жизнь вплоть до пяти лет назад, когда я, наконец, продал ее и ушел на пенсию.

— B&G Steel, — повторяю я себе.

Даже я слышала об этой компании.

— Какой сейчас месяц, мистер Боггс?

— Август.

Ха. Так что это не подготовленная первоапрельская шутка.

Я пытаюсь подумать о другом возможном объяснении, когда мое внимание привлекает шум шин по гравию позади нас. Я поворачиваюсь вовремя, чтобы увидеть старый «форд», проезжающий мимо въездных ворот собственности и поднимающий пыль с грязью по мере приближения.

Он останавливается в нескольких ярдах отсюда, а затем из него выходит старик в ковбойской шляпе и поношенных берцах. Я тут же узнаю его: Стив Гамильтон, потомок первых поселенцев города. Он и его семья здесь почти знаменитости.

Мужчина кивком головы приветствует мистера Боггса, а затем протягивает руку мне.

— Стив Гамильтон, рад знакомству с вами.

— Мэделин Тэтчер.

Он улыбается и накрывает мою руку второй ладонью. У него сильное рукопожатие, крепкое и теплое.

— Рад познакомиться с вами, Мэделин. Слышал, вы собираетесь облегчить эту сделку для нас.

Что, черт возьми, происходит?

— Хм, я...

— Вы когда-нибудь работали в качестве риелтора для заключения сделки между двумя сторонами напрямую? — спрашивает мистер Гамильтон, когда отпускает мою руку и отступает.

Я качаю головой.

— Нет. То есть, я думаю, что смогу это сделать, но... разве такие виды сделок обычно не должны заключаться, ну, знаете, крупными брокерскими фирмами?

Он усмехается.

— Назовите меня старомодным, но мне не нужно, чтобы группа стервятников месяцами лизала мне зад. А мистер Боггс здесь уже сделал устное предложение, которое является более щедрым, чем любые другие, которые я, скорее всего, получу. Поэтому я рад заплатить кому-то из местных, кто справится со скучной работой.

Я оглядываюсь на мистера Боггса, но он смотрит на землю, словно даже не слушает.

— О, хорошо, — решаю, что лучше продолжить розыгрыш, если Эштон Катчер стоит за кустом с видеокамерой (*прим. перев.: американское шоу, вроде нашей «Скрытой камеры». Его ведущим там выступает актер Эштон Катчер*). В конце концов, мистер Гамильтон очень убедителен. — Ну, значит согласовано. Я хотела бы стать вашим риелтором для заключения сделки на продажу этой собственности напрямую между вами.

— Отлично. Хорошо, — кивает он, — думаю, это означает, что ваши комиссионные немного вырастут, так как вы получите долю от каждого из нас.

Я чувствую слабость. Обмахиваю себе лицо, смеюсь, душу смех, а затем предлагаю нежную улыбку *нормального* человека.

— Если я пришлю вам подробности, вы сможете подготовить документы сегодня вечером? — спрашивает он, очень спокойно, даже умиротворенно. *Ха*.

Я даже собственной кровью подпишу документы прямо здесь, в грязи, если эта сделка будет считаться законной. Решаю не говорить ему об этом. Вместо этого я с энтузиазмом киваю и обещаю проделать всю нужную работу.

— Хорошо. Отлично. Увидимся с вами обоими в компании по проверке права собственности на недвижимость, в восемь утра. Я уже назначил встречу, чтобы закрыть сделку.

Затем, так же быстро, как прибыл, он уезжает на своем старом грузовике, развернувшись на грунтовой дороге.

— Полагаю, теперь вы мне верите? — спрашивает мистер Боггс с добродушной улыбкой.

— И вы можете винить меня за скептицизм? — спрашиваю я, широко раскрыв глаза.

Он пожимает плечами.

— С тех пор, как я сюда переехал, я старался залечь на дно.

Мы возвращаемся к нашим автомобилям. В целом, показ занял менее получаса, но я стою, воображаю стопки и стопки денег такого количества, что я не знаю, что с ними делать.

— Вы знаете, что это значит, верно? — спрашиваю я, когда мы выходим за железные ворота.

— Вам, наконец, придется сменить этот старый автомобиль.

Я смеюсь и киваю.

— Я еще не готова отпустить его.

Но затем, как по сигналу, зеркало заднего вида с пассажирской стороны отпадает. Несколько месяцев оно висело на скотче, но, видимо, с него хватит. Оно бесцеремонно откатывается в пыли на пару метров от машины.

Мистер Боггс хлопает меня по плечу.

— Давайте, я отвезу вас обратно в агентство. Полагаю, мне все равно нужно объясниться.

Из меня вырывается смех.

— Мне не поверят, когда я расскажу.

— Вы, наконец, обскачете Лори.

Не могу дождаться.

— Как думаете, сколько раз мне позволят позвонить в колокольчик за такую крупную сделку? — спрашиваю я.

— Наверное, нужен один большой колокол. Эй, нам стоит слетать к одному из колоколов Биг-Бена.

Я усмехаюсь.

— Блестящая идея! Надеюсь, мы сможем добраться туда вовремя.

Как и ожидалось, Хелен и Лори не верят мне, когда я объясню ситуацию.

Лори фактически становится цвета ее мелированных волос и теряет сознание. Ее тут же отправляют в «Семейную Практику Гамильтона», а Дейзи пишет мне сообщение о ее состоянии: видимо, у нее мог быть психотический срыв. Бедняжка.

Когда я возвращаюсь домой в тот вечер, то наливаю Адаму бокал вина и прошу его сесть. Он что-то подозревает, широко раскрыв глаза.

— У меня грандиозные новости.

— Ты беременна?

Он, похоже, в восторге от перспективы, так как мы оба хотим детей.

Пытаюсь скрыть улыбку.

— А ты этого хочешь?

— Я чувствую подвох.

Поднимаю свой бокал, чтобы остановить его, довольная ответом.

— Я не беременна. Мое объявление на самом деле связано с

мистером Боггсом.

— Ты, наконец, ударила его сегодня о бордюр? Вот почему мы празднуем вином?

Я смеюсь.

— Не совсем.

После я посвящаю его в свой очень долгий, очень странный день.

Он недоверчиво качает головой. Тоже спрашивает, какой сейчас месяц.

— Это не шутка на первое апреля.

Его глаза подозрительно сужаются.

— Давай по порядку: старый Боггс в своей изношенной одежде и с почти сломанной тростью собирается купить «Ранчо Гамильтона» примерно за пятьдесят миллионов долларов, и ты получишь комиссионные?

Я свечусь от счастья и хлопаю его по плечу, пытаюсь быть такой же спокойной, как и мистер Гамильтон несколько часов назад.

— Все правильно. Адам Фокс, похоже, ты получил себе не только новую собаку, но *также* мамочку.

Он смеется, а я пожимаю плечами.

— Думаю, я заставлю тебя подписать брачный договор, когда мы поженимся. Я имею в виду, ты всего лишь скромный ветеринар. А я завтра в восемь утра стану миллионером.

— Мы еще не помолвлены.

— Разве?

— Наверное, на днях попрошу тебя выйти за меня.

Я улыбаюсь.

— И как это будет выглядеть? Все будут думать, что ты просто хочешь меня ради моих денег.

— Не могу избавиться от чувства, что эта мысль может быть в твоей голове.

Вероятно, он имеет в виду южный аристократический акцент, который я изображала последние несколько минут.

Я обмахиваю себя, словно дебютантка, и углубляюсь в свой розыгрыш.

— О, Адам, это нелепо. Я всего лишь одинокая наследница, в поисках ветеринара, который будет ухаживать за всеми моими животными.

Я указываю на Мышонка и Молли, прижимающихся друг к другу в углу.

Адам тянется к моей талии и притягивает меня вниз, пока я не сажусь к нему на колени. Его рот находит мой, и он страстно меня целует. Очевидно, что с него хватит моих игр.

— Мэделин?

— Да? — отвечаю я, затаив дыхание.

— Это «да»?

Я не могу не улыбнуться.

— Сделай то, что делал прошлой ночью, и я, может быть, подумаю.

КОНЕЦ

Перевод осуществлен для группы
https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters

Дорогой читатель, мы будем рады видеть ваши отзывы о сюжете книги в нашей группе. Еще хотим обратить внимание, что мы группа переводчиков и редакторов любителей, которые занимаются переводом книг в качестве хобби, отрывая время у своих семей, друзей, работы и тд. На титул «качество года» скромно не претендуем. Поэтому надеемся, что вы адекватно отнесетесь ко всем оплошностям и ошибкам, встреченным в тексте. Благодарим за внимание.